

Н Е М И Й Ц Ы

Б А С А

Дима прочитал или увидел мысли на моем лице, потому что одну руку убрал от овощей и схватил ею меня за попу, пододвигая к себе ближе. А я не сопротивлялась когда поцеловали за ушком, и когда, рука, пощупав бедра, скрытые только шортами переместилась вдоль талии на грудь и смяла, я совсем не сопротивлялась. Ни капельки! К тому же, не забывала один момент — в правой руке у мужчины нож!!! Погладила пальчиками Диме подбородок, почувствовала легкую щетинку. Он не брился эти пару дней, от этого сразу казался «взрослым», грозным, типичный бандит из боевиков, оставалось сигарету в зубы и запах перегара добавить.

— Мурррр, — призывно мякнула, прикрыв глаза.

— Кису... надо... отодрать! — расслышала рык уже отнюдь не котика на ухо, а скорее зверя.

Глава 1 "День Рождения"

POV Вильмонт

Это было недавно... тот день, когда перестала существовать, как Вильмонт. Странная моя жизнь. Полу Бастард — полу Аристократка.

И раньше я не могла определиться в своей природе.

Аристократка и Бастард — одно целое. Мы — две стороны монеты. У нас разное содержание, но общая оболочка. Я знаю ее, а она меня, нет секретов друг от друга. Уживаемся вместе, рядом, словно так и должно быть.

Аристократка — мое зеркальное отражение, которое отныне презираю. С недавних пор я — Бастард по имени Анна Ананина.

Хватит с меня вашей любимой власти, используйте друг друга сколько влезет. Больше никому не позволю собой пользоваться, тошнит от ваших махинаций. Отвезла демонстративно кольцо в загородный наш дом, уж не знаю отец видел или нет.

Сама задаюсь вопросом, как хватило сил не взять пушку и не прислонить дуло к виску, закончив свои мучения. Пару раз смотрела на успокоительные таблетки и грешным делом мелькала мысль выпить, но слава всевышним сразу отметала эту мысль и шла на балкон проветривать голову или промывала виски под ледяной водой.

Сессия была кое-как сдана из-за аварии, операции, восстановления. С горем по полам закрыла. Теперь следовало подумать, чем заниматься. Что делать дальше?

Планета крутилась и без меня. Приятное ощущение пустоты жило во мне с недавних времен. Пусто: нет ни боли, ни счастья, я плыла по волнам, закрывала глаза и меня покачивало. Солнце не слепило, вода не топила. Я уравновешена. Никогда подобного не ощущала прежде.

Наверное, слегка изменилась за прошедший год. Вряд ли женщина может похвастаться тем, что осталась той же девочкой после потери детей и бегства их папашки на другой конец света от тебя. Нет. Мне не больно больше. Я не виню тебя. Кто я для вас такая, чтобы думать обо мне.

У каждого свое счастье. У отца — деньги и власть. У Хаски — стало быть тоже власти главное в жизни. Всегда он любил командовать и тащился от того, какая бастардом я была податливая. А теперь решив проблемы, сбежал сломя голову.

Какие дети, ты о чем Вильмонт? Это твои проблемы. Твоя авария. Прощай, прости и ничего не обещаю.

Так. Стоп. Все хорошо, спокойно. Дыши глубоко и часто, наполняя воздухом легкие.

Сегодня День моего Рождения — 13 августа. Девятнадцать. Я сопровождала Волчицу на съемки видео-клипа, волновалась она видите ли, поэтому ей нужна была поддержка в лице меня. Ее новый любовник, которого она встретила на работе (и как она ухитрилась найти нормального мужчину в стрип-клубе!?) предложил ей сняться в клипе. Великолепный шанс для нее, чем она не преминула воспользоваться. Я же выступала в роли, некоего спасательного жилета, боялась она иметь дело со столькими Аристократами, к тому же, подозрительно что ее мечта сняться на телевидении по всей видимости скоро исполнится.

Она яркая как звезда, шикарная. Если бы не ее бастардовские корни, Волчица была бы уже давно дамочкой известной, как моя Саша.

Сегодня у Волчицы была маленькая, но заметная роль стервы. Ха! Ну это ей не придется играть, Волчица — та еще стерва. Кто бы знал год назад, что она станет настолько мне близким человеком.

— Дубль два. Кадр 5. Поехали! — заорал режиссер, а я неподалеку присела на высокий стул и пыталась никому не мешать. Правда смс на мой телефон мужчинку иногда раздражали, но дяденька хороший, изредка грозил кулаком, но не дрался.

— Эй! А вы не желаете для массовки посниматься? — спросил у меня. Я ускоренно замахала головой в разные стороны.

— Нет, спасибо. Я не очень люблю камеры, — ответила, при этом отвлеклась на смс, которая нагрнула с неизвестного номера.

«С Днем Рождения».

Коротко и ясно, явная не ошибка. Да мало ли кто это. Волчица строила какому-то парню глазки на камеру под зазывание вентиляторов, будто бы там ужасный ветер. Словно они на Баллийских островах среди белого песка, слепящего глаза, а сзади них развлекалась молодежь. А на самом деле позади них белое полотно и три калекки в качестве массовки. Обманчивое телевидение, однако.

— Глаза пошире. Ты что Баллийка!? — заорал режиссер, отвлекая меня от дум по поводу ответить загадочному поздравителю или нет.

Не похоже на близкого человека. Спустя еще десять минут разглагольствования режиссера, и моего тихого смеха пришла очередная смс.

«Подарок ждет тебя дома» — значилось в нем.

Это смутило сильнее, значит кто-то близкий, знающий где я проживала. Неужели трудно подписаться? Раздражали подобные кадры. В телефоне еще пять подобных поздравлений, чьи номера не знала. Давно новый надо было сделать, чтобы люди из прошлого не донимали.

Волчицу долго мучили с ее партнером. А режиссер мне понравился, нашла с ним общий язык. Учитывая, что он смеялся над актерами, а я посмеивалась, не таясь.

— А я думал, что съемки это для тебя каторга, Вар? — сбоку раздался мужской голос. Я обернулась, оглядела молодого мужчину — легкий беспорядок, футболка, рваные на коленях светлые джинсы. Но улыбался Ангельский Миша очень ярко и почему-то смотрел не на того, к кому обращался.

— Как видишь, мне компанию составляют, так веселее. Это подруга одной из актрис, Аня, — внезапно режиссер представил меня. Пришлось оборачиваться и улыбаться. — Это Михаил — один из моих лучших друзей, — я кивнула насмешливо, пряча глаза на кафельном полу под нами, потом подняла. Закусила губу, едва сдерживая серьезное выражение на лице.

— Добрый день, — протянула руку для пожатия.

Ну, Миша он и у Баллийцев Миша. Нет бы пожать, а он обхватил мои пальцы и, наклонившись, прислонил теплые губы к моей прохладной руке. Здесь в помещении, где проходили съемки, завывали кондиционеры и, как следствие, было очень свежо.

Странный жест, давно забыла о таких. Вернула себе руку и спрятала обе под грудью. Как раз закончился кадр.

— Перерыв пять минут. Потом продолжим, — заорал наш режиссер. — Девочки в гримерку, всем макияж обновить! Здесь жарковато!

Мужчина хлопнул по рупору двумя руками:

— Больше секса. Мы здесь 18+. А не кому за шестьдесят +!

Площадка наполнилась задорным смехом, в том числе и я заулыбалась, на что Волчица погрозила кулаком.

— Аня, — расслышала голос сбоку.

Миша обошел мой стул сзади и присел на стул режиссера, который пока ходил и делал замечания актерам.

Я вопросительно уставилась на Ангельского.

— Как дела?

Мдда....Что тут сказать? Мужчины рядом вызывали легкий испуг — это если просто заговаривали, а если плохо смотрели, то вообще клиника...

Не хочу чужого внимания.

— Хорошо, Миш! Давно не виделись, — отстранено ответила, предпочитала игнорировать мужской, внимательный взгляд.

Прямо напротив — журналы валялись на стеклянном столике.

Я этим и решила заняться, пока перерыв. Взяла один из них — журнал «события». Начала листать, продолжая игнорировать взгляд слева. И ненароком через несколько листов обнаружила его — моего призрака из прошлого, при виде которого сердце отмерло на секунду. Казалось оно навечно закрылось от дуновений любовного ветерка. А... нет. Оно здесь... живет...дышит.

Хаски крупным планом. В костюме черном, чуть улыбался, глядя вниз, лицо под наклоном. Как и обычно безукоризнен. А рядом с ним молодая девушка на фотографии и он обнимал ее за талию, а девушка маленькая обнимала его за талию в спиной на камеру, но лицо было видно.

«Наследник семьи Хаски и его девушка на вечере в Немийском Посольстве.» У Баллийцев, неделя назад.

— Аня! Ты здесь? — я обернулась оторвав взгляд от журнала.

— Да, конечно, — улыбнулась привычно равнодушно.

— Как думаешь мы можем встретиться в иной обстановке?

Я усмехнулась скептически. Предложение Миши вызвало желание огородиться стеной от любых поползновений. К тому же фотография добавила агрессии.

— Если ты, Миш, имеешь ввиду обстановку — ужин при свечах и дальнейший секс без свечей, то вынуждена отказать, — громыхнула журналом по столу и приподнялась. — Приятно было увидеться,

— Аня... — Позвал он и тоже подскочил. — Да я не имел ввиду, ничего такого... — не люблю когда хватают без предупреждения. Когда почувствовала хватку на локте, моментально вырвалась.

— Миш, не стоит хватать девушек без их согласия, это противоречит правилам приличия! — укоризненно посмотрела на свой локоть, где были его пальцы.

— Эмм, прости! — он, кажется, оробел после отповеди, странно посмотрел, смахивало будто немного обиделся.

А я опять проигнорировала и позволила себе уйти. По дороге подозвала тихонечко Волчицу и предупредила, что буду ждать в кафе напротив съемочного помещения.

Мне не нужны знакомства, я хочу спокойствия в этой жизни, тихого и безоблачного счастья. Рядом с теми любви, которые не придадут.

Вышла из здания, в глаза ярко светило солнце и от этого я чуть зажмурилась. Глубоко вздохнула. Картина из журнала стояла перед глазами, как живая скульптура. Словно он

опять здесь, его лицо вспоминалось, как живое наяву, его ямочки на щеках, морщинки вокруг глаза, когда радовался или на лбу полоски, когда гневался.

Опять захлестнула волна, она вроде заснула где-то на берегу моря, но едва подул ветер вновь всколыхнулась. Притормози, не топи больше. Я очень сильно старалась успокоить ее волнение, а она опять всколыхнулась. Успокойся, все, как прежде, он далеко от тебя. Это прошлое.

— Анна! — я шла по тротуару к пешеходному переходу, там пока горел красный цвет, поэтому не очень спешила. Услышав знакомое обращение остановилась.

— Анна, стой, — Миша торопился, заметила по неровному дыханию, словно бежал. Как-то он долго размышлял прежде чем догнать.

— Постой, я правда ничего «такого» не думал, — сказал Ангельский, при этом очень нервно жестикулировал.

А я стояла, вцепившись в сумочку пальцами, как за спасение.

— Извини, не хотел обидеть, просто предложил встретиться...просто, как в старые добрые времена... как друзья, — почесал задумчиво затылок пальцами Миша.

— А я просто отказала, — перебила резко. — Не бери на свой счет. Я не заинтересована в свиданиях, — улыбнулась натянуто, чтобы не обидеть человека.

Нет смысла делать ему неприятно, он не виноват в моем отношении к нему.

Миша подходил всё ближе — ближе, я отрицательно помахала головой. Скоро мой пешеходный переход.

— Миш, перестань, я что-то вроде лесбиянки, — дала трех очковый и он его не смог бы перебить даже при самом лучшем раскладе. Развернулась, когда загорелся мой светофор, и не глядя двинулась вперед. Достаточно быть милой.

День Рождения встретила с девочками- Бастардами, конечно, с братом, и двумя сестричками. Кристина и Саша нашли общий язык, пол вечера говорили о моде! О моде! О тряпках и косметике! Я, конечно, могу пять минут послушать и поговорить об этом, но не три часа!!!

А Паша — мой ловелас братец нашел общий язык с Волчицей и это при условии, что у подруги мужчина есть. Нет, они не тот общий язык нашли, в смысле не два на двух, а в смысле... они обменивались опытом и правилами съема. Паша говорил о мужских любимых приемчиках, которые использует для девочек, а Волчица, рассказывала о своих любимых женских хитростях. И они так вдохновенно общались через весь стол. Очень любопытно.

А мне, Алисе и Маше было не чем заняться и мы мили вино и слушали то один, то другой разговор.

Напоследок, Паша предупредил, что меня ждет что-то дома. Потом вспомнила о смс с утра и сопоставила два факта. Только почему с неизвестного писал, глупости какие-то.

Возвращалась домой поздно, разговаривала с отцом по телефону. Я лишь слегка навеселе, достаточно в уме и трезвой памяти, завтра планировала заняться поиском работы. Отец нашел время поздравить меня — двенадцатый час.

— Да, пап, слушаю, — мой голос был чуть уставшим, с огромным облегчением зашла в уютную квартирку, включила свет и стала разуваться. С огромным трудом, ноги затекли от босоножек на шпильке.

— Может стоит перестать мстить?

— Ты о чем? — устало вздохнула, спиной оперевшись о дверь. Посмотрела на потолок

белый. Устала от Дня рождения — нужно улыбаться и делать вид, что жизнь прекрасна. Сумку кинула куда-то на коврик, потом как-нибудь подниму.

— Я услышал о смене фамилии, — сказал отец.

— Только узнал!? — не пришлось делать вид, что смеюсь, я действительно засмеялась. — Я две недели, как сменила фамилию. Твои ищейки плохо работают... — опустила глаза с потолка вниз на помещение... что-то в моей квартире изменилось. И это что-то благоухало!

Сиреневый диван и его пестрый цвет затмевали оттенки самых разных растений. По всему залу и соединенной с ним кухней, везде- везде цветы. Как? Без меня? Кто здесь был?

Аккуратно отсоединилась от двери и пошла по полу не спеша.

— Слишком занят был. Мой подарок придет завтра. Прими — не ленись. И заканчивай концерт, Анна. Я хочу пристроить тебя в одно место.

— Мне плевать куда ты хочешь меня пристроить. Забудь... — выговорила четко в трубку и оборвала связь.

Кто таинственный даритель? Шмонт? Нет. Он подарил букет желтых цветов с утра и какую-то новомодную тряпку, видимо, очередная женщина посоветовала. Наши отношения стали довольно прохладны. Я не виню его после моей беременности он стал сам не свой, избегал меня, старался не появляться в тех местах, где и я появлялась. И созваниваться мы стали все реже и реже. Я сама виновата — былую дружбу никогда не вернем.

Ааа. Выдохнула расслаблено. Это Паша, предупреждал же, что дома сюрприз.

Цветы лежали на столе. Несколько десятков букетов, на стульях, на диване, на столе. Это были розы и лилии, таких необычных и ярких расцветок, что я удивилась. Не знала, что бывают коричневые розы, а уж голубые!?

Среди массы цветов разглядела непримечательную черную коробочку. Подойдя ближе поняла, что это шкатулка большая. В такие упаковывают, дайте угадаю — украшения. Но Паша мне сделал подарок уже — цепочку.

На черном бархате ткани непримечательная карточка с надписью. Поднесла к глазам поближе и вновь я стояла на грани обрыва, мое сердце било меня из последних сил, а я сражалась со страхом, но тщетно.

«Мои поздравления для самой прекрасной девушки» Дима Х.

Сжала карточку пальцами, края обертки вжались в мякоть ладони, не чувствуя неудобств, а лишь пожар в груди. Удостоверилась, что табличка смялась и бросила ее на пол. Это от него.

— Да как только ты... Ты...

Я раскрыла дверь на балкон. Влетела, забыв что ломили ноги, распахнула с грохотом створки, так что ручка треснула по стеклу. Зазвенело, но не обратила особенного внимания.

Как ты посмел? — прорычала сквозь сжатые зубы. Ты меня не можешь услышать, но может всевышние силы передадут мои слова тебе лично. Один за одним букеты вышвыривала в окно.

Я на тридцатом этаже, но окна выходили на лужайку и примыкавший рядом небольшой лесок. Туда и полетели все эти красочные цветы. Выкидывала и выкидывала любое напоминание о тебе. Все, о чем ты думал. Я не хочу этого ощущать больше никогда. Я прикоснулась к волосам. Ты их так любил. Подсознательно чувствовала. Часто ими любовался, прикасался большими пальцами, как к шелковым нитям аккуратно, и гладил пряди. Отрежу, отрежу их по самые плечи, столько раз грозилась уже и никак не найду сил

осуществить угрозу.

Внезапно вспомнилась смс с утра на съемках. «Подарок ждет дома». От него.

С обреченным вздохом рухнула на мягкий диван, локти поставила на колени и спрятала лицо в ладони руки.

Подведем итог — полугодовая психотерапия Имины со мной только что вылетела в окно вместе с цветами и это всего лишь от подарка Дмитрия Сергеевича. Я говорила, что я уравновешена? Беру свои слова обратно, надеюсь соседи не видели водопада цветов из окна в двенадцать ночи.

Черную шкатулку взвесила в руке, даже не распаковав, вновь положила на стол. Обратно отошлю. В его резиденцию! Плевать, что там не живет!

Служба доставки круглосуточная и я часто пользовалась ее услугами, удобная вещь, когда хочешь кому-нибудь отправить небольшой подарок или весточку. Список необходимых телефонов, в том числе такси висели при входе, прищипленные к стене.

Там и вызвала незамедлительно курьера и отправила с карточкой. «Спасибо за подарок. Вынуждена вернуть обратно.» Анна W.

Решила не посвящать его, что отныне я — Анна А.

Когда дверь закрылась за рабочим персоналом постаралась выгрузить из головы не нужные мысли, выветрить их как когда-то учила одна девушка. Имина оказалась хорошим психологом, помогала избавиться от тяжелых мыслей. Я плыла по течению, чувствовала слабый ветерок. Все тихо, все спокойно. Только вот...

Прошла не спеша к балкону, к открытым створкам, там в ушах загудели ночные шорохи. Старалась различить на лужайке возможные цветы или что от них осталось.

Не знаю зачем спустилась ночью вниз на эту дурацкую лужайку, наверное, решила что ссорить не очень хорошо. Среди слабого света от фонаря обнаружила нашего консьержа и по совместительству садовника, уж очень он любил ухаживать за садом и внутренним благоустройством дома. Он не спит в такое время!?

— Вы не спите?

Меня мужчина всегда игнорировал, предпочитал обращаться как — эй ты. Наверное думал, я чья-то любовница и меня здесь прячут для постельных утех. С недавних пор чужое мнение не особо волновало. Я заметила, что он поднимал цветы, значит несколько букетов я сюда выкинула, а не за ограду в лес.

— Это мои... — чуть смущенно ответила старичку — бастарду, кожей чувствовала похожую кровь.

— Цветы в чем виноваты, девочка? — мужчина наклонился сгорбившись над цветами и поднял одни — сиреневые. Я сквозь свет отметила: сломанный бутон, оторванные листья на лужайке. Молча приняла укол и подняла те цветы, которые лежали не собранные консьержем.

— Вы правы — вины нет, но принять их не могу. Не могли бы вы их взять? — когда со всеми делами было покончено я спокойно поинтересовалась.

— И куда я их дену? — мужчина махнул раздраженно чуть трясущейся рукой на меня, будто прогоняя.

— Извините, — сказала тихо и развернулась к подъезду.

Что творю? Вновь, как маленький ребенок, когда дело касается Хаски. Я переросла, переболела. Надо стать взрослее и ответственнее, пора заканчивать с воспоминаниями.

А он зачем бередил мои раны? Они почти затянулись, почти... совсем немного осталось

кровоточащей ранки, а Хаски опять скovyрнул. Хочешь навсегда оставить на мне рубец?

Глава 2 "Возвращение"

POV Вильмонт

Не велик выбор. Жила на проценты от фамилии, прискорбно, в отцовской квартире, которую он подарил. Другого выхода пока нет, но должен быть. И я его искала активно. Работа.

Где у нас работают Бастарды обычно? Продавцы, грузчики, в Амиаках. Амиак...брр... я вслух боюсь произнести это название. Далее — проститутки и танцовщицы в клубах. Шикарный выбор профессий и я пока не знала, куда бы примкнуть.

В начале нового учебного года в сентябре месяце удача мне улыбнулась и приветливо помахала ручкой. Я в тот момент проходила с девочками по коридору учебного блока и обнаружила на стенде крупное объявление. «Два вакантных места для бастардов в управленческий центр.»

Управленческий центр — это же...это же нормальная зарплата, ну среднестатистическая, только одна проблема — не я одна пожелала занять это место. Пятьдесят два кандидата на два места. Прошла собеседование и меня приняли вместе с еще одной девочкой.

Это было просто как дар с неба, понадеялась, что это не ректор подсобил?

Итак я стала работать в управленческом центре Арзонта — папаня удавится, когда узнает. Я получила доступ ко всем организациям солнечного города, обладала информацией о их доходах и расходах и знала кто платит исправно налоги, а кто нет.

Красота, да и только. Я таким образом могла узнать самых-самых крутых представителей Арзонта, ну или их бухгалтеров.

В тот день была ясная погода, лучи солнца доставали все утро, они лезли в глаза сквозь окна в аудитории. Пытались распалить мою кожу, но я бойко сражалась с ним закрывалась тетрадками своей и Волчицы, иногда отбирала у Колдуна сзади.

— Заколебала! — гаркнула мне Евлампия и отобрала мое оружие сражения с солнцем. Я только фыркнула недовольно. Мой сотовый вновь выдал трель на столе перед нашими глазами.

— Может возьмешь? — недовольно спросила подруга. Я не ответив, перевернула телефон экраном вниз. У отца день Рождения и сегодня весь скоп Аристократов должен гулять, но меня там не будет ни за что. Я туда больше ни ногой.

— Глупости, — фыркнула она на мое поведение.

В конце пары я все-таки взяла трубку, потому что теперь одолевала мама звонками.

— Аня, может быть приедем к отцу на День Рождения? — мама говорил строгим, сухим тоном. Она естественно обижается, что я обижена на ее мужа. Вот такая система. Я обижена на отца, а она на меня, за то, что я на него.

— Нет, извини, я на ваши сборища больше не пойду. По телефону поздравила, подарок будет.

— Папа переживает, — я лишь хмыкнула на ее признание.

— Умоляю, мам, — злорадно усмехнулась. — Переживает он из-за взлета акций или их падений, я ничто по сравнению с ценными бумажками, — мать всегда будет на его стороне, что и говорить, если она прощала ему измену, пускай и по причине, видите ли мать не

способна удовлетворять мужчину в такие годы. Я всегда презирала отца за это.

— Аня, пожалуйста...

— А если бы тебя отец продал для какого-нибудь важного контракта? — прошипела я едва слышно, четко, едва не по слогам. Чтобы каждое слово мама поняла на своей шкуре, прочувствовала яд моих слов. — Если бы тебя он отправил, как безродную тварь в логово стервятников, чтобы тебя там сожрали?

— Аня...ты очень изменилась, озлобилась... — с укором произнесла мама с целью застыдить непутевую дочь.

— Что больше нет той наивной, заботливой дурочки, которая будет всё для всех делать? Ты отметила совершенно верно. Прости, мам, но больше я не желаю быть связанной с Аристократами, я не хочу быть мишенью. Я хочу спокойствия.

На последние слова мама не ответила, а я коротко попрощалась и повесила трубку.

POV Польски

Праздновали День Рождения Вильмонта. Какая морока эти праздники великих семейств, чуть ли не каждую неделю необходимо присутствовать, когда пол ночи не спал, охраняя, маму твою, склад сам лично на острове X и W, вот спрашивается, зачем? Все проблемы решены вроде бы. Трески с оставшейся семьей у Баллийцев прячется, ну как прячется вполне неплохо перемещается на той территории, засел гад.

Диман сказал виделся с ним в ресторане, неплохо поужинали, пообщались на старые темы, правда под конец пообещал ему сердце вырезать, когда тот пересечет границу с Немией. Но это мелочи, Макс торжественно поклялся, что этого не сделает.

Перестраховываются знатные семейства, ведь стройка острова вышла на финальный этап.

Эти кабаки достали, что за старческие причуды, обязательно встречаться огромными семьями по пятьсот человек? Правильно, чтобы посплетничать кто, где, чего добился, а кто наоборот. Одним словом — место сплетен.

Диман сегодня, как на свадьбу, разрядился в пиджаке и брюках, так рад вернуться к нам? Его не было шесть месяцев знатный срок. Соскучился видимо по этим дурацким правилам. Я оделся в простую клетчатую рубашку и джинсы с кедами.

У Димана есть причина красиво выглядеть — представляет свою девушку.

Они встречаются пять месяцев — это прогресс. Это достижение. Ни с кем он так долго и так качественно не дружил. Похоже с Юлей у них полный штиль в отношениях. Это то, что ему нужно было после... любви к Вильмонт. Он спокоен с Юлей улыбчив, снисходителен, даже можно сказать добр и терпим к людям, держит себя в руках. Это заметил я за две недели, что он прибыл в Арзонт.

Неделю назад Дмитрий вступил в право наследования — отныне вся власть Хаски перешла непосредственно под его контроль. Обмывали два дня, потом страшно было на работу идти.

Хаски неузнаваем, словно не он уезжал отсюда полностью разбитым, сломленным, таким я прежде его не видел. Растерянным, не знающим что делать и куда идти. Он тогда потерял опору под ногами, упал навзничь, а Юля помогла ему встать. За одно это я благодарен ей и принял с улыбкой на лице.

Красивая девушка и чем-то отдаленно напомнила Вильмонт. Двадцать шесть лет — чуть старше нас, Аристократка Немийского происхождения, но без связи с энергией. Она рассудительная, серьезная девушка и достаточно милая, спокойная, не заноза в одном месте.

Взбалмошных девчонок Диман обычно презирал, а в тот раз не знаю, что с его мозгами было. Это вообще какой-то заскок.

Аня — антиидеал его девушки. Будем надеяться, что его бред закончился еще тогда и что он исцелился в объятиях Юлии.

Праздновали в райском дворце — крупный ресторан, обстановка его постоянно изменялась в зависимости от празднуемых событий. Сегодня стены и пол сверкали в ледяных капельках. Повсюду голубой цвет и белый снег, на искусственных деревьях, стоявших по периметру. словно мы в ледяном царстве, неплохо придумано. С потолка сыпался искусственный снег. Много народа, но в связи с тем, что младшие братья и сестры Хаски сегодня не пришли, пришлось создавать массовку и пересесть к ним за стол.

Исцелился ты или нет, Диман? Клянусь, если нет — я выбью из тебя это дерьмо. Мне нужен глава Хаски, а не сопляк, которого обидели. Только бы Вильмонт не пришла, хотя о чем говорить. У ее папашки День Рождения...

Поглядывал исподтишка за перемещением Хаски, достаточно позитивно настроен. С Виталиком молча переглядывались, про себя надеясь, что вечер пройдет спокойно. Только без драк. Вильмонт же не станет выяснять отношения. Она ведь тоже мечтала от Димана освободиться и он дал ей свободу. За все время она не объявилась, спрашивал у друга лично. Та даже проигнорировала его подарок и отослала обратно. Видимо, у них холодная война, это и к лучшему.

Я расположился напротив Димана, отсюда и вид лучше открывался на столик чуть правее и вперед — Вильмонтов и на весь оставшийся высший бомонд.

Дима и Юля полу боком ко всем во главе стола. Мы с Виталиком вновь переглянулись — его столик был неподалеку, могли перешептываться. Нам страшнее, чем Хаски, как онотреагирует на появление Вильмонт.

Но, странное дело, торжество началось — а только Ани не было. Это успокаивало, но не до конца, значит опаздывала. Шута из себя строил исключительно для Юлии, рассказывал ей смешные истории, пока Диман молчал. Нет. Он не работал, не разговаривал по телефону, просто ел спокойно и пил шампанское. В общении не принимал участия, только когда отец спрашивал его о работе. Когда музыка немного стихла и представилось время немного выпить Юля огорошила нас словами, которые меня ввели в ступор, а что уже Хаски:

— Дим, что-то случилось? Ты напряжен? — вот это номер. Я-то ощутил по его молчанию, что он сам не свой. Не может совладать с нервами, пока не появится Вильмонт и они, наконец, не придут к какому-нибудь консенсусу.

— Эмм. Нет... все нормально.. — Хаски положил вилку рядом с тарелкой и отпил напиток из высокого бокала. Ровными аккуратными глотками.

— Ты молчалив... — не унималась, надо было помочь, а то вызовет гнев его. Не любил, когда лезли в его душу разговорами, не всем позволял. Мне и то очень редко. Обычно если нужно поговорить на серьезную тему, я отсылал Виталика, Диман на одного него никогда не срывался.

— Я же сказал... — начал повышать голос Хаски. Сейчас что-нибудь сказанет. Опять проявление Вильмонтковского влияния. Едва речь заходит о ней- теряет самообладание, словно мальчишка.

— Он просто впервые появился в нашем обществе после длительного отсутствия, — перебил его и подмигнул дружески обоим, чтобы разгладить обстановку. Не кипятись, намекая ему. — Разучился вести себя в обществе. К тому же, — обратился с улыбкой к

Юлии. — Он представляет свою девушку, нервничает..

Ага. Скорее Баллийцы войдут в наш состав, и мы помиримся с ними по всем фронтам, чем Хаски чего-нибудь испугается. Как говорилось выше страх увидеть Вильмонт — не считается. Это индивид — страшная женщина. Пора с этим что-то делать. Как можно не навязчивее отсчитал несколько минут и присвистнул.

— Эй! Пашок! — крикнул через один столик, привлекая внимание к себе легкими взмахами рук. Тот вопросительно кивнул, прислонил руку к уху, будто слушал. — Где среднюю оторву потеряли?

Наследник Вильмонтов сделал комично-испуганное лицо и не заметно жестами помахал в сторону отца, не отвечая, но на что-то явно намекая.

Ответ я не получил. На противоположной стороне от себя поймал взгляд Хаски. Ни осуждения, наверное, легкое любопытство и смирение, что его прочитали.

Павел пришел спустя минут десять, пока, видимо, отец отошел из зала. Присел, как заправский шпион, рядом со мной и зашептал:

— Угораздило при отце тебе спросить,

— А что такое? — от удивления зашептал тоже.

Паша оглядел меня, потом внимательно слушавшего Димана и решил нам поведать:

— Смс отправила, вот он и в бешенстве... у них холодная война уже полгода продолжается... Анька больше не ходит на такие сборища... — поведал Павел, а потом краем глаза заметил приближение отца. Стукнул пальцем по пустующему бокалу с намеком, чтобы налил. Мол, пришел выпить и ничего более.

Я пока занялся разливкой шампанского, Вильмонт продолжил:

— Так что наша оторва потеряна для нас... — сделал небольшой глоток шампанского поморщился. — Теплая гадость... Даже фамилию сменила. Отец месяц орал на всех ходил в бешенстве от ее выходки...

— Фамилию сменила? — подал голос Диман.

— А из-за чего поссорились? — одновременно с ним озвучил вопрос.

— На Ананину. Сказала заколебалась выполнять поручения отца. И даже деньги перестала у него не брать, правда квартиру все-таки приняла, — выдал? как из снаряда очередь односложных предложений Павел и встал. — Пойду, а то отец пристрелит, что наседаю на алкоголь...

И это наследник Вильмонтов — ребенок еще совсем. При молчаливом согласии Хаски отметили для себя в очередной раз. Но сделали свои выводы — Диману не о чем беспокоиться и нервозность должна его отпустить.

Но почему-то в течение вечера его молчаливость не прошла. Он как и прежде раньше в далекие времена до Вильмонт-Ананиной спрятал глаза в телефоне, прячась там за работой. Только бы не опять. Только бы он успокоился.

Будем надеяться, что их дорожки больше никогда не пересекутся. Арзонт большой город.

POV Вильмонт

Это здание нельзя назвать обыкновенным. Оно не из стекол, как обычно привыкли строить в Арзонте, а из камня большого, неровного. Холодный, мрачный двухэтажный дом. Когдаходишь в большие дубовые двери, то окунаешься в отражение себя повсюду. Стекланные потолки и местами стены, пол полностью из темного стекла.

В здании всего два этажа и около десяти кабинетов на каждом. Наверху начальство. На

нижних — мы простые специалисты. Работа у нас — своеобразная. Интересная, но жутко объемная и циферная. За полтора месяца почти вошла в курс дела, спасибо коллектив у нас девчачий и поговорить, и объяснить все только "за". Восемь женщин от мала до велика в одном нашем кабинете. Похоже я все-таки самая молодая.

Восемь столов находились по периметру кабинета. Мое рабочее место — рядом со стеклом, оно прозрачно с нашей стороны, но снаружи полностью затемнено.

Я видела напротив нас прекрасный густой парк, мы там любили гулять, перекусывать и просто покуривать в наглуую. Да, я опять закурила. Наверное, от нервов, когда услышала новость о возвращении Хаски и его девушки. Я только восстановила душевное спокойствие, а он ворвался в Арзонт, словно хозяин. Лучше бы вновь исчез, тяжело жить с ним в одном городе и бояться встречи. Но постепенно успокоилась. Мала вероятность встретиться с ним, больше нет точек соприкосновения и даже телефон я больше не знаю его. Из всех соц сетей его удалила. Он закрытая страница в моей биографии.

И волосы я себе, наконец, отстригла по лопатки. Чуть не заплакала, когда увидела копну черных волос на полу в парикмахерской. Пришла домой, помыла голову и ужаснулась. Я — Пудель номер два. Я похожа на Пуделя, на Польски. Когда волосы были длиннее, это нормально под тяжестью они свисали вниз и казались не такими объемными, а теперь у меня в разные стороны кудряшки. Я — Пудель. Шикарно!

Дождь сегодня лил плотным потоком — редкость, а мне понравилось. Я под теплой крышей за компьютером, изучала новые данные организаций, пальцами стучала по клавиатуре. В ушах ненавязчиво играла музыка с телефона. Здесь не запрещено, это скорее помогало сконцентрироваться на проблемах перед глазами.

Цифры или формулы, которые не знала спрашивала у соседки слева — Катерины. Ей около тридцати, замужем, но пока без детей, пытались зачать, процедура не получалась, плод отмирал постоянно. Но несмотря на проблемы в жизни невероятно веселая женщина, не унывала, смеялась и говорила, как всевышние силы дадут ребенка, так тому и быть.

Я ее, наверное, достала, но без помощи мне не обойтись. Я ей шоколадки покупала в конце недели за мучения со мной и та постепенно смирилась с ролью учительницы.

Дверь бесшумно открылась я не сразу заметила, что в помещение зашел кто-то. Редкость. Тишину очень ценю. Запоздало выдернула наушники. Неужели Альбина Денисовна — наша главная начальница? Сейчас подзатыльник прилетит.

Подняла глаза и увидела мужские ботинки в центре кабинета и получается почти напротив меня. Опа-на. Еще раз повторю. Опа-на. Значит собственными мозгами меня сюда взяли?

И вот только сейчас прострелила мысль с ног до макушки — Миша на концерте ЖИЖИ предлагал поработать в управленческом центре. И как можно было забыть!?

Миша остановился в центре помещения, чтобы все работницы его видели. В джинсовых штанах и белой рубашке.

— Добрый день девочки, — ох, уж эта улыбочка обольстителя.

Улыбка у него безусловно красивая, обаятельная и от этого раздражавшая. Знал, что имеет влияние на «девочек». Тут, кстати, некоторым девочкам — пятьдесят восемь лет. Моя любимая тетушка Корнелия, смеялась всегда надрывисто и громко, но очень заразно. Можно не слушать, какой анекдот она рассказывает, а смеяться над ее смехом. А по телефону, как общается с клиентами, порой поливает грязью приставучих клиентов до такой степени, что те со слезами сбегают.

Женщина — взрывная бомба, если в плохом настроении.

— Ой, Мишенька, дорогой, как отдохнул? — тетушка Корнелия и взяла слово. Она негласно наш лидер в кабинете.

— Корнелия Андреевна, великолепно. Снежные горы, аттракционы. Великолепно. Только по вам соскучился, — объявил улыбчивый Ангельский и очень осторожно оглядел мой стол и меня. Тьфу. Прямо смотреть на него не хотелось. Надеюсь, руки распускать не будет. — Я слышал у нас пополнение? — ага. Как же слышал? Подняла глаза на уровень его лица.

— Да, Михаил! Анна Сергеевна, совсем юная, но девочка толковая. Налету схватывает, — вот спасибо тебе, родная. Послала ей воздушный поцелуй с улыбкой. — Всегда пожалуйста, детка, — улыбнулась она, напяливая очки на нос. Говорила так красивее и статнее выглядела.

Ее рабочий телефон начал отчаянно голосить на весь кабинет.

— Да! — заорала она — можно подумать это не она минуту назад разговаривала, а ее обманщик-двойник. Кардинальное изменение в голосе. Я уже привыкла к двуличности этой тетушки.

Остальные работницы помалкивали, пряча глаза в монитор. Интересно, он начальник чего?

— Анна Сергеевна, как работа? Не устаете? — Михаил наш Ангельский подошел к моему столу опасно близко.

Только не надо внимания, очень прошу.

— Все прекрасно, спасибо, — попыталась как можно вежливее и учтивее с ним разговаривать или скорее с монитором. На Мишу не смотрела, только на цифры на компьютере.

Между нами черта, не забудь. Надеюсь, оставишь попытки достучаться до меня. Михаил заметно оперся ладонями на краешек стола, закрывая собой обзор на остальных работниц.

Я подняла взгляд по его рубашке, на подбородок и выше. Очень грозно посмотрела.

— Если будут вопросы — обращайтесь, всегда рад помочь новым кадрам.

На стол легла визитная карточка. Вроде сделал все по уставу, не превышая должностных полномочий, но чувствую подвох. Ох, чувствую.

Развернулся Михаил и покинул просторы нашего кабинета.

— Девочка, пол дела сделала. По душе пришлась начальству, — Корнелия громко звякнула трубкой, заканчивая разговор, и сразу обратилась ко мне. — Осталось в постельку к нему залезть. Михаил — лапочка, правда джентльмен, придется самой к нему в постельку, — поведала мне через весь кабинет.

— Учту, — хмыкнула я.

Повертела карточку — вот тебе и понятно. На обратной стороне сотовый его телефона написан от руки. Вот кретин, так и буду ему звонить. Карточку бросила в один из ящиков, не понадобится. Мне итак хорошо живется. Будет приставать, уйду из управленческого центра. Хорошее, конечно, место и прилично платят, но домогательства не нужны, хватило на всю жизнь.

Несколько фото освежить память
(долбаный камень у Баллийцев)
И новая Аня

Спасибо всем за лайки, репосты и сообщения.

За награды спасибо Неля Тринчук-Гуменюк, Лариса Репищук, Лара, Sereda Valentyna Наиля Зубаирова, Екатерина, Olga Kohetova, Раиса Скупяко, Katze, Ксения Калитина Наталья Юрченко, Ирина, Кира Муратова.

Глава 3 "В бегах"

Напряжение перед второй развязкой будет еще долго, глав семь. Я честно, удивилась, что такого было во вчерашней проде. Они даже не виделись)))

POV Вильмонт

Заехала как-то раз в университет, необходимо было сдать реферат взамен пропущенных занятий. Такое условие поставил ректор, работаю — а потом отвечаю по всем пройденным темам без исключения. Есть за семестр двадцать тем — я по каждой отчитываюсь. Отличный способ не вылететь из университета, наверное, Хаски также поступал. Сомневаюсь, что ему за красивые глаза всегда ставили оценки, что не спросишь — знает. Одного не знает — как по-человечески разговаривать с людьми, только со своими планшетами и телефонами. В детстве надо было с детьми общаться, а не стеной ледяной претворяться. Ладно, забыли.

Пасмурный нынче ноябрь. Близилось время очередной сессии, поэтому и решила заранее начать закрывать темы.

Вылезла из автобуса, пока не пользовалась машиной. Папа ее хоть и отремонтировал, но сесть за водительское место, тем более одной пока что страшно. Если бы кто-то на пассажирском рядом был, то не страшно, но одной... перед глазами сразу водопад стекол, падавший на руки.

Спускалась по дорожке в направлении Вышки ладони машинально подняла перед собой, осколки прорезали тогда сильно кожу, но после процедуры восстановления кожа, как и была нежная, чуть розоватая.

Каким удивительным для меня оказалось узнать об особенности своего организма. С такой легкостью забеременеть??? Врач после процедуры регенерации долго лечил меня и по женским делам, посадил на противозачаточные.

И теперь понятно, что отец проверял, после того, как узнал о моей второй энергии, да я просто до не возможности оказывается тормоз! Если бы я знала с самого начала, что могу забеременеть... я бы...я бы...

И чтобы я сделала? Сказала, Дмитрий Сергеевич, давайте предохраняться. Очень смешно. Дмитрий Сергеевич не признавал презервативов, это разработка для грязных Бастардов, а он очень разборчив в связях, и от незнакомых дам принимал только минет. Поэтому мне и было в свое время любезно предложено облобызать его прекрасный детородный орган. Потом смилостивился господин решил и целиком взять. Какая честь!

Сколько воспоминаний связано с этими местами. Не могла без ностальгии спускаться в это место — в этот прекрасный лес Вышки. Каждый раз вспоминала уголки, где была с ним. Встряхнула головой, до кучи хрястнула по вискам.

Успокойся! Слишком много о нем думаешь. Чести много. Да еще эти журналы, на которых блистал Хаски — владыка фамилии. О сильнейший и сексуальнейший! Да, кто вам сказал неумным, что он входит в тройку самых сексуальных мужчин планеты. Тьфу. Обман и провокации. Где там секс? Там... там...даже думать не хочу. Садист и обманщик. Вот и всё.

Сегодня с утра тупая газетенка испортила настроение, процитировав эту строчку на всю первую страницу. И что удивительное — журнал нейтральный, не их издание. Кто опрос проводил покажите мне пальцем, я им глаза выколю.

Так вот настроение у меня было жуткое, гордо маршировала по асфальту, тучи над головой подозрительно были черные, кучевые, словно наполненные темной водой, и я гадала, когда обрушится поток мне на голову. Зонтик я не взяла, к сожалению.

Пакет с тетрадками из рук едва не выскользнул. Я резко затормозила, отловив среди серой массы машин — черный ретс с золотистой окантовкой.

Да, чтоб тебя! Сегодня не удачный день? С биением жутким в груди, осмотрела салон автомобиля, стараясь сквозь тонировку разглядеть наличие водителя или пассажиров. Ха-ха! Кажется, нет никого в салоне. Спокойно. Что делать? Если есть вероятность встретиться — я лучше удавлюсь или сброшусь вон в тот ручеек и там утоплюсь в десяти сантиметровой воде над уровнем земли. Ухитрюсь как-нибудь.

Мозги пришли в активность, как и руки. Срочно позвонила Волчице — гудки были недолгие.

— Здравствуй, любимая. Подскажи пожалуйста, ты никого не видела сегодня на буковку Ха? — очень аккуратно спросила я.

— Какое Ха? Из ума выжила? Слушай, да не важно. Тобой как раз интересовались? Как поживаешь спрашивают?

— К..кто? И ты где? — голос подвел меня, предал ничтожество. Трусливо задрожал, когда я спросила.

— Я курю. Ты идешь на занятия, вроде собиралась? Тут Саша и Дима баскетбол гоняют, стоим курим.... -

Как они хорошо спелись, стояли курили вместе и разговаривали? Что вы говорите, словно близкие друзья. А дальше я не слышала, что бормотала подруга. В голове в момент стало пусто, звенела там напряженная тишина, и единственное желание было трусливо сжаться, спрятаться где-нибудь в лесу и стараться молчать, и не двигаться и даже не дышать, лишь бы Хаски не заметил.

— Так, — я резко развернулась.

Пусть я трус, но не могу, честно.

Обратно промаршировала быстрее, чем до этого, почти переходя на бег.

— Я на работе, скажи преподавателю — не приду. И следи, Волчица, за языком... Кто я и где я ты не в курсе. Ясно? — очень громко спросила, почти крича.

— Ясно, ясно. Зачем орать? — удивилась она.

— Ты ничего обо мне не знаешь. Хорошо? — еще громче озвучила. — И где я живу, и где работаю не знаешь. Хорошо?

— Да хорошо, хорошо — отозвалась очень раздраженно подруга. — Я не тупая.

— А я иногда сомневаюсь в этом...

— Ах, ты... — Волчица приготовилась послать меня по матушке, а я быстро скинула вызов и перешла на бег в сторону остановки. Успокоилась когда влетела в автобус, он как нельзя вовремя подъехал. Извинюсь потом перед ней. Я слишком неуправляемая, когда речь заходит о Хаски, не научилась сдерживать эмоции. Когда-нибудь научусь.

Тот случай благополучно забылся, шло время, работа, дом, учеба, как-то однообразно потекла жизнь, но меня все устраивало, главное — спокойно. Красота.

В конце ноября была как-то раз на работе и гадала, что Михаилу требовалось от меня? Краем глаза скосила в сторону Михаила, который оперся бедром о рабочий стол напротив меня и весело болтал с нами, словно работы нет. Правильно нет. А нам задал в пятницу —

последний рабочий день заполнять таблицу. Жизнь не ровна.

Я ему по человечески объяснила, что ему ничего не светит, не по-змеиному прошипела, не по-свинячьи прохрюкала. А просто родными Немийскими буквами объяснила, что не заинтересована ни в сексе, ни тем более в длительных отношениях. Не понимает. Напрямую перед всеми предложения делает встретиться уже недели две, наверное. Девочки не ревнуют, посмеиваются, когда наш начальник, начинает оказывать знаки внимания. Все здание байки травит о нас, а ему — чихать. Никакой субординации — выставляет всё так, будто это шутка.

— Анна Сергеевна? Какие планы на выходных? — шутник.

— Благодаря вам, Михаил Андреевич, мне светит упорная работа по поимке лучшей организации, исправно платящей налоги. Это вам спасибо, что из дому не высуну носа... — улыбнулась и начальнику, и монитору перед глазами. Ладонь подставила под подбородок и рассматривала цифры.

Девушки по соседству посмеивались, поддакивали:

— Да, Михаил Андреевич, если вы снимете с нас это задание, я уверена Анечка с удовольствием скрасит ваше одиночество.

Я зыркнула на нашу Катюшку (это моя учительница-коллега), и пожелала ей мысленно провалиться с первого этажа на мостовую.

— Ну что вы, справлюсь, — улыбнулась, возвращаясь к работе на экране. Сторонний раздражитель в лице дядя Миши мелькал и раздражал нервные клетки.

— Я могу помочь в вашей работе. У меня есть претенденты, — начальник предложил помощь.

— Нет. Спасибо, — прочь шутки. Я замолчала, на столе заголосил телефон, причем внутренний, подняла трубку. — Да!

— Анна Сергеевна ваша организация. Колчак...

— Колчак!? — медицинский центр Хаски, имела дело с их бухгалтером, приятный мужичок по телефону.

Сама Альбина Денисовна, судя по номеру, звонит?! Она меня терпеть не может, считает вертихвосткой. Еще бы, если ее сын меня донимает вечно и, к тому же, она похоже не знает, кто я такая на самом деле. А Михаил, когда слышит как по телефону его мама меня материт лишь слушает и улыбается.

— Нужна срочная консультация по последним данным, — продолжила женщина говорить громко, как истинный начальник. — Их отчеты не сходятся с нашими. И да, вопрос серьезный не сходитя налог, либо мы не заметили платежи, либо они не заплатили пару миллиончиков. И как понимаете, они в бешенстве! Как вы могли такую огромную организацию и пропустить? Они налоги не доплатили? Их начальство злится и звонит сам начальник...

Какой начальник!? Какой начальник вышестоящий у Колчака? Ну не Хаски же? Хотя там такие миллиарды водятся, а если мы миллионы пропустили? Как же я не углядела, вроде проверяла, всё у них в порядке.

Михаил прислушивался явно к разговору, мы с ним переглянулись.

— Почему молчите?! У меня на проводе висит Дмитрий Сергеевич Хаски. Будет сам разговаривать с вами. Будьте добры не упасть в грязь лицом, иначе вышвырну! — телефон начал пиликать странно, шел перевод номера.

Она нас соединялась. Да, чтоб тебя Хаски. Как же так? Я вскочила со стула, не зная, что

делать? Мне предстояло с ним разговаривать, причем по рабочим вопросам и претворяться, что это не я.

Мое сердце задрожало в груди, как гром, оно бухало и бухало, не давая сосредоточиться на решении проблемы. Из-за него все тело страдало и в первую очередь мозги.

Услышала его голос внезапно в трубке. Нас соединили. И с испуга трубку выставила перед начальником.

— Михаил Андреевич, спасите! Это Колчак. Дмитрий Сергеевич и он в бешенстве! — всунула ему трубку в руку.

Миша не понимаяще уставился на меня и на телефон. Что могло испугать? Да не боюсь я с людьми общаться, еще не так могу ответить, но тут я — не я.

— Пожалуйста... — попросила с милым личиком. Шмонт велся всегда, а вот Дмитрий Сергеевич — нет. — Пожалуйста...пожалуйста... Согласна на одно свидание, — добавила сквозь зубы чуть слышно.

Не будем же на самом деле отношения наши на весь центр озвучивать. Его внимание ко мне — воспринимаются, как шутки, а что на самом деле, конечно, не верят.

Дмитрий Сергеевич настырно был слышен в трубке, и он гневался, пока ему не отвечали.

Михаил согласно кивнул и взял трубку:

— Алло...да..., да...Дмитрий Сергеевич, слушаю. Это Ангельский Миша. Давайте я с вами переговорю, ваш специалист вышел, — Михаил очень укоризненно посмотрел на меня.

Я почувствовала, как закипела кровь в жилах, под кожей и я, наверное, теперь очень красная, чувствовала горящие щеки.

— В чем проблема? Угу. Сколько? Три. Ясно, а по какой статье? Я сейчас посмотрю, — продолжал Миша, затем развернул мой компьютер к себе лицом, пододвинул клавиатуру и начал работать.

Я попыталась вспомнить, что у них случилось. Им нужна была справка с нулевым долгом. С их бухгалтером договорились, я ей выдала пока с долгами, ожидала от них платежей. Женщина ухитрилась счета перепутать.

— Ага. Вижу. Действительно деньги не прошли. Нет. Никаких платежей. Нет, Дмитрий Сергеевич я в твоей компетенции не сомневаюсь, — я быстро написала на обычном белом листе записку и повернула ее к Мишке.

— Вот подробности! — взяв мой листок, начал быстро читать. — Оказывается твой бухгалтер в курсе. У нас с ним договоренность... Понятно, — выслушал Миша, усмехаясь чему-то. — Хорошо, давай.

Я с облегчением и небольшим остаточным мандражом оценила, что начальник повесил трубку. Спасена. Не готова я пока увидеть и услышать Хаски.

И такая каверзная улыбка исказила губы Михаила, что я вспомнила, наконец, какого цена спасения. Эх... слово держать надо.

Подмигнул мне Михаил и пошел, как король, весело присвистывая.

— Пойдите, а что сказал-то? — пальцем показала на потолок намекая, что Дмитрий Сергеевич у нас не иначе, как всевышняя силы, и все на него должны молиться. Миша махнул рукой, мол не обращай внимания и вышел за дверь. Станный человек.

На этом моя история неудач на сегодня видимо не закончилась, потому что после обеда раздался звонок по внутренней связи. Михаил.

— У меня к тебе срочное дело. Прямо срочное срочное.

— Слушаю, — наверное что-нибудь про свидание скажет. Неужели сегодня все-таки пойдём? Хотелось вернуться домой, закутаться в одеяло и никого не видеть. Офис стал старательно делать вид, как они заняты, а сами грели ушки нашим разговором. Любопытные девочки.

— Справку Колчаку надо будет переделать. С нулем и без приписок, — естественно! Это Колчак — самая крупная их организация, ей можно не платить налоги, а мы скажем, что заплатили. — Дмитрий Сергеевич ускорил процесс путешествия потерянной суммы.

Тогда ладно, так уж и быть...

— Полагаю на сегодня свидание отменяется. Ему нужна справка в понедельник, — конечно, о чем речь. Я же конь! А ничего, что устанешь просчитывать их цифры, ошибёшься на нолик и готовь петлю. Спасибо, Хаски, ты всегда ухитрялся мне жизнь испортить!

И все-таки я родилась под счастливой звездой. Выходила из туалета из другого конца коридора, когда уловила картину кошмара. С лестницы, ведущей на второй этаж, где как раз находились наши начальники, спустились два известных человека. Ангельский и Хаски. Хорошо свет в коридоре не горел и это спасло. Я вжалась в стену, стараясь максимально удовлетворять ее очертаниям.

Наблюдала, как Хаски прошел в сторону выхода. Черная кожаная куртка обтягивала его спину, джинсы. Почти лысая голова, с этой прической он особенно всегда казался через чур слащавым, слишком миленьким. Но когда волосы немного отрастали, овал лица как-то менялся, будто бы Хаски становился капельку злее.

Хоть я смотрела на его спину, но помнила, как выглядели его брови, большие глаза, голубые-голубые и очертания его губ, таких мягких-мягких. Когда они целовали меня, не могла прогнать их ощущение на коже еще долгое время. А теперь он точно также другой девушке не давал себя забыть? Своей Юлии? Да?

Дима замедлил шаг, туфли плавно остановились, скрипнули по полу. Почему он остановился? Что-то его заинтересовало явно или привлекло внимание. Медленно начал разворачивать шею, или показалось, что очень медленно, а мое сердце наоборот ускорило, подскочило в груди со страху.

Со скрипом каблуков по полу нырнула за угол, только бы не обнаружил. Думала сердце точно пробьет грудину на этот раз. Вжималась в холодное стекло стены, как можно сильнее. Почему не умела просачиваться сквозь твердые предметы? Удобная была бы энергия.

А потом и вовсе, чтобы избежать позорной участи быть пойманной за подглядыванием, зашла обратно в туалетную комнату.

Угораздило нас встретиться здесь! Как я могла оказаться специалистом его организации — на мне проклятие! Это ужас! Арзонт такой огромный город!

Спасибо за внимание! За лайки, репосты и награды!

Завтра проды не будет, поэтому завтра и отвечу на комментарии. А то бы не успела сегодня выставить.

Спасибо за награды Татьяна Дмитриева, Татьяна Воронова, Ольга.

Еще вопрос, как отнесетесь к описанию сексуальных отношений между Димой и Юлей? Или опустить?

Глава 4 "Немийское проклятие"

Глава жестковатая для меня в плане эмоций, а не событий.

Для чувствительных предупреждения:

1) эротика, как вы догадались;

2) анальный секс, так что кто-то фу-фу-фу, поймете, когда надо остановиться. Я думаю

в комментариях потом расскажут смысл сцены.

Приятного или, по крайней мере, не очень ужасного прочтения.

POV Вильмонт

Новая рабочая неделя и, конечно, новые проблемы. Я пришла раньше времени на всякий случай. Эту дурацкую справку закончила в пятницу очень поздно вечером и не успела распечатать. Надо было еще раз проверить ее и три экземпляра принести наверх. Пусть подписывают, штампуют и отдают.

На выходных Михаил не звонил, как будто забыл о моем существовании и обещании. Я не жалею, всё нормально, мало ли какие дела у человека, вероятно решил домой слетать, откуда мне знать.

Время было меньше девяти, а рабочий день у нас с девяти, коллеги по-тихому пробирались к рабочим местам, возбужденно рассказывали о проведенных выходных. А мне нечего поведать — к девочкам съездила и в магазин.

Тетушка Корнелита шлепнула увесистой сумкой-чемоданом по столу, включила компьютер, при этом плавно сняла кружевную, вязанную накидку с плеч и повесила в шкафчик для одежды при входе.

— Ты не уходила с работы? — спросила она у меня, пока включала чайник.

— Недавно пришла, — коротко ответила, глазами справку вдоль и поперек исследуя на предмет ошибок. Потерла голову. Глаза слезились от постоянного облучения компьютера.

Звонок на телефон раньше времени потряс, вызвал неприятную, легкую дрожь по телу. Что еще случилось? Внутренняя связь.

— Доброе утро! Гони, дорогая, справку наверх! — приказ Миши, сказанный в шутливом тоне, испугал. Неприятное, покалывающее ощущение по всему телу.

— На подпись? — уточнила. — А почему срочно?

— Справку ждут. Сейчас! — выделил Миша последнее слово по-особенному.

Молчание в трубке, по идее моя реплика должна следовать, а я боялась открыть рот. Неужели все? Я его сейчас увижу?

А потом трубку выхватила у моего собеседника его мамаша. Как она любила на меня орать!

— Анна Сергеевна, поменьше разговоров! Надеюсь справка готова, иначе я за себя не отвечаю.

Клянусь, всевышними, я тоже за себя не отвечаю, если не прекратишь на меня орать!

— Поняла, — гаркнула и громыхнула трубкой по аппарату. Пусть увольняет. Все равно не хочу встречаться с Хаски еще и на работе.

Какое-то Немийское проклятие на мне, везде встречаемся, Арзонт — огромный город, а я его специалист оказалась.

— Не обращай внимания. Она всех поливает, — Корнелита поняла о ком шла речь и

попыталась поддержать, пока наливала кофе и распространяла приятный аромат по всему кабинету.

А я нажала на печать документа. Последние секунды спокойствия и попыток справиться с силами.

Я попала. Ну всё. Вдох один... второй... третий.

Шла, громко цокая каблуками по скользкому полу, встречала приходивших на работу коллег.

Улыбалась, приветствовала их, а в груди дыра зияла. Там когда-то было сердце, Хаски. А ты его забрал, украл, убил, выбирай, что лучше, но больше его там нет.

Там пусто... а нет.... Вот что-то сжалось болезненно в груди.

Попыталась скинуть это чувство, убрать его от себя. Забыть. Не получается. Чувство не ушло, оно сильнее и сильнее причиняло вред, пока передвигалась по второму этажу к кабинету начальников.

Вошла в помещение, взглядом встретила с Ириной Санной — молоденькой секретаршей. Обменялись понимающими взглядами.

Ирина указала на закрытую дверь пальцем и сделала такие большие, наполненные ужасом глаза. Намекая, что начальство в полном сборе и ждало меня. На ковер обычно просто так никого не вызывали, разве что по записи или на выговор. Слышала тихие голоса сквозь щель под дверью.

— Отлично выглядишь, — прошептала секретарша, наверное, желала растормошить. — Весь филиал в курсе вашего свидания с дядей Мишей. Он всем разболтал...

Оделась я как обычно, джинсы, да рубашка белая, пусть не врет.

Я взяла печать из стола и занималась этим делом, лишь бы оттянуть момент, когда придется войти в помещение начальства.

Будто сдала анализы на вирус Ик-а и теперь стояла в очереди бедолаг, которым предстояло узнать будут жить или умрут после озвученного приговора.

— Удачи! — прошептала Ирина.

Кивнула и направилась к двери. За что мне все это? Почему я должна с ним встретиться? Я не могу пока. Не могу смотреть ему в глаза. Мне так больно до сих пор. Еще не вылечилась от этой болезни под именем Дима.

Постучалась и услышала разрешение войти от мадам. Открыла дверь и Хаски ко мне в вполборота, в костюме ногу закинул на ногу, локоть положил на твердую поверхность и постукивал ручкой в нетерпении. Ручка перестала бить по столу, когда мы на секунду встретились глазами. После чего я поспешно отвернулась направо к столу мадам, расположенному перпендикулярно тому второму, где располагался Миша во главе и напротив него Хаски. По Дмитрию сложно сказать, что он испытывает, и сейчас не поняла по его выражению, удивился или нет моему появлению.

— Доброе утро, — поздоровалась как бы со всеми, решительно прошла через Хаски за стол справа. Там мадам. К нему получилось, что стояла попой, некультурно, но сил нет смотреть ему в глаза.

— Что так долго? — у меня буквально вырвали из рук три экземпляра. Проверяла, хотя ни Бастарда там не понимала, зато создать видимость мы всегда горазды!

— По моим солнечным часам только без пяти девять. И я не обязана быть на рабочем месте, — когда я нервничала, что я делала? Правильно — шутила и рыла себе могилу. Вот сейчас я вырыла очень аккуратную могилку под свой рост, а мадам меня прям туда сейчас

пнет, судя по ее взгляду, который она мне подарила. К тому же, Миша засмеялся слегка.

— Извольте шутить? Хорошее настроение, Анна Сергеевна?

— Честно — не очень, — ответила.

Мне плевать, пусть увольняет. Стояла спиной к Хаски и меня всю с ног до головы постоянно колотило, как молниями. Я знала, что он сзади. Что он скорее всего наблюдал за мной сзади и пытался, видимо, придти в себя.

Мадам подписала и отдала в руки.

— Передайте, — и показала за спину.

Бастард вас всех подери! Это самый худший день в моей жизни! Я так никогда не нервничала. Никогда. Даже когда пытались изнасиловать в туалете школы три идиота и когда Леня спас. Я тогда злилась, а сейчас боялась посмотреть уверенно на мужчину перед собой.

Руки дрогнули, когда протянула листы, только бы не заметил это:

— В...ваши справки, — положила две на стол. Одну оставила себе. — С нулевым долгом, как хотели, — с трудом улыбнулась, скрывая, как больно в груди.

Там очень сильно зажгло, попыталась проигнорировать это ощущение, но оно сильнее чем, когда шла по лестнице или вспоминала о Хаски. При виде Димы оно разрослось повсюду, заполнило мое тело, мысли и эмоции. Завладела полностью.

Хаски, немного заторможено взял листы со стола и поднял на уровень глаз для проверки.

— Ну если я вам больше не понадобится, — моя попытка сбежать.

Это было огромное желание сбежать. Я развернулась чуть бочком, готовилась уйти не заметно, пока не остановили.

— Разве я не должен расписаться на вашем экземпляре? — твою маму!

Дернулась и остановилась.

— Ооо! — восклицание у меня все-таки вырвалось. — Точно!

И все манеры сразу растеряла. Мадам, наверное, себе волосы на голове хотела вырвать от моих выражений. Я протянула запоздало свой лист ему в руки. Надо было перед Хаски так лопухнуться. Стыд и срам.

— Давно работаете в этой сфере? — спросил, при этом изучал текст, решая подписывать или нет, будто тянул время.

— Нет. Три месяца, — ответила честно.

Дмитрий аккуратным почерком вывел свою закорючку.

— Спасибо, — буквально выдрала у него лист. — Хорошего дня! — напоследок вымучила из себя улыбку. Правда такую кривую, что любой бы понял истинные эмоции.

Постучала каблучками на выход в абсолютной тишине.

— Был рад тебя увидеть! — сразу перешел на ты.

А я застыла возле двери, едва не дотрагиваясь пальцами до ручки. Мне еще больше от его слов стало. И глаза стали мутными, дверь расплылась. Тебе ведь все равно на меня. Плевать тебе на меня, Хаски, не надо лживых фразочек. Тебе плевать на всех, за исключением себя любимого.

— Не могу сказать того же! — резко распахнула дверь и вылетела мимо Ирины. Слово меня пытали в этом кабинете, наверное, у всех сложилось это впечатление. Потому что я, с трудом сдерживая слезы, ворвалась в наш кабинет. Собрала сумку в начале рабочего дня и попрощалась с девочками, обмолвившись, что сегодня в университете очень важный день и я

побежала на сдачу реферата. С Мишей у нас была договоренность — при необходимости имела право покинуть работу для учебы, не чаще одного раза в неделю.

Вновь тормозишь старые раны, опять губишь. Почему я не в состоянии нормально с тобой общаться? Не могу улыбаться, не могу быть равнодушной, как со всеми.

POV Хаски

Свет сквозь закрытые жалюзи немного пробивался на стол и стены в кабинете корпорации, для кого-то мог быть раздражающим, но не для меня. Меня эти лучи от солнца манили. Я смотрела на них, как загнипнотизированный.

Спиной утопал в мягком, кожаном кресле, кулаком поддерживал щеку и слушал доклад большой семерки. Правда теперь не семерки, а шестерки — Трески нас подселел.

Это первое мое официальное собрание на посту Главы, и я должен себя показать заслуживающим уважения. Перед мной представители семей и они во много раз старше. Я — самый молодой, поэтому на меня смотрели пока настороженно.

Дела с ними вел и раньше, но чтобы возглавлял? До сегодня — нет. Я должен произвести впечатление, быть общительным, уверенным в себе, обязан, по крайней мере, слушать. Просто слушать, что докладывали или показывали на проекторе.

А я какого-то Бастарда не слушал... правда знаю какого Бастарда. Ее голос всегда громче остальных звучал в голове, он заглушал всех. И сейчас...

Не рада меня видеть... да? А я рад... был видеть. Ты отрезала мои любимые волосы, сбрила мою бабочку, а тело твое тоже стерло отпечатки моих рук чужими? И сколько раз и кем?

Я не в курсе, что с тобой происходило, я отпустил тебя и даже не слежу.

А я мать твою и не забывал о тебе, каждый день вставал с мыслью о тебе и засыпал также и даже во сне видел твою красивую кожу, изуродованную шрамами.

А ты так и не хочешь меня видеть... Я разыскивал тебя в толпе бастардов каждый раз, когда приходил на занятия.

А ты не хочешь меня видеть...

— Через две недели назначили официальную дату. Как договаривались, Иксовая Вешка готова в необходимые сроки. Дмитрий Сергеевич? — услышал обращение к себе, поднял взгляд от луча солнца, скакавшего по стене, на старшего Польски.

Кивнул, убрал руку от лица. Я почти всё слышал. Что-то там про Иксовую Вешку.

— Всё? — посмотрел на внимательно изучавших меня мужчин рядом за столом. Мне кивнули на вопрос.

Теперь был мой выход — надо встать, раскланяться перед старшими, что естественно ожидали. Я же сопляк.

Вот мой ответ — сидеть остался, раскланиваться не намерен, что-то не устраивает — двери всегда открыты.

Закинул локти на стол, часы гроыхнули по ровной поверхности довольно громко:

— Комендантский час успешно отменен, пока проблем новых не возникло, организацию ЗБ удалось остудить. Одним из главарей Трески и был, основную массу наемников также разогнали. Теперь главный вопрос, на который мы вместе должны найти ответ. Кто будет следующим Председателем? Нестонт или Шмонт? Поскольку Трески слился остались эти двое, плюс трое подставных для развлечения нашего любимого населения. Кто нам больше нравится? Нестонт? Кто за?

Разумеется никто не поднял рук, представляете обезьяну, руководящую страной, схожая

аналогия. За банан или наркоту продаст страну. Он ввозил в свое время основные наркотические препараты, как бы для медицины, а затем начал продавать и простым людям, а потом успешно этих нариков лечил. Сейчас активно торговался с Баллийцами. Как говорится, чем бы дитя не тешилось, сомнительный у них бизнес, но с медициной они на «ты».

— Хорошо. Никто, — подвел я итог. — Шмонт?

Каких мне сил хватило процедить фамилию папаши этого уродца и каких сил стоило поднять руку и не долбануть потом по столу кулаком с часами, с целью раздробить каждую гребаную дощечку или скорее воображаемые косточки в организме этого уродца.

Единогласное решение, а другого у нас и не было. Всё давно решено.

Тем вечером сидел в том же кресле. На столе ноутбук, облучение очень раздражало глаза, протер веки от усталости. На экране высветилось очередное сообщение, помеченное красным конвертиком, что означало срочные. Смотрел и смотрел на него и не торопился раскрывать. Раздался звук на планшете, который валялся неподалеку на столе. Еще одно сообщение. Минута и на телефоне запиликало сообщение.

Усмехнулся сам себе, вытащил из пиджака, повисшего на стуле, сигареты. Раскрыл жалюзи, огромное окно распахнул настежь, впуская в темное помещение звуки ночного города. Закурил и встал, опираясь рукой на раму.

Выдыхал и выдыхал пустоту из себя. За каким я согласился на любезное предложение отца, так и быть не настаивать на моей скорейшей женитьбе уж на ком-нибудь и отдать мне пост? Ответ прост — выбора опять нет. Виталик никогда не сможет занять этот пост, он не учился и не собирался посвящать этому жизнь. Отцу надо воспитывать сына маленького, которому около полутора лет.

А я подписал себе приговор еще в юности, когда стал проявлять желание заниматься этим. Теперь поздно отнекиваться, хотя смысла в этом дерьме больше не видел с недавних пор...

— Тук-тук! — услышал сзади себя. Я настолько погряз в тупых мыслях, что не отреагировал на захлопывание входной двери.

Повернул голову — Юля в проходе кабинета, охранники пустили в корпорацию почти в двенадцать ночи.

— Ты опять здесь с ночевкой? — спросила она.

Захлопнула дверь в кабинет и мы почти полностью во мраке, только свет от компьютера, да ночное освещение города помогали ориентироваться. Юля не спеша пошла в мою сторону, а я успел заценить на ней черную, короткую юбку и черные чулки, уверен, что это они, колготки она не любила одевать. Босоножки, прибавлявшие ей росту, рядом со мной ей приходилось строить из себя высокую девушку, ну и черный топик, белье так и торчало.

— Как тебя не сняли в таком виде? — бычок швырнул в открытое окно, Юля как раз успела подойти ко мне и повиснуть руками на шее. У меня итак шея всегда побаливала в конце рабочего дня, на ее жест я только вздохнул.

— Бу-бу-бу! — насмешливо пробубнила она, надув щеки. — Я знаю ты не такой бука, каким кажешься! — ткнула в щеку мне пальцем. — Я ведь для тебя старалась, а ты не ценишь.

Улыбалась очень проникновенно, добрая у нее улыбка. Зазывная.

— Улыбнись, — показала она, как надо изображать ее. — Мне не нравится, когда ты

грустишь.

Улыбаться не хотелось, мозги трещали, будто их потрясли знатно.

— Похоже, что я грущу? — поинтересовался, при этом руки с шеи убрал, голова к земле клонила от их тяжести.

Прошел к рабочему креслу и развалился, протянув ноги. Голову закинул на сомкнутые на затылке руки, рассматривая потолок и отсвет на нем от экрана ноутбука. Тень Юли шла будто по потолку ко мне.

— Да. Это состояние называется, как меня все задрали. Дайте я убью кого-нибудь... — засмеялась Юля, смех у нее тоже заразный. Ну здесь я все же поддался легкой обстановке расслабленности и улыбнулся.

Юля присела на стол напротив меня и моих глаз. Ногу закинула на другую, будто бы скромно, явно привлекая внимание. Эх. женские хитрости. Аккуратные темные волосы по плечи поправила уверенным жестом.

Я пальцы сцепил в замок и положил к себе на живот, рассматривая предлагаемое блюдо. Взять или не взять.

— Белье сними, — приказал, от чего Юля перестала делать вид уверенной женщины-вертихвостки. Смутить ее проще простого.

— Здесь? — удивленно вырвалось у нее, она оглянулась по кабинету, словно за нами следят. Естественно следят, никак не привыкнет к постоянной слежке.

— Здесь, — ответил. Собственно, моё дело предложить, а дальше, как хочет. — Ты же за этим здесь? Я тебя давно не трогал, и ты соскучилась, я прав? Снимай...

Повторный приказ. Юля неуверенно поднялась, юбку чуть приподняла до бедер, успел отметить черную почти прозрачную ткань нижнего белья, как плавно Юля стянула по ногам мешавший материал. Немного стеснялась, и я был уверен, что она покраснела, даже несмотря на то, что ничего не видел, только тени на ее лице.

— В зубы явно брать не буду, — насмешливо сказал. — А теперь сядь и рассказывай, как прошла встреча с подругами?

Юля совсем растерялась, все-таки надеялась сейчас сесть ко мне на колени с задранной-то юбкой. Я отлично видел аккуратную дорожку волосков между ее ног, черные чулки.

Юля послушно присела на стол, при этом не понимала, что происходит. А я целенаправленно устремил взгляд на ее сомкнутые ноги.

— Так как встреча? — спросил равнодушно. Контраст температура, она сидела на прохладном столе, плюс возбуждающая обстановка (не обычная), чувствовала себя немного развратно, и в завершение — ее смутил мой взгляд.

Через пару минут сама набросится, а мне осталось слушать, как она провела вечер:

— Девочки не верят, что ты — мой парень..., - неловко засмеялась. — Говорят я вру. Когда-нибудь ты им покажешься может быть? Эммм... Тебе правда интересно?

— Конечно, — ответил спокойно. Юля поерзала на твердой поверхности, пальцами вцепилась в загнутые концы стола. — Продолжай...

— Эммм... это... ну мы выпили немного...

— Я понял, — ответил спокойно.

Не в силах смотреть, как я откровенно пялюсь ей между ног, Юля отвернулась.

— Дим... ну может ты уже возьмешь меня? — спросила, наконец, и встала со стола. А после я обнаружил перед глазами — ноги, бедра, и собственно наиболее приятную женскую

часть. Это то, что мне сегодня надо — разрядка и никаких прелюдий. Мне нужно трахнуть...

— Отлично, — резво поднялся с кресла, ноут снял со стола и почти аккуратно бросил на одно из кресел.

Взял Юлю чуть выше локтя, развернул ее к себе задом, надавил ей на спину, заставив наклониться. Она легла грудью на стол.

— Ой, — вырвалось у нее, как у маленькой девочки, от неожиданности, а я подтянул ее тело выше по столу, чтобы ноги не касались пола, а бедра как раз удобно расположил напротив ширинки. — Неожиданно...

Расстегнул ширинку, мне нужна немедленная разрядка. Удостоверился, что Юля откровенно потекла, пальцами раздвинул ей ноги поудобнее и во всю длину члена резко вошел внутрь нее, прижав ее бедра к уголкам стола. Должно быть больно. Сделал пару движений внутри нее. Юля что-то промычала, локти поставила на стол, чтобы не скользить по столу.

А я покинул тело Юли. Член пульсировал, мне надо было срочно кончить после... после сегодня, хочу быстрее забыться... убрать из себя пустоту.

Забывай не забывай, Аня в мозгу моем сидит. Как от НЕЁ избавиться!?

— Эм... Дима, — Юля не поняла, отчего убрал член из нее. Она развернулась, на что я придержал ее за оголенные бедра.

— Ляжь, — скомандовал опять. Чуть спустил ее бедра, раздвинул ягодицы... сегодня мне надо быстрее кончить и по жестче. Сегодня будет анал. Член смазанный ее естественной влагой, так что вошел в Юлю довольно резво.

Она взвизгнула, попыталась поднять плечи, но я не дал, надавил ей на спину, чтобы лежала. Затем вжался в нее максимально глубоко, но не двигался в ней, давая время привыкнуть к ощущению давления.

— Ты бы предупредил, — еле слышно проговорила она.

Я сделал вновь пробное движение, на что Юля выше подтянула корпус по столу, словно хотела слезть. На что я опять придавил сильнее ее к столу.

Вот так... лучше, здесь узко, и я быстрее кончу. Аня узенькая, маленькая или мне казалось так всегда, потому что в ней нереально было находиться. Пару движений в ней и готов был кончать, но с трудом сдерживался, чтобы ее успеть довести до оргазма. Помню, как Аню взял таким образом в Белесе, она сильно кричала, а мне было плевать, хотел ее всю попробовать той ночью.

Все тело в момент вспыхнуло от ярких воспоминаний о той ночи перед глазами. Рефлекторно начал движения в Юле, резкие и глубокие.

В темноте легко представить, что трахаешь не Юлю, отнюдь не ее. Провел правой рукой по столу рядом с женским телом и ухватил за шею любовницу, надавливая, заставляя подняться вверх, сам наоборот наклонился вниз к столу.

— Ты рада меня видеть? — прошипел сквозь зубы, хрипло-грубоватым голосом

— Угу, — сквозь закусенную губу сказала Юля. Глаза ее были полуприкрыты, трепетали. Слышные охи вырывал из ее горла с каждым глубоким толчком.

— Не слышу. Рада? — громче спросил на ухо.

— Очень, — жалобно про скулила она, явно в преддверии оргазма. — Очень... очень рада...

Продолжала, как заведенная, пока я наращивал темп движений в ней.

Мое Немийское проклятие... я сам себя ненавижу, но не могу не представлять, что с

опущенной головой подо мной стонет другая девушка. Поэтому не прикасался сейчас к Юлиному телу, потому что помнил мягкость той кожи. Поэтому не целовал эту, потому что помнил вкус той.

Юля вскрикнула, локтями завалившись на стол, а я продолжал эти грубые, резкие толчки, то выходя полностью из нее, то вновь на всю длину врываясь внутрь.

Бастард тебя раздери, сколько еще будешь меня мучить...Аня

Наконец, довольно почувствовал, как отпустило это долбаное напряжение, этот эффект заведенной энергии после встречи с Аней, как уходило чувство пустоты без нее. Обреченно покинул Юлю и рухнул в кресло, взлохматив волосы. Уставился в этот дурацкий потолок с тенями. Надо по идее член убрать, а мне лень — я вновь потерпел поражение в борьбе с самим собой. Я вновь трахал Юлю, а думал о другой.

— Извини, я сегодня груб, — поведал также потолку и не включенной люстре.

— Я только за, — расслышал ответ и почувствовал на колене — вес тела, на шее — руку Юли. — Если это проявляется в сексе.

Любопытные женские пальчики заскользили по головке члена, я пока не успел остыть. Юля теперь поглаживала меня явно в ожидании продолжения.

— Пойдем домой, — ответил вместо этого. — Я задолбался.

При этом член все-таки убрал в брюки и застегнул ширинку. Ни хера не хочу.

— Ты не хочешь мне что-нибудь рассказать? Какой-то ты совсем грустный? — продолжала Юля на ухо спрашивать, локоть поставила на кресло рядом с моим плечом. Она поглаживала пальцем мое лицо, обводила губы, нос, глаза, шею. — Когда-нибудь доверишься мне?

Продолжала спрашивать, а я молчал на все вопросы, с пустотой во взгляде смотрел на нее.

— Я доверяю тебе, рассказывать нечего, — ответил ей прямо в глаза. — Ты что-то выдумала себе, пойдем, я правда устал.

Юля понимающе покивала своей маленькой головкой, улыбнулась ободряюще, карие глаза смотрели внимательно и главное рядом со мной. А я хотел, чтобы на месте этих глаз были голубые и чтобы они были улыбочивые, а не те ледяные, которые мучили в последнее время.

Я проклят этими голубыми глазами...

Спасибо за внимание к книге.

Спасибо за комментарии, лайки, репосты.

Спасибо за награды Ekatterina Kuzmina, Елена Третьяк, Анна, Римма Башмакова(Шуман), Лана, Кристина Щербакова, Наталья Москвина (Прусакова).

Глава 5 "Выставка"

POV Вильмонт

— Аня, когда пойдём на свидание?

— Давайте в следующей жизни, Михаил Андреевич, к тому времени точно подготовлюсь! — пошутила я.

Прошло несколько недель. Близился Новый год и Его День рождения насколько помню, а ОН больше не появлялся.

Проблемы с организацией успешно решились и Дмитрий Сергеевич исчез. Знает где я работаю, и не попытался найти меня? Очень странно, молодой человек, очень странно.

— Анют, ну давай, — канючил Мишка, как маленький ребенок.

Я вынырнула из мыслей о Хаски и посмотрела на другой образец мужчины, которому задолжала свидание. Он сидел в очередной раз на моем столе и мешал работать, иногда экран компьютера отодвигал с целью привлечь внимание к себе.

— Анюют...

Что за слащавое имечко получилось? Я — Анна, на край Аня, не Анечка, не Анюта.

А Ангельский продолжал осаду замка Анна Сергеевна. Настырный человек:

— Выставка Исковой Вешки! Я год с лишним жду этого чуда конструкции, мне не с кем пойти. Ну пожалуйстааааа, — я со скорейшим пожеланием смерти посмотрела на начальника.

Вернулась к экрану компьютера, там красивые шестизначные цифры расплывались. Только на выставку высшего бомонда не хватало пойти.

— Ни за что! — как отрезала.

И я хотела на выходных увидеться со Шмонтом. Разузнала, что он приедет на съемки, переборола гордость, пошла к нему навстречу. Неужели он так резко перестал со мной общаться, из-за того, что я была беременна от Хаски? Ненавидит за это? Я же объясняла ему — выбора не было.

— Ань.... - опять этот умоляющий тон от Ангельского. Интересно, почему именно я? Женщин много по стране, на любой вкус и цвет, или главная причина интереса в том, что я — Вильмонт?

Начальник жалостливо смотрел на меня сверху вниз, ну насколько мужчина может жалостливо смотреть, хмурить демонстративно брови, выхватывать ручки и барабанить по столу. Я держалась из последних сил, видят всевышние силы. Скоро сдамся от его нытья.

Неожиданно на телефон пришла смс. Взяла средство связи, при этом услышала голос Корнелиты:

— Дорогая, такие встречи нельзя пропускать. Можешь найти хорошую партию! — женщина с огромным вдохновением взяла карандаш губами. Правда тетушка в годах, но явно не растеряла свои навыки обаяния. — Я серьезно!

Телефон просмотрела и слов не нашла. Шмонт не сможет со мной встретиться, так и значилось.

«Прости, дорогая, очень занят, если бы мог с удовольствием встретился».

Все мужики — бараны. Я шла ему навстречу, делала первый шаг, а он занят видите ли. Не хочешь, Шмонт, общаться, как хочешь.

Ему не стала отвечать.

— Аня! — грозно повысил голос Ангельский, я вздрогнула от неожиданности. — Ты обещала пойти на свидание, итак до сих пор не сходила. Выручи пожалуйста, мне надо там появиться, — я горько вздохнула. Еще один из рода барановых, но со мной ничего плохого он пока не сотворил. Могу и выручить.

Обреченно согласилась. В конце концов, он же не свяжет меня и не изнасилует? Хотя, я в этой жизни уже ничему не удивлюсь, Немийские мужчины на любую глупость способны.

Итак, я оказалась на усадьбе самого Польски, за несколько десятков километров от Арзонта, отличный вид на большой участок земли, на высокие деревья с огромными листьями и океан неподалеку.

Миша был штурманом сегодня. Мне не о чем беспокоиться, для Хаски я больше не существовала и направлялась туда исключительно по просьбе друга — начальника. Хоть с семьей повидаюсь, исключая отца. Его видеть не желала.

Стальные ворота открыли по приглашению Миши. Вид открывался превосходный на усадьбу. Огромная по площади земля была сегодня занята столами и стульями для важных персон, а на специальном стенде, приподнятом на уровне земли, возвышались три модели Иксовой Вешки. Одна из них малиновая, с розовыми дисками!/? Какая прелесть, но я бы в такое позорище не села.

Именно возле машин и обозначилось основное скопление людей. Музыка разливалась на всю открытую территорию. Голубое небо, свежий воздух, правда яркое солнце в глаза, но это мелочи.

Скоро должен начаться тест-драйв, а пока люди собирались и распространяли слухи между собой. Так и видела эти хитрые глазки, пробегавшие от одного к другому, и слышала шепоток между компаниями людей. Интересно, нас с Ангельским узнали?

Нам не повезло, когда мы ближе подошли, то привлекли внимание некоей известной толпы — элита Арзонта. Как мило, все те кто когда-то издевался, холодно окидывали взглядом и игнорировали. С Мишей были более ласковы и улыбки. И только один человек весело раскинул руки в разные стороны и поковылял ко мне на каблуках по плитке и улыбался. Какая-то Имина слишком любвеобильная стала.

Она меня обняла с невероятной силы, думала позвоночник сожмет окончательно в тонкую полосочку. Имина была с кавалером, поэтому быстро познакомила мужчин и отобрала меня у Ангельского поболтать.

Встали мы возле стенда и разглядывали машины, хотя на самом деле пили какой-то голубой коктейль, что Имина добыла у официанта.

— Эта коза мне не нравится. Мне ты больше нравилась, — Аристократка из трубочки попивала голубую жидкость и смотрела куда-то мне за спину, пришлось оборачиваться.

Дмитрий Сергеевич собственной великолепной, в белой рубашке с коротким рукавом и белых брюках, персоной. Прямо ангел белокурый, а рядом брюнетка в белом, воздушном сарафане, подол платья развевался на ветру, а она поддерживала его спереди, чтобы не светиться бельем.

Картина невинных голубков. Почему они меня бесят? Идиллия влюбленных. Мы с ним не так смотрелись, а как два дьявола, что сейчас убьют друг друга и сожрут. Нам бы в черном надо было быть.

Сегодня я в шортах, майке и с высоким хвостом — мы не названном вечере, можно одеваться, как пожелаем.

— И чем она тебе не нравится? Ангел смотри, — кивнула на парочку и вновь стала разглядывать малиновую машину. От приторности и обилия белого стало подташнивать.

— Она оккупировала всё его внимание, а меня Дима игнорирует. Представляешь? Избегает? — ужаснулась Имина, растопырив свои наманикюренные, длинные ногти и постучала раздраженно по бокалу пальчиками.

— Хотя, — улыбнулась она, мне показалось как-то злорадно, глаза стали хитренькие. — Я понимаю почему избегает, боится, я прочитаю его извращенные мыслишки — а че там читать? — махнула она рукой. — Итак понятно — запущенный случай! Блин... ну ты посмотри...она его портит, — никак не могла она успокоиться и смотрела нам за спину, где видно была парочка голубков. — Он с ней опять, как кусок льда... весь такой сюррезный, скууучный. А где огонек? Потух опять?

— Имин, скажи за каким Бастардом ты со мной о нем говоришь? — не выдержала я, перед этим половину бокала с голубой жидкостью опрокинула в себя.

— Вы так мило ревнуете!

Всевышние силы, Имина — энергосос. Какое я новое слово придумала.

Я закатила глаза к голубому небу и перистым облакам, вопрошая о спасении души.

— Я не ревную! — пояснила четко.

— Ага, — улыбнулась Имина также злорадно, как до этого, когда говорила о Диме. — Я чувствую... давай, — подняла стакан с голубой жидкостью с намерением чокнуться со мной. — Вечер будет горяченьким!

Я говорила, что она садистка и питается чужими эмоциями!?

А потом мы пол дня провели на солнцепеке, слушали хвалебные отзывы о новой машине: объем двигателя, шести ступенчатая коробка передач? А они понимали, что на приеме половина женщин и нам сложно понять их умные словечки? Хотя, лошадиные силы я поняла, что значат. У меня в авганке сто восемьдесят, а здесь девятьсот, разгон за три секунды до ста... а машина не взлетает, если до упора надавить на газ? ДА... мне за такую не надо садиться. Я же псих — могу и взлететь.

Но у этого всего великолепия одно большое НО — и это цена в семь миллионов кредитов — это две четырех комнатные квартиры. И это начальная цена! А если в нее еще дополнительного оборудования напихать?

Кто будет у них покупать эти модели? Или это чисто для крутизны?

Зато с семьей успела повидаться, неплохо поговорили, даже с отцом.

А вот Хаски лишь взглядом скользнул по мне, даже не поздоровался сделал вид, что мы незнакомы. Я проследила внимательно за его проходом — какой важный, а рядом с ним ангелок этот вцепился ему в руку, как клещ.

И всё? Ни одного взгляда, никакого любопытства, или внимания с его стороны. Он действительно обо мне забыл, вычеркнул с легкостью? Даже я, вроде как не сильно привязанная к нему, не особенно сильно желавшая его, не могла до сих пор забыть, стереть из воспоминаний наше общее прошлое? А он так легко заменил наши воспоминания — на их?

Клянусь всевышними я терпела до последнего, но наверное есть некая тонкая граница — короткая пунктирная линия через которую я перешла, когда находилась за одним столом с половиной высшего бомонда Немии и чувствовала кипящую внутри лаву. Уже как час я ее гасила в душе, преграждала путь наверх, но она настойчиво подходила к горлу. Очень

мешала мне говорить, улыбаться и веселиться, как раньше. Я молчаливая и крайне озлобленная и не могла повлиять на это состояние.

Я, вечный клоун и бесовка не могла развлечь компанию людей, сидела с угла рядом с Мишей и Иминой и исключительно перекусывала или выпивала. Больше ничего.

После того, как официальная часть прошла, солнце зашло за горизонт, стемнело и стало чуть свежее возле воды. Прожектора по-прежнему подсвечивали стенды. Взрослые на одном конце усадьбы, молодежь отдельно — с другой стороны дома.

И зачем я согласилась на это путешествие? Мише хотелось оторвать руку, которая меня иногда при обнимала за плечо, взять и вывихнуть назад и убрать ему под лопатку. Я — кровожадная натура.

Миша — типичный представитель мужчин и его глаза были не способны смотреть куда-то кроме, как вниз. Делал вид, что шептал на ухо, сам заглядывал в декольте. А там сегодня очень интересно — один размер явно вываливался наружу. Интересно — Дмитрий Сергеевич обратил внимание на этот вырез? Разозлится? Похоже нет...

Там с ним ангелок в черном, обтягивающем платье и улыбался, и прикасался к Хаски.

Я взяла бокал кроваво-красного вина, который уже по счету сделала мелкий глоток. Опять горечь во рту. Я ее постоянно чувствовала рядом с ним. Украдкой бросила короткий взгляд из-под ресниц, лишь бы никто не заметил моего внимания. Всего секунда и осознала, что встретила с голубыми, почти прозрачными глазами. Как стекло впились они в мои.

Поспешно отняла, при этом услышала, как Миша в очередной раз сказал какую-то чушь на ухо.

Я думала, узнав где работаю, прибежит, как раньше, найдет повод для встречи. Позвонит по телефону с какой-нибудь надуманной целью. Но нет — тишина в ответ. Время лечит говорят. Неужели и тебя вылечило?

А меня это время убило, до конца. Я устала ненавидеть всех и каждого. Я ненавижу каждого Аристократа, которого видела перед собой, за унижения, за пренебрежение мной. Необходимо стереть эти воспоминания, убрать их, изъять из памяти.

Я не могу дальше двигаться по жизни. Боюсь мужчин, вздрагиваю, когда ко мне обращается человек мужского пола.

Где найти противоядие от яда ненависти и презрения к себе, и к Аристократам?

— Миш, я конечно все понимаю, — неожиданно брат влез в разговор.. — Но ты сейчас в моей сестре дыру прожжешь. Дай ей немного дышать... — очень выразительно Паша развернул плечи гордо, намекая что я так не смогу сделать под раздевающим взглядом соседа.

— Паш! — шикнула тихонечко. Только бы никто не слышал наших препирательств. — Успокойся, все нормально!

Пыталась говорить тихо, но Имина-то рядом сидела:

— Скоро от ваших эмоций взорвусь, — шепнула она мне на ухо. — Сколько здесь разврата...

— Я тебе убью, если кто узнает, — пригрозила по поводу своих эмоций.

— Я всегда помалкиваю, лучше не лезть.

Да, это я уже поняла. Иначе Имина бы давно сдала меня с моими эмоциями. Бедняжка, наверное, ей несколько тяжело ощущать не только мои чувства, но еще десятков людей, находившихся в зале. А ведь возможно ни у одной меня отвратное настроение.

Паша махнул рукой, как бы смирившись с участью падшей сестры.

Хаски не смотрел на меня, обнимал свою брюнетку за талию. А Юля почти валялась на его плече. Дмитрий Сергеевич улыбался этими ужасными ямочками, которые делали его лицо радушным, ребяческим.

Он очень легко меняет женщин. Ему все равно с кем делить постель, с кем делить крышу над головой, да? Для него все это не важно. Он с Юлей делит жилую площадь, я знаю... уже наслышалась.

Принесли горячие блюда. Я схватилась за вилку будто бы она в состоянии меня оградить от плохих эмоций, рвущих тонкие нити терпения. Как я старалась сохранить их целостность, кто бы знал.

Пальцы сжали холодный металл очень сильно.

— Да. Все хорошо... - услышала голос Хаски. Спокойный, умиротворенный. — С отцом наладилось. Он полностью отошел от дел... — кому-то он рассказывал.

Рядом с ним неизвестный мужчина, они дружески поздоровались.

— А это должно быть Юля? Наслышан по газетам, — улыбочивый лебезящий тон послышался от человека.

Мои пальцы вместо того, чтобы направить вилку в тушенное мясо, с необыкновенным клюквенным соусом, прикоснулись к острым зубчикам, погладили, словно проверяя остроту и надавили, как можно сильнее, чтобы сделать себе больнее. Ослепить внезапным уколом.

— Да. Моя девушка.

Не помогло... нити терпения с треском порвались. Пальцы по возможности сжались на зубцах вилки. Терпи... Терпи...

— Тебе следует выйти, — шепнула Имина, положив свою руку мне на ту, которой я держала вилку. — Уходи... — приказала она.

Я, как по команде, расслабила пальцы, очень медленно положила прибор рядом с тарелкой.

— Возможно когда-нибудь и невеста. Мы не торо...

В мозгу взорвался фейерверк. Вспышки повсюду перед глазами, от которых я перестала видеть. Положила ладони на стол, по обе стороны от тарелки и поднялась во весь рост, скрипнув стулом по полу, чем сильно привлекла общественное внимание. Дышала через раз, забывала что необходим кислород.

— А не слишком ли много у тебя невест!?! — естественно мой голос раздался, как раскат грома, посреди внезапной тишины. И я не жалела. Впервые за сегодня подняла глаза гордо и уверенно на Хаски, а потом на его подружку. — Юля, намного не надейтесь, вас он тоже выкинет через полгода, наиграется и выкинет...

Да... знаю. Что это прозвучало, раскрывая полностью мое эмоциональное состояние.

Да... знаю. Теперь каждый ушлепок в этом зале будет знать, что Хаски меня бросил, что мне он разбил сердце, причем несколько раз. Но мне теперь... все равно.

Я столько скрывала внутри эти эмоции, никому не рассказывала, прятала в тайничке души, но поглядите на меня — я просто существую, не живу, а прозябаю в мерзкой трясине, которая по горло засосала.

Хаски начал отвечать:

— У меня была одна невеста — Кристина встретила достойного мужчину. Вторая была договорная невеста, — он все-таки ответил мне прямо в глаза. Очень уверенно, не медля.

— Ах, да, — усмехнулась я сама себе. — Это ты прав. Договор — есть договор., - глаза резко убрала. Больше не о чем говорить. Схватила телефон, лежавший здесь неподалеку,

собиралась уйти отсюда. Выдвинула стул.

— Ты куда? — внезапно Миша дернул меня за руку чуть вниз.

— В номер, — шепнула...

— К тому же... не ты ли мечтала поскорее сбежать к Шмонту? — этот голос заставил меня распрямить плечи. Уж не послышалось ли?

Переходим в открытую игру. Мяч за мяч. И перед твоей фифой?

— Шмонт, — я развернулась, прошлась взглядом по всему столу в поисках Ленки. — Алло, Шмонт, ты где? — насмешливо оглядела двадцать примерно знакомых Аристократов. — Что-то я не наблюдаю рядом с собой мнимого Шмонта!

— Не сложилось? Он понял, какая ты ветренная особа?

О! Наконец-то, его насмешливая манера, полу разрезы на щеках. Это ехидство, отклоненное на спинку стула тело, расслабленность в жестах. Смотри, невесточка, кого приобретаешь в женихи.

Хаски продолжил говорить:

— Мишань, ты тоже приглядишься от себя советую, а то не ровен час оглянуться не успеешь, как тебе притащат Бастардов... — в глазах померкло, звуки стихли. И только кувалдой в голове звучали слова про Бастардов. Он назвал моих детей ублюдками — Бастардами? Он не признал бы детей — Бастардов?

— Аня, стоп, — Имина схватила меня за руку, которая дернулась. — Угомонись, разборки ни к чему не приведут...

— Это да... ни к чем хорошему точно, — во вторую руку взяла бокал с вином и пошла вокруг стола.

Затишье перед бурей. Моя буря во мне, звенела, кричала. Она громкая. И как никто не слышал ее во мне? Пальцы подрагивали на хрупком хрустале бокала.

Встала с вином за спиной Хаски, протянула руку и вылила очень медленно ему на светлые волосы, глядя как стекал напиток на белую рубашку, брюки. А Дмитрий не реагировал, позволяя это делать.

— Девушка, вы с ума сошли!? — очнулась брюнетка-ангел, резво подскочила и преградила путь к Хаски. И даже рукой меня слегка оттолкнула, пришлось рефлекторно под воздействием силы отойти назад. — Немедленно отойдите от него!

Как грозно она нахмурила свои маленькие глазенки. Ее культяпа только что коснулась меня? Я ей сейчас эту культяпу в ухо вставляю и через глаз просуну...

Уже сделала шаг с намерением осуществить грозное намерение, правда для этого надо было пустой бокал поставить на стол...

— Спокойно, Юль, не лезь. Присядь, — голос Хаски прозвучал очень спокойно, когда он с ней заговорил, как с маленьким ребенком. А я в момент стухла.

Это что за концерт юных голубков!?

— Дим... — она вновь присела рядышком на стул, выдернула салфетку из-под своей тарелки и начала промакивать лицо Диме, стирать липкую влагу.

Мужчина, что стоял неподалеку молча оглядел меня, решил что шоу закончено и под моим злым взглядом покинул нас.

А я почувствовала себя душой, видя заботу Юли о Диме.

Только тихо озвучила:

— Я в глубине души надеялась... очень надеялась, что ты не обращаешь внимания на мою принадлежность к Бастардам или привык, по крайней мере, к ней. К твоему сведению,

мои мальчики были с вирусным барьером и как ты выразился они не были Бастардами! — последнее, что удалось вымолвить.

Я подумала он не слушал, сделала один шаг прочь из зала, когда ответ настиг, но слезы не позволили обернуться.

— Я тебя умоляю, причем здесь твоя принадлежность к Бастардам и их...

Шла через столики Аристократов. Прекрасно — завтра буду блистать на заголовках, спятившая от любви бывшая невеста устроила Главе Хаски приступ ревности. За мной следили десятки глаз, как на камеру фиксировали мое раздражение и злость.

Уже в полутемном коридоре дома последняя фраза Хаски внезапно показалась странной. Не о вирусном барьере, а о чем?

Я в миг остановилась среди тишины, где-то на фоне шепот, наверное влюбленной пары, уединившейся в темном закутке.

Значения слова Бастард?

Бастард — я человек без вирусного барьера. И Бастард — человек, рожденный вне брака, что пошло от Немийки, которая понесла от Баллийца. Значит, он знает, что у ребят был вирусный барьер, а почему тогда Бастард?

Понять не могу. Я от этой ярости и обиды чувствовала удушье и затхлость, поэтому нужен был срочно воздух. Зашла в номер и уселась на балконе, наполняя легкие свежестью океана и умиротворением.

И к чему устроила этот концерт? Мы в очередной раз поругались.

Спасибо всем за внимание к книге. Приятных выходных.

Спасибо за лайки, репосты и сообщения.

Спасибо за награды Лена Мужева, Олеся Недогарок

Глава 6 " Правда одна на двоих"

POV Вильмонт

Да, Аня, ты дала жару! Пришла мысль сегодня с утра, когда открыла глаза и посмотрела в белоснежный презренно чистый потолок. Какой ослепительный блеск, аж раздражает. А вот я...тоже вчера блеснула и красотой и умом...

Ладонью заслонила глаза, которые с трудом открывались, мечтали вновь закрыться навечно и не видеть этой выставки, номера и вчерашних людей. Я звезда, наверное, КЛИКа теперь.

Подозреваю, что уже сегодня стану самой известной особой интернета и будут блистать во всех роликах. Прекрасно. Для всех я теперь бывшая, неадекватная его величества Главы Хаски. Конечно, глубоко капать никто не будет, крайней окажусь я.

Обреченно поднялась с кровати и пошла приводить себя в порядок — вроде посвежела. Только в ванной поняла, что болела голова везде: по всему черепу, не только виски, но мне кажется и на затылке, и даже в шею отдавало.

Это всё коктейли голубые Имины на голодный желудок.

Помыла голову, накинула легкий, шелковый халат, его ткань приятно охлаждала разгоряченную кожу после сна или вероятно после вчерашнего концерта. С сырыми волосами и, наверное, с очень побитым выражением лица решила предстать перед народом, не вечно же прятаться. Очень боялась посмотреть на убожество, именуемое Анна Сергеевна, в зеркало, при выходе из ванной.

Номер мы поделили с Сашей и Алисой. Внизу — на первом этаже расположена гостиная, а наверху — три маленькие комнатки.

Шлепала я тапочками по лестнице, привлекая внимание к себе, но никого не обнаружила, кроме тишины. И только в открытую дверь на балкон врывался свежий, океанский воздух.

— Аня, тебя! — выкрикнула сестра младшая. Алиса появилась от входной двери, шлепала босыми ступнями по полу.

И кто решил меня с утра пораньше появлением своим порадовать, надеюсь не репортеры с желанием взять интервью?

Всегда думала, что мое терпение прочное, его растягивай в разные стороны, но материал никогда не порвется, слишком крепок, чтобы вытащить на свет хоть каплю негодования. Вчера я позорно проиграла своим эмоциям. День поражения.

— Доброе утро, Алис! — поздоровалась пока сестра проходила мимо.

Она никогда не скажет, что ты был не прав и какой ты клоун, и что надо было мозгом думать, а не другим местом. Саши — нет и на этом спасибо, потому что боюсь она бы прошла против шерсти.

— Доброе, — ответила сестра. При этом присела за столиком на балконе, взяла книжку в руки, ножки подобрала под себя и полностью погрузилась в чтение.

Я глубоко вздохнула несколько раз, восстанавливая вновь идеальное лицо без намека на грустные эмоции. Улыбаться необходимо, но улыбка покидала лицо.

Открыла дверь, глазами встречаясь с Мишей. А он улыбался, плечом прикасался к стене, рядом с дверью.

— Привет, соня, долго будешь прятаться? День в самом разгаре, нас ждет океан. Почти все свалили, можем отрываться последний денек сколько пожелаем. И помни, завтра нам на работу! — пригрозил он пальчиком.

Пришлось улыбаться над нелепой попыткой развеселить меня. Прикрыла дверь в номер и вышла в белоснежный коридор. Глаза заболели от яркости, еще сильнее солнце раздражало глаза. Надо солнечные очки надеть, не возможно посмотреть в окно, хочется сразу зажмуриться.

Отдаленные шаги и голоса расслышала по коридору, но не обратила особого внимания.

— Я звезда КЛИКа? — поинтересовалась у Миши. Спиной оперлась о белую стену, руки спрятала под грудь, Миша покачал отрицательно головой и встал возле меня сбоку, плечом опираясь на вертикальную твердую поверхность. Я смотрела в пол и на свои тапочки, а начальник сбоку мельтешил, похоже на лицо мне поглядывал.

— Нет, нормально, — насмешливо поведаль. — Кто ты думаешь позволит Дмитрия увидеть в нелюбезном виде? Молчание гробовое, не волнуйся, скандалы ему не нужны.

Честно, я выдохнула более весело. Немного стало спокойнее дышать, словно кто-то до этого момента сжал горло двумя руками, не сильно, но мало приятно, а теперь отпустил. Дышать однозначно стало легче.

— Мне... — услышала голос Миши, тихий, немного хриловатый и почти на ухо, затем увидела, как рука его поднялась. На этот жест вздрогнула от неожиданности.

— Мне не нравится выполнять роль предмета. Ты стене, возле которой стоишь, уделяешь больше внимания, — голос его звучал без привычного веселья или улыбки. Пальцами Миша прикоснулся к моим мокрым прядям волос, лежавшим на плечах и спереди на открытом участке кожи.

Одна мокрая прядь волос прилипла к шее и спадала через ключицу вниз на грудь и на халат. Миша прислонил сгиб указательного пальца на эту дорожку из волос в районе горла и повел вниз. Давил слегка, я взгляд машинально опустила вниз, чтобы видеть это. От мокрых волос отделилась капелька вода и медленно стекла в ложбинку между грудями. С высоты роста Миши вид хороший на разрез халата.

Не знаю отчего стало зябко, от капли воды, от прикосновения пальцев или взгляда, которым Миша явно следил за мокрой дорожкой на моем теле.

Голоса стали совсем близки и я распознала несколько известных. Шаги про звучали совсем близки. Хотелось машинально гордо выпрямиться, но это бы показало насколько я занервничала, разглядев среди нескольких людей два белых пятна... Это два белых пятна и я их не вижу.

Продолжали с Мишей стоять, как и до этого, пока возле нас не остановилась маленькая группка.

Первым поздоровался Виталик, он прошел к Мише и пожал тому руку, а мне улыбнулся. Остальные позади него в разной по приветствовали нас. Не смотреть выше, не смотреть. Там пустое место. Два белых пятна и я не хочу их видеть. Одно с голым торсом и закинутым полотенцем на плечо. Я его не вижу, не вижу.

А видела одну Имину, вот у кого видно хорошее настроение, она в сжатый кулачок покашливала, словно прогоняла смех, который норовил вырваться из нее.

— Протрезвела? — насмешливо спросил мне столь раздражающе знакомый голос. ээээ. Что простите?

Удивилась вопросу и посмотрела на Хаски. У него всегда очень тяжелый взгляд, сложно

ему противиться, но я постаралась не отводить и ответить молчаливым сопротивлением.

О! Как мы заговорили! Его за руку крепко держала Юлия. Весь мой стыд мигом испарился в пространстве и следов не оставил после себя.

Ответа на свой тупой вопрос-подкол Дмитрий Сергеевич не дожидается, наклеила улыбку от одной щеки до другой. А потом резко перевела взгляд на Мишу, стоявшего рядом, и обратилась к нему тихонечко, но если бы люди пожелали могли услышать:

— Миш, двадцать минут дай, а потом будем делать все, что пожелаешь...

С этой фразой открыла дверь в номер, не в силах терпеть это напряжение.

Солнечный день манил поваляться на песочке и подкоптить крылышки. Я бледная, как труп. Нет. Трупы скорее желто-белые еще и вонючие, а я вроде вкусно пахла после душа. Кстати, о душе и капельках воды Михаил Андреевич кажется что-то мне важное сказал. Я обещала ему одно свидание не больше, что это за распускание рук началось? Разве я давала ему повод на что-то надеяться? У нас был один поцелуй и то давным давно.

Сашка не вернулась в номер, неужели мужика нашла? Когда она разведется? Я, конечно, сестру люблю, но как-то она по рукам пошла после Дмитрия Сергеевича.

Лежала я на полотенце и загорала, только и думала о вчерашнем концерте. Стыд может немного в отдаленном уголке души и горел, но основная мысль не доходила до моего сознания.

Причем здесь ублюдок? Он что не женился бы на мне?

Глаза горели от слепящего, белого песка под лицом. Я раздувала эти песчинки, лежала на животе и нечем было заняться, поэтому и смотрела за перемещением песка от моего дуновения. Спину нещадно жарило солнце.

На песок упала тень, похожа на мужскую (груди не было), наверное, Миша. Он уходил за коктейлями. Ему скучно здесь со мной и Алисой.

Должен Паша прибыть скоро, отсыпался он после вчерашнего, не знаю чем занимался. Уловила в отдалении от пляжа своего брата в компании людей. После более тщательного осмотра поняла, что это за народ.

За какие заслуги!?

Произошел любопытный обмен взглядами, я прям кожей чувствовала со всех сторон нескрываемое, разьедающее любопытство не хуже солнечных лучей. Должно быть спина покраснела от такого количества. Я демонстративно напялила очки на нос перевернулась на спину, подложила руки под голову и подставила тело под ультрафиолет. Я в очках! Сколько угодно обо мне говорите!

Компания знакомых Аристократов расположились неподалеку, я могла слышать их голоса и суть разговора. Из-под очков посматривала в их сторону. Мой взгляд увидеть нереально.

В чем причина вчерашних слов Хаски, раздумывала я глядя, как Юлия сидела рядом на полотенце с Дмитрием, гладила его по спине, очень нежно, пока он курил и смотрел на океан. Искренняя забота и ведь чувствовала, что она правда достаточно в нем заинтересована, не в деньгах Хаски. Юлия постоянно трогала его вчера и ловила взгляд Дмитрия. Взрослая, уверенная в себе женщина, не вела себя, как взбалмошное дите, я. Она заботлива и нежна, чего не скажешь обо мне.

Порой мысли бывали у меня странными, необъяснимыми, и сейчас будто током поразило по всем нервным окончаниям единым разрядом. Я резко поднялась, накинула

парео на бедра, надела шлепки и пошла не спеша по песку.

— Ань? — вопросительно Паша отреагировал на меня.

Он, наверное, подумал я не слишком уравновешенная особа. Да... он всегда это знал, теперь нечего пенять на родство. Шла по песку, преодолевая небольшое сопротивление по нетвердой поверхности.

Затормозила возле полотенца Хаски. Что поделать, если он первый из их компании? На мое приближение медленно отреагировал, повернулся, встретив мои ноги, скрытые оранжевой, прозрачной тканью, только потом поднял выше на тело и лицо. А я это всегда ощущала кожей, могла и не видеть голубых глаз, но чувствовала интерес.

Готовы ко второму концерту? Кажется, все приготовились к новым закидонам.

— Польски, пойдем потрещим! — поманила пальчиком приглашающе.

Надо было видеть театр этого абсурда. Я выступила с лучшим своим номером, а аплодисментов не услышала, зрители в прострации.

— Вильмонт, не ошиблась адресом? — насмешливо сказал этот Смехотунчик тоже в очках, крутой мачо в длинных шортах, с изображенными на них пальмами. Его волосы-кудряшки порхали на ветру от дуновения ветра.

— Давай, давай, — помахала рукой в свою сторону. — Разговор есть, — кивнула назад, в тень раскидистых листьев огромного дерева.

Пошла на выход с пляжа — вверх по песку, потом начиналась дорожка из плитки, там же немного высоких деревьев, которые создавали небольшую тень, чтобы возможно было спастись от огненного солнца Арзонта.

Мы с Польски молчаливо прошли к двум пустовавшим лежанкам, как можно дальше от других людей. Здесь были еще несколько малочисленных компаний Аристократов, в том числе и взрослые представители.

— Признавайся, ревность решила вызвать? Только я-то тут причем? Через Мишу лучше! — насмешливо предложил Польски и закурил. Я вздохнула и присела на один из лежанков.

О чем я хотела с ним поговорить? С Хаски не получится. Он слишком нервный, я нервная, закончится дракой, я не узнаю ответы на вопросы.

Спокойно по возможности начала разговор вопреки нашей огромной, взаимной «любви» с Пуделем:

— Скажи мне, пожалуйста, вчера фраза Хаски по поводу ублюдка? Что он имел ввиду?

— А ты будто не знаешь? — хмыкнул очень раздраженно Санек, глаза я его не видела, как и он мои, потому что оба в солнцезащитных очках. Поэтому только догадывалась об истинных эмоциях парня и его отношении ко мне. Польски хмыкнул и отвернулся, словно ему не приятно разговаривать со мной. Продолжал молчать.

Я с песком пришла поболтать, что ли? Подтолкнула Санька опять к разговору:

— Он имел ввиду, что даже если бы я не потеряла ребенка, то он не женился на мне? — предположила неуверенно. — Он бы не признал детей?

— Ты совсем страх потеряла, — с таким вдруг странным наездом обернулся Польски, выдохнул раздраженно дым из рта, словно ядом пытался и огнем меня заразить. — Не прибедняйся. А ты что планировала претвориться невинной овечкой. На — Димочка, пусть будут твои детишки, — Польски очень сильно повысил голос.

Я шикнула на него чтобы потише.

— Поэтому я у тебя спрашиваю! — старалась не заводиться очень сильно и не кричать.

Моя злость пока что мерно покачивалась на уровне груди. — Я не понимаю! Почему мои дети ублюдки? Они с вирусным барьером. А второе понятие... ублюдков...

— Вильмонт! — Польски бросил сигарету в песок неподалеку. Руки бы ему оторвать, но промолчу. — Почему Диман должен чужих детей подписывать этим браком на себя!? Как у тебя наглости вообще хватает сейчас передо мной оскорбленную невинность строить? Диман, чуть мозгом не тронулся от этой новости, а ты ему даже не соизволила признаться, что залетела от своего уroda....

Я как бы вроде слушала, что орал дальше Польски.

Вроде слышала... а вроде и нет.

Определенно, я в космосе летала, мне сейчас сказали какую-то глупость. Пудель орал на меня, а я стояла и молча слушала, как глупая, неумная девочка.

Пока не злилась, а вероятно не до конца осознала, что за бред он нес в своем сообщении.

— Залетела от уroda, — повторила я удивленно пока речь Пуделя немного стихла.

— Ой, прости что оскорбил твои чувства, конечно он же родимый и обожаемый Шмонт Леонид. Как я мог! — сарказм его обливал меня с ног до головы. Прямо стояла и получала по морде от этого сарказма.

— А кто тебе сказал, что Шмонт отец моих детей? — Санек прекратил паясничать и снял раздраженно очки, чтобы дать понять о своих эмоциях. Страшенные, суженные глаза. Я повторила жест, сняв тоже очки с целью дать понять, что не врала. — Кто сказал, что отец моих детей был Шмонт? — повторила тихо ему в лицо.

— Как кто? — спросил Польски, чуть успокоившись, глаза вернулись к обыкновенным размерам. — Мне Диман сказал.

— А ему?

— Мы все были в больнице, когда врач сообщил о твоей беременности. Шмонт был единственный человеком кто знал о беременности. Логичные выводы? Ну и Диман сам спрашивал у Шмонта, перед тем, как уехал... — ненароком Польски посмотрел в сторону Димы на пляже и его спины. Я тоже туда уставилась. — А это не так?

— Нет, не так. Отец их Дима был. Я сама узнала в тот последний день. Врач позвонил, а ко мне как раз Шмонт прошмыгнул, хотел поболтать. Я расстроилась, что беременна, не знала, что делать. С Димой какая-то фигня, а тут еще беременность, разревелась, такой меня и увидел Леня. Стал утешать.... и вернулся неожиданно Дима. Ну и ты знаешь... пошло... поехало. Наговорили друг другу... — все время смотрела на Диму и его девушку рядом. — Он думал, я ему изменяла? И не убил меня и Шмонта!?

Удивленно подумала, кажется вслух. А я думала он в порыве ревности убьет меня когда-нибудь, невероятно. Отпустил и даже нас не прибил, при условии, что думаю я ему рога наставляла.

Польски вернул меня обратно из мыслей на горячий песок к океану своим вопросом:

— Диман говорил, что ты поставила условие никакого секса до женитьбы. Разве не так? Как ты оказалась беременна? Методом опыления?

— У меня срок был около трех месяцев, Польски!? — обернулась я. — Отними от той даты три месяца и получишь время, когда я жила у него в шкуре Ананиной. Я даже не потолстела, токсокоза не было, никаких признаков беременности, поэтому и удивилась сама. Я — полигеном, меня папа предупреждал, чтобы поаккуратнее с мужчинами, а понять не могла из-за чего. Он и имел ввиду, наверное, предохраняться. Не знала я что настолько

легко забеременеть... Если кому про полигенама расскажешь — убью!

Пригрозила удивленной физиономии Польски.

Почему я ему рассказывала, стыдоба, но Польски слушал. И ему явно не нравилась полученные сведения.

— Я правду говорю. У меня кроме Димы и мужчин-то не было. Шмонт, — подняла палец указательный с намеком, что всего один любовник. А потом добавила средний палец. — И то два раза, и то за пол года до Димы, поэтому в отцовстве не сомневаюсь...

— И ведь я верю, — вздохнул Польски. — Ну что за урод у тебя Шмонт? — в этот момент мы с Саньком обернулись в сторону океана, расслышав имя Димы. Невеста звала Хаски и шла следом за ушедшим с пляжа Хаски.

— Слушай, — начал собеседник. Мы впервые с Саньком так откровенно разговаривали.

Я получила много информации, но не могла ее пока в себе переварить и привести к готовому ответу, что из этого получилось.

— Скажи мне сейчас, ты любишь его? Хочешь выйти замуж? — спросил Польски необыкновенно серьезно.

Я не знала как ответить, что правильнее? Довериться Диме опять?! Это очень сложно, мне кажется не выполнимо. Я достаточно раз доверяла ему, больше не в состоянии перебороть себя.

— Вот видишь, — чуть с улыбкой ответил Польски. — Ты не уверена, не знаешь, а Юля бы сейчас однозначно ответила. Ему нужно спокойствие, как главе Хаски. Ты знаешь, он уже принял на себя бразды правления. С Юлей он не ругается, она утешает его, любит, уважает, ценит. Когда находишься ты — он забывает обо всем на свете, о работе, об обязанностях. И как ты понимаешь для меня это — не есть хорошо.

Из-за тебя он отдал долю Колчака Трески за то, чтобы вернуть тебя себе, помнишь ту продажу якобы. Трески очень настаивал, что ты спишь с ним, поэтому Диман и приревновал. И этот план с женитьбой Хаски и Вильмонт. Диман подал эту «великую» идею, которую подхватили отцы и посчитали гениальной для поимки наших ненавистников. Придумал эту свадьбу и опять же надоумил отцов, кто должен быть этими женатыми. Это была очередная попытка до тебя добраться.

В груди забилося сердце, реагируя на слова, от этого стало горячо и тепло всему телу.

— Я тебя прошу, Ань, не говори ему, что это он отец. Это даст ему ложные надежды и мысли. А чтобы? Если? Сейчас он полностью смирился, успокоился. Не тормози его, пожалуйста, больше!

У меня не было ответов на его просьбы, и Польски не ждал. Покинул, оставив одиноко сидеть на шезлонге.

Спустя некоторое время я встала возле дерева, опираясь на его ствол и долго стояла, глядя на океан мелко колышущийся вперед — назад волнами.

Мой мир перевернулся опять с ног на голову. С Польски поделили одну правду на двоих.

И оба решили, что сделать с этой правдой — молчать. Смысла нет в дальнейшем.

Мы давно разошлись, в тот день, когда Дима отдал меня Максусу. С тех пор между нами стена выросла. И даже несмотря на это мы наивно продолжали карабкаться и падать с нее, при это набивая болезненные шишки. Достаточно лазать.

Будущего у нас нет.

Всем спасибо за внимание!

За награды спасибо Любовь Малова, Анжела Ковалева, Галина Галкина, Наталья Петрова!

Глава 7 "Верный пёс"

Предупреждение: здесь очень много мата, причем русского, это чтобы вы понимали всю злость кое-кого. По идее надо будет этот мат потом заменить на их ругань, но сейчас мне захотелось таким его оставить.

POV Хаски

Вломился в номер, Юля вслед бежала, а мне казалось, что плелась.

— Вещи собирай! — скомандовал не глядя.

Обвел комнату равнодушным взглядом, вещи разбросаны. Вот серьезно, бесил ее лифчик, что валялся на диване. Когда Аня забывала вещи не бесило, я знал, что она рано или поздно уберет за собой. Да, даже если и разбросаны ее вещи — плевать было. А эта... Обернулся на замершую при входе свою девушку. Меня всё бесило в ней. И даже ее внешность, очень смутно похожая на Аню. У нее не такие волосы, губы, она не так на меня смотрела, я не чувствовал ее, не видел ее. Юля для меня — фон, пустота.

— Дим? — она не закрыла дверь, стояла без движения, как испуганная добыча. Да, она редко видела меня в подобном состоянии. Я не часто срывался, но если срывался, людям поблизости становилось туго.

Внутри у меня огромное черное чувство и оно командовало что-нибудь взять и разгромить: стол, стул не важно что. Главное изменить что-то. Не в состоянии избавиться от этого черного чувства, оно давно поселилось во мне с тех пор как оставил своего Бастарда, вообще с тех пор, как познакомился с ней. Да лучше бы никогда не знал ее... задолбали эти эмоции.

— Дим? — карие глаза были испуганы, как в тот раз, когда спас Юлю, и она впервые увидела меня зверем. — Почему ты опять такой? Тебе плохо?

Бесила ее забота, волнение. Я не мог ответить ничем. Помнил мать и отца, как отец с таким же холодом отвечал матери и, как она рыдала после очередной новости о его любовнице.

Но я тоже не в состоянии себя перебороть и ответить на эмоции Юли. Я теперь немного понял отца и тот момент, когда он хотел развестись по-хорошему и дать себе, и матери свободу. Мать не пошла на это, оставила его и себя связанными.

— Собирайся! — поднял голос. — Я уезжаю, ты со мной или нет?

— Конечно, — Юля захлопнула дверь и решительно прошла по гостиной.

Собрались очень быстро, никому не стал сообщать о планах. Еще отчитываться перед кем-то.

Закинул наши сумки в багажник Ретса, машин на парковке осталось немного. Вон автомобиль гниды Ангельского, на котором Аня прикатила. Херакнул дверцей багажника, хлопывая.

— Дим? — испуганно спросила Юля и схватила меня за локоть.

На что я гневно вырвал, я терпеть не мог чужих прикосновений. Только Ане было разрешено меня касаться, а она никогда добровольно не касалась, наоборот всегда, мать ее, избегала нашей близости. БЕСИТ!

— Живо в машину! — приказал.

Я будто ослеп от этой черноты в теле и перед глазами, ничего не видел. Юля поспешно уселась на пассажирское сидение. Я резко устроился за рулем, врубил мотор, на что протяжно заревел двигатель. В этот же момент разглядел в лобовое стекло, как по асфальту парковки между автомобилями шел Польски. Он руками что-то показывал и явно что-то произносил, потому что губы его открывались, закрывались.

Пошел к Бастардам в ад!

Резко дал заднюю с пробуксовкой на месте. Юля взвизгнула, не успела пристегнуться, пора было показать, что я люблю быстрые, мать ее скорости. Аня это всегда знала и пристегивалась, а попутно орала мне на ухо, какой я придурок.

— Дим, ты чего? — я резко крутанул руль влево, выезжая с парковочного места и вновь заткнув тем самым Юлю. Опять поддал газу, тем самым проигнорировав Польски и его махание руками.

Один...два...пальцами вцепился в руль...три...нет...не могу уехать.

Резко по тормозам нажал, Юля пыталась привлечь мое внимание, на что я указал на сидение пальцем и произнес:

— Сидеть и не выходить! — двигатель заглушил, со злостью захлопнул дверцу.

Твою мать, как жарко от этого солнца, я в джинсах и футболке. В машине было прохладнее, от того что завывал кондиционер.

— Диман, ты куда так рано? — Польски стоял с руками растопыренными в разные стороны, а я быстро шагал в обратную сторону к парковке, которую успел проехать.

Вместо ответа правой рукой стянул энергию из воздуха и отправил голубоватые волны в ничего подозревавшего Санька. Его протащило и завертело вокруг своей оси в воздухе, а потом мордой по асфальту.

Я перешел на бег, пока Польски поднимался на одно колено.

Повторил кражу воздуха и вновь протащил тело Санька по неровному асфальту, головой пару раз прокатил его по неровной поверхности вплоть до бордюра, где начинался газон.

Подхватил одной правой за футболку распластанного на асфальте Санька. Когда поставил его двумя ногами на асфальт, то поудобнее ухватил жертву за одежду и прошипел сквозь зубы:

— Я иду ебло тебе бить!

Потащил жертву вверх к маленькому, двухэтажному зданию, спиной и головой его прислонил к острым кирпичам. Здесь нет народа.

— Я тебе, клянусь всевышними, пальцы перебью, если притронешься к ней! — шибанул Санька головой опять по зданию, заставив того бурно выдохнуть воздух с опозданием.

Нанес два удара в солнечное сплетение, на что Польски едва заметно вздрогнул и только.

— Ты что...ревнуешь ее ко мне? — расслышал сквозь слепое черное пятно повсюду. Ничего не видел, не слышал кроме этого ужасного чувства. Не знаю, что это ненависть, боль, одиночество кричало во мне.

— Ты говорил, что отпустил? — спросил он опять.

А я вновь сжал левую руку в кулак и замахнулся... бил и бил с огромным удовольствием по ребрам Польски, но друг почти не вздрагивал, пока я бил. Пресс он, к сожалению, успевал напрячь.

— Я, сука, отпустил! — ответил ему. Подтянул за ворот тело Санька и приподнял над уровнем земли. — Я блядь, отпустил! Ясно тебе! Она может быть с кем угодно, но ты так со

мною не поступишь!

Есть у меня особенность — если формировать энергию в руке, увеличивая ее скорость, и не отпуская, то получится вот что. Я отпустил Польски на землю.

Санек стоял не двигаясь, голову чуть опустил, пряча глаза от меня внизу на зеленом газоне.

Мои руки от локтя до кулаков загорелись голубой энергией ветра, каждая клеточка тела насытилась, и я начал.

Раз — под дых, два — в печень, селезенку, в солнечное сплетение. Раз, два, лупил со всей доступной силой. Чувствовал как жар ненависти, боли, обреченности горел в сжатых кулаках, и я бил и бил невинного человека. Его тело дергалось от моих мощных ударов. Один такой удар- и человек захлебнется в крови от внутреннего разрыва органа.

Мои удары были увеличены в несколько раз. Я никогда не пользовался этой способностью энергии ветра, только чтобы сто процентно убить соперника. Тело Санька билось спиной об стену здания, отчего со временем расслышал дребезжание стекол на верху от вибрации.

А я бил и бил, ощущал только капли пота на носу, лбу и на всем теле. Выбрасывал из кулаков энергию. Снова и снова.

Я нанес ему в общей сложности более пятидесяти ударов энергией по брюшной полости, пока окончательно не взмокла футболка от пота, пока дыхание не стало прерывистым и кислорода не перестало хватать в организме.

Только тогда я часто задышал, не помнил подобного состояния давно. Левую боевую руку наконец, прислонил к груди Санька, локоть заканчивался у него на животе (ощущал, как друг почти спокойно дышал или обреченно) а сам кулак был припечатан к груди — к сердцу Польски.

Я опустил глаз на траву вниз и на наши ноги почти рядом.

Санек знает, что я благодарен. Должен знать...Солнце нещадно палило в спину и на макушку.

— Всегда, пожалуйста, — расслышал внезапно его голос без обычных, смешных ноток. Глухой, спокойный. — Я же сука железный, — еще тише добавил он. — Моя шкура — твоя.

Тогда я поднял голову от земли, и взглянул на знакомые глаза без тени улыбки.

— Мне нах*й не нужна твоя шкура и своей достаточно, — я еще раз слегка дотронулся кулаком до его груди-сердца и отошел.

Перед глазами поплыло неожиданно, я перестал видеть зеленый газон под ногами и парковка с машинами расплылась в мутное пятно. Сделал шаг и тело повело в сторону.

Польски схватил меня за локоть, а я попытался вырваться, но сил больше не было. Я их все с энергией выпустил из себя.

— Пошли — отвезу! — услышал сквозь шум в ушах голос Польски.

Я виски помассировал. Твою мать, сейчас вырублюсь...

POV Польски

Итак, в связи с критической ситуацией я вынужден был прибегнуть к экстренным мерам. Я взял в охапку Виталика, его не побьют, а меня одного могли, и направился в общежитие Бастардов. Общежитие! Надеюсь не заражусь от них болячками всякими.

А знаете почему ситуация критическая? Потому глава Хаски, тот что Дмитрий Сергеевич с недавних пор выключил, СУКА, телефон и все средства связи и отказывался

поднять свою ленивую задницу из дому. А у него дела! И его поставщики мне названивали через каждые две минуты. Вот опять. Отвлёкся на вибрацию в кармане джинс. У нас сегодня презентация должна была быть, а я, как придурок, извинялся за него перед потенциальными партнерами. Десять, сука, минут им пятки вылизывал.

Вытащил телефон, удостоверился от кого звонок, переглянулся с молчаливым Виталиком и рванул через ступеньку на третий этаж Бастардов. На нас с Виталиком с испуганным выражением на лицах посматривали встречавшиеся по дороге жители этого места.

Перед нами — необходимая комната в общежитие. Я распахнул ладонью дверь и кто же знал. Осмотрел двух лежавших на кровати девушки и одну стоявшую в лифчике прямо по середине. Визг какой подняла Кристина эта! Я даже зажмурился от крика! Чего орать? Она впервые перед мужчиной раздевается?

Когда ей надоело орать или голос у нее сел, я оторвал ладони от ушей с фразой:

— Пять минут! Срочный разговор! — дверь захлопнул и вышел в коридор к Виталику. Он-то не успел зайти, меня первым отправил на передовую.

По прошествии нескольких минут дверь очень медленно приоткрылась, как будто ее какая-то животинка лапами или головой открывала, а не человек с руками. Как можно, настолько медленно!

Наконец-то дверь до скрипела ужасную, противную мелодию не смазанных петель и растворилась. Перед нами предстала Волчица, а сзади нее — неуверенно две подружки-Бастарды.

Я убрал бедра от подоконника, на ходу оценил свой вид с высоты роста — одежду, а ничего так, я в белой футболке. Схватился руками за концы одежды и через голову стянул. Цените девочки, но кажется вид моего оголенного торса не произвел должного впечатления на девушек. Более того, показалось, что пальцы Волчицы на двери дернулись в одном известном ей желании что-то сотворить немедленно.

Спокойно! Я поднял белую футболку вверх, наглядно демонстрируя ткань — как обозначение белого флага. Помахал влево-вправо им и подмигнул девочкам. Бастарды озадаченно переглянулись между собой, а я расстроено выдохнул и опустил футболку вниз.

Девочки, ну с улыбкой надо идти по жизни! С улыбочкой! Продемонстрировал улыбку им, пальцами раздвинув уголки губ в разные стороны.

— Объявляю перемирие! — перекинул футболку через руку.

В этот момент какой-то мальчишка-Бастард едва не врезался в меня, на что я очень доходчиво зыркнул на него. Я на невидимку похож? Зарычал, как зверь, с намеком, что готов в глотку вцепиться, а пацан, как дернулся назад от испуга и наступил своему компаньону на ногу. Едва оба не упали. Я на это смотрел, как на цирк, не мигая и не двигаясь в открытом пространстве коридора. Двое Бастардов поспешно сбежали от нас.

Волчица умела всегда не хуже меня зыркать — глаза у нее, как у голодной шавки. Честно, даже я ее порой побаивался. Глазища черные — черные. И сейчас она очень тяжело зыркнула. Да что такое! Пожал плечами, что опять не так сделал?

— Эй, пацан, да я же пошутил! Юмор не понятен! — прокричал в след уходившим Бастардам, а потом к Евлампии повернулся.

Девочка, у тебя шутница была мама. Где имя откопала? В летописи перечисления стародавних времен?

Потом громко озвучил:

— Я же пошутил!? Чего пялитесь? С улыбкой надо по жизни, а не со страхом. Эх, никто меня не понимает. Виталик, ты понимаешь?

Девушки нас пропустили с не охотой, при этом Евлампия буркнула, чтобы я оделся, видите ли на позор, именуемый торсом, смотреть страшно. Нормальный торс, ну подумаешь немного запустил. Давно в тренажерном зале не был. А вы попробуйте расслабиться с Главой Хаски. Я за него отвечаю — почкой, печенью, сердцем и так далее по списку.

Оглядел комнату Бастардов...да уж... у нас гараж с хламом и то побогаче выглядел.

И как они в этой клоаке жили?

Очень аккуратненько я присел на краешек застеленной кровати. Маша с Кристиной уселись в отдалении возле окна, Волчица взяла на себя роль переговорщика. Ножки торчали заманчиво, не скрытые джинсовой мини-юбочкой, а ножки-то ничего так...помню... помню.

— Эй, ты! — отвлекся на раздраженный голос Волчицы. — Хватит пялиться, говори, что хотел!

Женщинам определенно стоит всегда молчать — молчаливые они прекраснее!

Я поудобнее развалился, Виталик присел рядом поскромнее, чем я.

— У нас есть дело. Причем у всех, — пальцем указал на каждую из них. — Дело особой важности. План — как помирить Димана и Аньку!

— Кого?! — Волчица громко и надрывисто засмеялась, голову даже запрокинула назад, как не отвалилась на ее худой шее? — Шутишь!? Помирить!? Она ему кол готова в сердце воткнуть! Или нож на худой конец!

— Не заливай...

— Не заливаю. Seriously, это бесполезно, она его не простит. Если ему это нужно, — заявила Бастард.

Я молчаливо подумал, а потом ответил:

— Он сам не знает, что ему это нужно, но ему это нужно, чтобы ползти дальше. Иначе они продолжают мучиться, причем оба. Они не договорили нормально.

— А Аньке зачем это?

— Потому что и она мучается! — произнес я уверенно. Волчица скептически оглядела меня, при этом уголок губ опустила вниз. А я продолжил. — Не возможно жить с человеком, занимать с ним сексом, быть его невестой, целоваться, обниматься, играть во всякие телячьи нежности и оставаться равнодушной. Не возможно! — развел я руки ладонями вверх. — Либо ненависть, либо страсть, как у Димана. И то, и другое не даст ей покоя!

Волчица повернулась к подругам, видно молчаливо вопрошая о совете.

— Пожалуй, он прав! — очень редко слышал от брюнетки слова или проявление эмоций. В этот раз девчонка сняла кепку с головы и взлохматила волосы. Без кепки хоть на представительницу слабого пола стала похожа. Вторая белобрысая рядом на кровати неловко пожала плечами в не знании.

Волчица вновь вернула внимание ко мне со словами:

— Анька нас пристрелит!

— Диман нас тоже! — подвел я итог, а потом ехидно улыбнулся. — Правда потом расцелует!

Прода в четверг. Спасибо за внимание к книге.

И что же у нас задумала гоп-компания? И главный вопрос — где?

За награды спасибо Olinelin, Валерия *****, Ольга Ногачева

Глава 8 "Белесье"

POV Вильмонт

Вчера Миша привез в Арзонт, кстати, очень намыливался на чашечку кофе ко мне домой и сумочку донести. Вечером! В восемь вечера. Я на дуру похожа? Нет уж. Хаски научил очень важной вещи — мужикам не доверяй. Откроешь дверь, предложишь горячительный напиток, только отвернешься, а ты с задранными ногами на диване. Нет уж. Я не готова к «таким» отношениям. И половой акт сразу ассоциируется с детьми, а мало ли несмотря на противозачаточные что-нибудь получится.

Я лучше посижу тихонечко, присмотрюсь к имеющимся вокруг мужчинам и выберу не «больного» на голову. Адекватного, по крайней мере, который хотя бы слегка учитывает твое мнение.

В понедельник Михаил Андреевич предложил встретить Новый Год у него! У Баллийцев. Полетать, как он выразился, может он имел ввиду действительно полетать на их крыльях, но кажется — нет.

Поэтому когда Волчица предложила встретить Новый Год вчетвером с девочками я всеми руками и ногами была за. Потом только узнала, что едим в Белесье.

Через неделю в воскресенье я переборола гордость и взяла папину машину — авганку, все-таки до нужной точки очень далеко ехать, а в машине Кристины, как девочки настаивали, тесновато, нас четверо и куча сумок. Вы бы видели чемодан Волчицы — это три мои. Нужны были и теплые вещи: куртки, сапоги, одним словом, вещей было много.

Ехали на двух, Волчица со мной. А я пыталась всю дорогу скинуть с себя очень темное воспоминание, само место вызывало какое-то странное ощущение, очень ледяное, от него пальцы на руле были холодные.

Я чувствовала, как в сердце кровоточила прорванная дыра. И залатать ее ни что не способно.

— Ань, закрой окно, а то прохладно становится, — попросила Волчица.

Я подняла стекло и вынырнула из глубины мыслей. Стряхнула остатки наваждения при помощи легкого передергивания плечами.

Хорошая идея была поехать на Новый Год в Белесье. Мне сложно вычеркнуть из памяти прошлый праздник — яхта, Хаски, продажа. Всё это было своего рода орудием, что и прорвало дыру в сердце, которое до сих пор кровоточило. Мне кажется я слышала, как плакала мое гребаное сердце, только вместо обыкновенных, соленных слез — кровавые слезы.

Приехали поздно вечером, небо покрылось темным настиллом, на нем мерцали крупные звезды, такие не встретишь в Арзонте. Арзонт — слишком яркий город, как я много раз говорила.

Было холодно, капюшон закинула на голову, спрятала руки в карманах белого пуховика, стальные каблуки рыхлили землю бороздами. Ресницы покрылись инеем, видела их кончики. Дышать было трудновато, необычно.

— Ань, иди в домик. Ну тот наш! — крикнула Волчица, при этом вытащила из багажника мою спортивную сумку с вещами и передала в руки.

— Ты ухитрилась забронировать, тот же домик! — про себя подумала, что лучше бы

другой, потому что от того остались отвратительные воспоминания. — Как вы с Виталиком подружились!

Удивилась, но послушно двинулась по асфальтовой, очищенной от снега дорожке. Заметила, что подруги вытаскивали сумки из машины, а я пошла перекинув через плечо сумку к тому ужасному домику. Надеялась стереть прошлые воспоминания и нарисовать на них более приятные цвета, не те — горечи и крови.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Трехэтажный домик передо мной. Встала возле двери, свет освещал меня на крыльце. Слегка зависла в одном положении на секунду, отмерла и раскрыла дверь.

Сердце отчаянно забилося, вспомнив как наяву самые отчетливые картины произошедших событий. Закрутились в голове, завертелись непрерывно, беспрерывные события.

В первые в жизни карусель завертелась настолько сильно, что даже затошнило от нее. В первые хотелось взять и сдаться, раз и навсегда. С тех как по я познакомилась с Ним всё в жизни изменилось.

Свет горел в кухне-гостиной, камин призывно трещал. Кто-то успел разжечь дрова и приготовил домик к нашему приезду.

Громкие шаги по ступенькам отвлекли от изучения огня. Посмотрела на лестницу, сначала заметила джинсы с черными носками. Мужик понятно. Походка тяжелая, как будто отдавалась по сердцу...тяжело...давили эти шаги.

Невольно сердце забилося быстрее. Мне это кажется, скажите, пожалуйста? Уже по бедрам, животу поняла владельца тела. Держась одной рукой за перила, Хаски остановился на ступеньке, также видимо удивленный моим появлением. Холодные глаза Хаски стали еще холоднее, не известнее, морщинки заметнее.

Что он здесь делает? Что я здесь делаю? И где девочки?

Обернулась назад на ручку двери, за которую по-прежнему держалась.

Открыла выход и рванула прочь.

— Эй! — услышала в спину, прежде чем оказалась на улице. Где девочки? Мы так не договаривались, что за шутки? Сумку поудобнее перехватила, на бег не перешла, но очень хотелось. Услышала, как сзади открылась повторно дверь.

— Вильмонт, стоять! — свои приказы будешь невестам отдавать.

Шла до машины с огромным желанием прибить шутниц.

Я не собираюсь Новый Год отмечать с ЭТИМ и по всей видимости его дружками.

К машине быстро добралась, правда и Хаски сзади в тот же момент догнал. В одних джинсах, шлепках и футболке.

Машина была открыта, в багажнике пусто, что я проверила, а где девочки? Оглянулась по сторонам и отметила очевидную пустоту на улицах, и отсутствие машины Кристины, лишь пушистый снег медленно падал мне на лицо и дорожку под ногами.

Хаски тоже призадумался видно, достал из кармана телефон и прислонил к уху. Потом отсоединил.

— Нет сети, — прокомментировал свои действия. Великолепно прозвучало.

Открыла дверцу, на сидении обнаружила брелок от машины, ну хоть оставили, спасибо и на этом. Всё, я поехала. Уселась на место водителя, нажала на тормоз, завела автомобиль, приготовилась к старту.

И вот тут поняла, что передо мной будущий труп стоял возле капота, препятствуя

выезду.

Важная рожа Главы Хаски блокировала проезд, при этом важно скрещивал руки на груди. На что я стекло опустила и в открытое окно с удовольствием прокричала:

— А ну свали, а то давно в боулинг не играла. Будешь кеглей!

— Выходи из машины, или я ее тебе изверну всю до основания! Каждый болтик вытащу. Один раз уже села, может хватит?

Спорить в миг перехотелось, с глубоким пониманием, что правильно размышляет, обреченно загасила мотор и вышла из машины.

Хаски заговорил:

— Сейчас поздно, дождись утра, и я тебя отвезу!

— Поздно это ты прав, но поеду завтра одна.

Поставила машину на сигнализацию, взяла опять сумку и медленно двинулась опять по этой дорожке, цокая каблука. Из рук вдруг вырвало сумку, стало как-то легче, но это сильно нарушило равновесие тела. Едва не шлепнулась вперед от внезапной легкости.

Развернулась, чтобы рассмотреть как примерно за метр от меня шел Хаски, теперь закинувший сумку себе за плечо. Хмыкнула над его глупым жестом. Не поздно ли строить из себя джентльмена!?

Я так и шла чуть впереди, он сзади. Мог легко догнать, но этого не делал и не говорил. Я тоже не нарушала тишины. Лучше ее неприятные колючки ощущать, чем видеть и разговаривать Хаски. Это больнее. Это сразу, как удары ножей, а не маленькие колючки, которые легко выдернуть.

Наше перемещение нарушилось очень яркими вспышками, а потом я вздрогнула от громких звуков — взрывов. Над головой загорелось небо несколькими цветами и продолжало взрываться то тут, то там.

Мы наблюдали, задрав головы, как голубые, розовые цвета раскрашивали небо и меняли его цвет. Огни падали-падали и образовывали неизвестный рисунок. И через пару секунд я поняла, что это за рисунок, а нет... скорее предупреждение — «5 дней».

Я обернулась к Хаски, видимо синхронно. Порой наши мысли очень совпадали. Я буквально прочитала в его насмешливом прищуре глаз вердикт друзьям — Дебилы они у нас.

Даже дышать стало тяжелее, пока чувствовала спиной взгляд хищника сзади. Между нами всё завершилось, он отступил, отпустил меня. Наша история ненависти закончена.

— Не знаешь, зачем они придумали это всё? — спросила, когда мы зашли внутрь домика, Дима снял шлепки, он был в одной футболке, ему в принципе какая разница, взял и подогрел собственное тело.

Хаски почти не смотрел на меня, лишь мельком взглянул и отвернулся, как когда-то в те моменты, что мы еще не познакомились в спортзале, когда он не замечал простых людей, и меня считал обыкновенным Бастардом, не стоящим внимания. Сегодня Дима почти не смотрел на меня, не настолько пристально и внимательно взглядом хищника.

Маска это или нет? Или он действительно забыл? Как ужасную фантазию оставил во сне?

— Не знаю. Если это шутка, то плохая, — ответил Хаски. — Они изъявили желание сс мной справить праздник, я так и быть согласился, но как оказалось, это был какой-то непонятный ход...это странно.

Мысленно согласилась. А мой сосед по домику прошел к камину, в котором огонь мелко подрагивал, словно на него кто-то дул со стороны.

— Тебе холодно? — спросил, но ответа будто не ждал, подкинул поленьев аккуратным движением. Искры невольно вырывались после того, как деревяшки падали на горящие угли.

— Нормально, — отделалась сухо на его действия.

Пуховик сняла, разулась, стараясь не смотреть на раздражавшее белое пятно майки. Но боковым зрением замечала, как Дима поднял ладони к пламени, сделав его сильнее. Энергия красиво обрисовала небольшой участок воздуха от ладоней до поленьев, а потом растворилась, когда подождла деревянные бруски.

Не могла здесь находиться, пространство давило, чужие руки сжимали горло, выбивали воздух из легких. Не в состоянии бороться с этим состоянием, оно всегда брало в плен рядом с Хаски. Мечтала остаться одной в теплой кровати, под защитой, чтобы никто не смел трогать или смотреть.

Сумку подхватила, которую Хаски оставил на диване, и быстрым шагом направилась к лестнице. Потом бегом рванула.

Машинально забежала на третий этаж, который мы когда-то делили с подружками, и сразу поняла поспешность решения. Хаски судя по всему на втором, а на третьем всего две комнаты. Та, которую делили мы с Волчицей и вторая — где были Маша с Кристиной.

Та, где я обитала с Волчицей — я помню скрип кроватей, помню движения Димы во мне, я помню, как сжег запястья на руках. Как не спрашивая брал...брал. брал.... как безвольную рабыню, ничтожную тварь, не смеющую сказать «нет» господину.

Открыла эту вторую комнату, где обитали Кристина тогда с Машей и швырнула сумку со всей дури на кровать, та остановилась только возле подоконника и белой шторки.

Я опять вспоминала тот ужас. Взлохматила волосы от негодования, хотелось их с корнями выдрать, достать эти мысли из головы, убрать их. Поджечь и чтобы ни одного уголька не осталось после сожжения.

Телефон оставила в куртке, но вниз больше ни ногой. В сумке планшет, на нем проверила связь — естественно не работает. И кто нам заблокировал сеть? Конечно, Капрал разведывательной службы!

Даже в Клик не могу зайти.

Итак мы находимся на территории Белесья, на выходах охранные пункты Виталика. Выйти мне или Хаски охранники не могут запретить, это как бы не в их власти. Никто не осмелится, значит, ворота просто закрыты для всех. Я видела здесь людей, вероятно и они погребены вместе с нами в снежном мире Белесья.

Территория охраняется также энергетическим куполом. Переместиться не смогу, к тому же умею лишь на небольшие расстояния, максимум километр. По всему периметру стоит высокий забор с острыми шпильями. Я — не я, если не попробую перелезть его. Пять метров делов. Перелезу, а дальше что? Машина у меня здесь.

О! Всевышние силы, я убью подружек! Найду и убью! Потом воскрешу и заново убью. Итак пока злость не пройдет.

Ворочалась из стороны в сторону, пряталась в легкой простынке, Хаски не слышала или старалась не прислушиваться к скрипу лестницы. Но заснуть не могла, пялилась в окошко на сизый спутник планеты, поскорее бы сердце перестало меня бить, уже больно внутри где-то в груди. Болезненно сжималось. Постукивала кулаком по этому месту, чтобы отвлечься от внутренней боли на внешнюю.

Надоело. Надоело. Но заснуть не удалось, а потом и солнце встало, а белый снег

заискрился на подоконнике. День обещал быть солнечным, ослепляющим. Другим рядом с Хаски дни и не бывали.

Собралась с мыслями едва рассвело, но к своему огорчению Хаски сидел на диване ко мне спиной и пил кофе, чуяла аромат. На меня Дима не смотрел и не здоровался был поглощен созерцанием телевизора. Это и прекрасно. Мы — незнакомцы.

Каблуки вчерашние я заменила на теплые кроссовки на высокой подошве, присела на коврик, пряча в сумку обувь.

— Уже убегаешь? — поинтересовался равнодушный голос.

— Уже, — ответила не глядя, пялилась в пол и в сумку, куда прятала сапоги, по крайней мере искала им место. Заметила, что Хаски встал с дивана, держа в руках кружку.

Не стала на него обращать внимания просто открыла дверь и вышла на свежий воздух, прищурившись от яркого, слепящего снега. Глаза закололо с невиданной силой, естественно, после бессонной ночи их будто специями намазали.

На парковке посмотрела на машину, мысленно всплакнула, придется ее оставить, но мне все равно лишь бы подальше от Хаски. Прошла к воротам железным, в охранном пункте обнаружила парочку мужчин в форме, которые делали вид, что разговаривали. Я им помахала рукой, как и предполагалось, они не заметили. Потом я двумя руками как мельница замахала. Потом уже раз дразнилась, начала беспрестанно мельтешить, подошла к воротам, которые были закрыты и замком постучала. Грохот был достаточный, чтобы разбудить посетителей в ближайшем первом домике к парковке.

Жаль у охранников не было мухобойки, а то прихлопнули бы меня не глядя. В заключительный раз от злости грохнула массивным замком по забору. Гады игнорируют!

— Как идет бегство? — обернулась на вопрос.

Хаски вышел по-прежнему в сланцах, то есть сбегать не собирался явно. В спортивных, теплых штанах и черном свитере на молнии, что очень четко обозначили размеры его грудной клетки и массивные руки Ну пусть сидит, если хочет.

— Как видишь! — оскалилась.

Подошла к бордюру, где заканчивалась асфальтированная дорожка и начинались сугробы снега. Нырнула ногами в белое покрывало, которое смялось когда наступила на него.

Итак — передо мной забор, горизонтальных поверхностей очень мало. Вот одна на расстоянии сантиметров сорока от сугроба, дальше длинные прутья и примерно возле моей головы следующая горизонтальная черточка.

При большом желании ногу настолько высоко не задеру.

Решила подтянуться на руках, стопой оперлась о неровную поверхность прутьев, с трудом удерживала равновесие и не падала. Твою ж... нога, как и следовало ожидать от заледеневшей корочки на подошве соскочила.

Сзади слышала довольный смешок, а ему будто удовольствие доставляло наблюдать за моими беспочвенными попытками перелезть забор.

— Поможешь? — недовольно обернулась и указала на забор, а потом ладонью показала, как бы мог он меня посадить или энергией подкинуть.

Предпочту конечно, чтобы энергией, чтобы не смел и пальцем прикасаться ко мне, пусть и сквозь одежду. Хаски, как бы одобрительно указал на забор, с намеком, что поможет.

Я повторила трюк — левую ногу на нижнюю перекладинку, вторую подняла и тут же

меня словно сильный поток воздух поднял, опустим момент, будто кто-то двумя ладонями под попой подхватил, но похоже это мои личные заморочки. И я ухитрилась на вторую перекладину переместить обе ноги, а пальцами вцепиться в холодную железяку. Ну что же... еще метра два с половиной и я на воле.

Оптимистично добралась при помощи Хаски до шпиль забора, обернулась назад, где Дима задрал голову наблюдал за мной, при это наготове держал одну руку ладонью вверх. Страховал?

А я, как обезьяна, повисла на шпильях, руку перетащила через забор, намереваясь и ногу перекинуть.

Все тело вздрогнуло, будто его засунули под электрический ток, не удержалась и от неожиданности завалилась назад. Руки отпустила, а это по правилам безопасности запрещено делать. Бастард подери, хребет сломаю с такой высоты!

Но благо почувствовала, что скорость замедлена и на спину опустилась очень аккуратно.

— Да какого!?! — вскинулась, отряхивая локти и джинсы от снега. Пальцем показывала неприлично на забор, а Хаски с легкими смешинками вокруг глаз наблюдал, как посетитель в фойе цирка. — Что это?

— Естественная защита, — пожал плечами раздражавший субъект. — Думаешь от энергетических воздействий Белесье защищено, а от физического нет? Проходите и воруйте кто угодно?

Насмешка и самодовольство искренне выбеживало всегда. И сейчас с трудом держалась, чтобы не злиться.

— А предупредить нельзя? — спросила у него грубо.

— Ты же у нас упертая, пока самолично не удостоверишься, бесполезно.

А он прав, гад!

— А ты не желаешь отсюда выбраться? Тебя всё устраивает, что я и ты здесь вдвоем? А как же Юленька? — выплюнула ее имя. Юленька.

Что за имя!?! И вообще не честно, она брюнетка, а он всегда любил блондинок. И по росту, итак по внешности кажется мы чем-то похожи. Это странно, он спит с девушкой, похожей на меня. Немного нервирует. — Она не заревнует?

Отвечать он явно не собирался, пошел по дорожке, шаркая сланцами, при этом мою сумку опять взял. Кстати, а если бы я перелезла через забор, как бы я потом в одиночку вещи перетаскивала? Умные мысли, как говорится, приходят потом.

— Я просто знаю Санька, — услышала его вскоре ответ, когда обреченно вздохнув двинулась за спиной проводника. — Если Санек берет дело в свои руки, можно не рыпаться. А если он сказал, что мы здесь на пять дней, значит мы здесь на пять дней.

Сейчас прям... разбежался. Возле общего домика, когда Хаски насмешливо демонстративно вдруг отошел от двери, при этом естественно раскрыл ее и галантным жестом предложил войти мне первой. Очень смешно.

Я развернулась на ходу и пошла в главное здание.

— Ну и куда теперь? — донеслось в спину.

— Другое место себе поищу. Уверена есть свободные места.

POV Хаски

На открывание двери не обратил внимание, чтобы не смущать ее, тщательно скрывал

улыбку, которая норовила раздвинуть губы.

— Я говорил Санек всё предусматривает. Совсем ни одного места? — спросил, при этом слышал, как она раздевалась. Как двигались ее тонкие руки, передвигались ноги, звук ее шагов помнил. Ее аккуратные шажки по полу, бег по ступенькам или плитке, и звук ее каблучков на асфальте. Из сотни различу. Я знаю, как передвигается ее тело, плечи, бедра, жесты помню. Мне можно не смотреть назад я итак помню.

Помассировал раздраженно виски пальцами, прогнать... прогнать эти мысли. Они вновь мной завладевали рядом с ней. В этой опасной близости...

— Было одно место среди девятерых дяденек в годах, празднующих что-то. НО! Они без женщин, это наводит на странные мысли. Либо голубые, либо извращенцы. Ты — менее страшен, как мне кажется!

Какая похвала из ее уст. Она прошла мимо, машинально почувствовал аромат ее духов новый. Да какой бы он ни был, все духи становились особенные, смешанные с ее запахом кожи. И его теперь сохраню в памяти не осознанно.

— Я буду наверху, не подходи лучше!

Сказала она прежде, чем зазвучали мелкие шажки на лестнице. Я заставлял себя не смотреть, не поворачиваться. Я переболел этой болезнью, удалось ее заглушить за прошедшее время. Успешно анальгетики спасали от полного разложения, Юля помогла сама того не ведая, за что я ей благодарен.

Развернул шею и уловил кончик ее джинс.

Бастард меня подери! А иммунитет к этой болезни я не приобрел похоже и приобрету когда-нибудь? Прикрыл глаза, но в темноте опять увидел ее непокорные мне глаза, что снились изредка в кошмарах, поначалу часто — стекло и кровь, и голубые глаза, потом пореже. Но вчера боялся заснуть.

Я чуть ее не убил собственными руками. Поднял ладони кверху, тщательно рассматривая. Ни одного шрама, только кожа на костяшках слегка отечная после битья Санька, а больше нечего. Кожа чистая, ровная, без единого пореза.

А Аня была изуродована там в больнице, помню ее порезы, не скрытые бинтами. И помню отчетливо, что я причина этих ранений.

Когда принесли завтрак, хотел Аню позвать, поднялся на третий этаж. Зашел в первую комнату и, когда вошел, вспомнил.

Каждый уголок. Стена возле которой она, дрожа, стояла передо мной. Я был зол на ее отказ, на ее насмешку, уродовалась ходила специально, отгоняя меня от себя. Как дикое животное держала от себя подальше на привязи. Игралась, дразнила своей улыбкой. Я не собирался с ней спать, пока она не раздражила мой аппетит на горках.

Аня была очень милая, как маленькая девочка любопытная, норовила каждый раз потыкать или развеселить меня. От одной ее попытки уже становилось весело, а уж ее непосредственность, откровенность и улыбка кажется выбили почву из-под ног там — на самой высшей точке на горках.

Хотел поцеловать, а она сбежала. Не понял с чем это связано и ее бегство порой подбешивало. Сама же проявляла интерес, а потом... Не люблю так.

Я был настроен на нее, жаждал ее. Я и сейчас-то с трудом сдерживаюсь, чтобы не сотворить тоже, что и раньше.

Только воспоминания о ее ранах на руках в больнице не дают воплотить это в жизнь.

Какие интересно у Ани воспоминания об этой комнате? Оглядел кровать, Аня была

сжатая, не хотела расслабляться. Слишком пугалась меня, поэтому решил и прибегнуть к помощи афродизиака, это с легкостью устранило бы наши проблемы и ее бы расслабило.

Откуда я знал, что она не приемлет возбуждающих вспомогательных средств!? Что она так оскорбится!? Да в чем дело!? Женщина после тридцати пяти на этом и живут и спят с мужем?

У нас каждая вторая пирушка заканчивается оргией с африком. В чем дело!? Она под колпаком жила? Раздраженно захлопнул дверь из этой комнаты...

...всё...сука...задолбало.

Прошел ко второй двери и саданул кулаком. Сам не ожидал, что с подобной мощью вломлю по поверхности.

— Иди ешь! — не проконтролировал злость в голосе, та вновь поднимала свою голову изнутри.

— Нет, — услышал из-за двери.

— Как пожелаешь, — стиснув зубы процедил. С трудом сдержался, чтобы еще раз не долбануть по двери. Надоело. Громко зашагал по полу. Злость опять вырывалось изнутри. Не в состоянии сдерживаться с ней. Не могу контролировать себя. Даже сейчас. Надоело. Надоело. Всё это...

Я уже сдался, теперь поздно. Не хочу никаких симптомов болезни: ни дрожания в кончиках пальцев, ни учащенного дыхания, ни повышения температуры тела, ни ускоренного сердцебиения.

Я устал ее жаждать. Это невыносимо жаждать ее и не получать.

POV Вильмонт

Я весь день пряталась в комнате, ходила в помещение метр на метр и думала сама не знаю о чем, телефон не работал, телевизора в комнате нет, средств связи никаких.

Единственный телевизор внизу у Хаски, а мне от скуки было нечем заняться. Посидела в кресле, повалялась на кровати, ноги закинула на стену, опустила обратно на пол. И смотрела в белый потолок. Это каторга, а не Новый Год.

Солнце, в открытое окно палило и заставляло глаза закрываться. Хоть и не спала всю ночь, но и заснуть не представлялось возможным.

Могла бы на горки пойти, но одной и опять же настроения не было. Не вариант.

А кушать-то хотелось. Желудок чуть сам себя не скушал от голода. Долго предупреждал, что съест, но я его не слушалась. Вечером устала от угроз со стороны живота и собралась мысленно с силами.

Не накрашенная, с конским хвостом на голове, в смешных цветных носочках, и дряхлом спортивном костюме примерно трехлетней давности. Зачет! Такая и маньяку не понравится. Я еще и бледная, как поганка, все краски схлынули с лица от страха. Успокоилась мысленно, выдохнула лишний воздух и спустилась вниз.

Хаски удивленно повернул голову в мою сторону. Интересно, а он как без своей любимой работы проживает?

Дима закинул ногу перпендикулярно второй, локтем опирался в подлокотник дивана. Из камина вырывалось тепло. По идее надо снять верхнюю олимпийку, но у меня там топик, лифчик торчит. Всевышние силы, я общаюсь с Хаски, как с шизанутым насильником!

Всё, Аня! У вас всё закончилось! У Хаски есть невеста, ваша непонятная больная связи закончена, лекарства не удалось найти и исцелить ее.

Я заглушила почти, наверное, возможно... Но когда я настолько близко с ним, сложно ничего не чувствовать, либо ненависть, либо... не знаю... этот трепет всегда поражал нервные клетки.

— Еда в холодильнике, — озвучил Хаски и отвернулся к экрану телевизора.

В тишине, нарушаемой звуками перестрелок из телевизора и легким потрескиванием поленьев в камине, разогрела поесть. Можно было, конечно, позорно сбежать в комнату и показать Хаски опять насколько я его боялась. Но честно, уже устала сидеть одной в комнате и хотелось хоть чем-то заняться, да хоть телевизор посмотреть, интернета правда нет и приходилось смотреть транслируемые фильмы.

Поела естественно за столом, косила глаза в сторону телевизора и спины Хаски, он почти не менял положение тела. Был какой-то застывший что ли. Замерший хищник пришла ассоциация. Стоп, стоп, Аня. Опять маразм пошел. Перестрелки я не особенно люблю в жизни хватило видно.

Но за неимением лучшего смотрела, развалившись на двух стульях: попа на одном, ноги — на другом, как когда-то Хаски показал пример.

Я вздрогнула и краем глаза следила, как мужчина поднялся с дивана и прошел к чайнику. Кофе на ночь. Он в курсе, что сердечко от кофе быстрее изнашивается? Звук закипающей воды, щелчок, звук воды, наливающейся в стакан где-то за спиной, шаги Хаски — всё это вместе вызывало бушующее цунами в жилах. Кровь билась в сосудах, сталкивалась и приводила меня в непонятное состояние, когда не понимаешь? как успокоить это всё.

Хаски сел за стол напротив меня. Мы пересеклись взглядами, когда он медленно отпивал огненный напиток или уже не огненный, может охлажденный.

Не могу на него смотреть.

Не выдержала, встала нервно, выдав себя с потрохами, и переместилась на диван. Ноги согнула в коленях и обняла их ладонями, при этом прижала к груди, как бы защищаясь от всевозможных проблем.

Дима не прокомментировал. А я чувствовала, как щеки запыхали, как маленькая девочка бегает от него. Смотрела не на фильм, а будто сквозь экран. Было крайне не спокойно, холодные мурашки покрывали кожу.

Когда минут через десять, предварительно покурив, Хаски вышел с балкона и присел рядом со мной на диване, я еще сильнее впиалась пальцами в колени. Мебель промялась под Димой, и я почти чувствовала его одежду, шорты рядом со своим телом.

Это какой-то ужас...

Кто там стрелялся на экране не понимала, было ощущение что из всех залпов мне отстреливали сердце. Там уже решето. Не могла справиться с собственными эмоциями.

Дима внезапно поменял позу и, ненароком или специально не знаю, колено подтянул под себя, при этом задев мою ногу.

Сама от себя не ожидала настолько яркой реакции. Спрыгнула с дивана и мы встретились взглядами с соседом по домику. Не знала, как прокомментировать правильное бегство. Что я трусливая дура и так понятно? Зубами вцепилась я мякоть губ.

Дура, как так можно? Хаски приготовился явно что-то произнести, я на ходу развернулась и с трудом заставила себя не перейти на бег к лестнице.

— Виль. эй... — он встал с дивана, я услышала как его стопы опустились на пол. — Ань! Да сколько можно!? — от окрика невольно замерла на середине лестницы. — Я пообещал, что не трону тебя больше.

Когда поняла, что голос его приблизился, захотелось вновь прибавить шагу, но Хаски как жертву заговаривал. Гипнотизировал, прежде чем удавить как обычно.

— Я всегда держу обещания, — за спиной услышала очень тихий, уравновешенный голос. — Я сожалею. Это понятно? — продолжал он.

— Толку от твоих сожалений, — процедила неохотно на его слова. — Мне нет дела до твоих сожалений...

— Я правда сожалею о некоторых своих действиях. Ты — последний человек в Немии, которого я хотел обидеть или нанести вред.

Вцепилась крепче рукой в перила, боль всегда давала возможность проснуться от забытья, не попадать под гипнотическое воздействие. Это слова... глупые слова не имеющие смысла. Словами не исправишь дел. Говорить можно много, а делать...

— И в конце концов, ты сама меня раздражила, — услышала, как плавно его голос начал повышаться. — Если бы ты изначально не строила из себя недотрогу, у нас бы все нормально было... И сейчас уже бы давно женаты были. И свою принадлежность к великому роду, могла бы озвучить. Я бы не чувствовал себя умственно-отсталым после всплывшей правды!

— Нормально!? — прежде чем обернуться, задала вопрос ступенькам, только потом к Хаски повернулась. Тот стоял руки в карманах. — У тебя даже извинения выходят, как одолжение!!! По-твоему я сама виновата, что ты меня изнасиловал?

— Я не насиловал, а ускорил процесс сближения! И если бы ты не бегала от меня, то у нас бы было обоюдно, вот на этом гребаном месте... — пальцем указал на один из шкафчиков и столешницу. А место правильно указал, помнит значит.

— Вы нас с девочками собирались афродизиакom накачать! Мы слышали ваш разговор в баттле!

— И что? — клянусь, он так устало выдохнул, как будто мои закидоны его достали! — И что страшного в афродизиаке? Вильмонт, ты никогда на пирушках наших не была?

— У Саши аллергия на афродизиак, поэтому его действие на себе не испытывала.

— О! Всевышние! Откуда ты такая взялась «наивная» девочка на мою голову! К твоему сведению, когда здоровые мужики приглашают девушек с ночевкой, это значит кто-то кого-то хочет. Я тебя конечно не собирался трахать, пока ты своими улыбочками мозг мне не запудрила на этих горках!

— Послушать тебя, так это я виновата во всех бедах!

— Именно! Нечего было меня дразнить! — я просто зависла с едва закрытым ртом от его выражений. Замолчала, и он замолчал.

— Значит, продала я тоже сама себя? — задала более тихо вопрос.

Дима кажется подбирал слова, отвернулся от меня, как будто пытался найти ответ у камина или дивана, а потом озвучил:

— Я спрашивал у тебя... просил дать ответ в машине. Если приставания Макса тебе были не нужны, ты могла сказать мне, я бы набил ему морду. Но ты этого не сказала, поэтому я сделал вывод, что он тебе нравится, вот я и отдал тебя ему!

Я молча развернулась на его жалкие оправдания и аккуратно пошла по ступенькам вверх. О чем было еще говорить!

— Ань... — услышала сзади.

— Дим, серьезно, это бессмысленно. Ты меня не хочешь понимать, а я отказываюсь тебя понимать.

Продолжила шаги вдоль лестницы, не смотря за спину. Картины стояли, как наяву перед глазами и они никуда не исчезнут.

Спасибо за внимание к книге! За лайки, репосты и сообщения!

И за награды спасибо Елена Мэт, Татьяна Локшина, Елена, Татьяна Сычёва, Полина Несина (Павленко)

Глава 9 "Цепь на двоих"

Честно, не понимаю какого накала страстей вы ожидаете? Накал страстей — это борьба, сопротивление. 2,5 книги была борьба, пора и мирно научиться решать проблемы.

POV Вильмонт

31 декабря, а я не могла ни с кем связаться и элементарно поздравить с праздником. Нашла в себе силы спуститься к двенадцати часам, раньше храбрость не позволяла, она позорно сбежала, оставив одну решать насущные проблемы. А проблема у меня одна большая — я не знала, что чувствовать и как себя вести с вот этой двухметровой дылдой.

Мне кажется он немного изменился. Глаза у него стали странные: потухшие, веселые искорки прятались, он был опять равнодушный, ничего не чувствующий как когда-то давно. Потухшая свеча, да, наверное, только дымок остался от бывшего пламени.

— Пойду прогуляюсь, — когда видно напряженное молчание между нами достигло апогея, Хаски пошел на выход. Тем самым дал возможность в спокойной обстановке в одиночестве закончить завтрак.

И нам предстояло Новый Год опять встретить вместе?

Еще четыре дня, всего четыре дня.

Сбежать на этот раз не стала, обитала на кухне, до самого прихода Хаски. А когда вернулся с покрасневшимся лицом и сверкающими глазами, вдруг стало завидно. Он вполне позволял себе развлекаться, нашел невесту, не вспоминал прошлое. А я с какой целью хоронила себя?

Вчерашний разговор мы оставили в прошлом дне, сегодня не вспоминали. Как бы Хаски вроде извинился, вроде сделал то, что я просила. Должно было полегчать, но почему-то именно его сложно простить. Я говорила, что у меня нет людей, которых ненавижу, я ко всем равнодушна, кроме него...одного.

Кто бы дал подзатыльник и выбил у меня изнутри все плохое, что чернело в груди, всю эту гниль, все эти плохие эмоции. Чтобы я вздохнула спокойно и полной грудью.

С Дмитрием Сергеевичем у нас как бы перемирие. Вроде разговариваем и только. Он достал нам сегодня ночью билеты на шоу — стриптиз. Поскольку у меня не было вечерних платьев для их вечеринок условились идти как Бастарды. Видите ли он устал столько сидеть и ничего не делать, конечно же, как без любимой работы. А если его Юленька прознает, что он застрял в Белесье с девушкой? А то мало ли мне нож в спину как-нибудь воткнет?

Как и обещал Дима оделся в соответствии с критериями Бастардов: белые кеды, спортивные штаны и футболка черные, правда какие-то узоры белые по всей одежде. Цепочка на шее, поблескивала, руки в карманах. Ждал в зале возле дивана.

В чем бы не был одет, все равно выглядел, как Аристократ. Меня не замечал или делал вид, что не замечает, пока я спускалась. Олимпийка в тон костюму валялась на спинке дивана, не валялась, а аккуратно лежала. Это же Дмитрий Сергеевич.

А вот я выглядела, как истинный Бастард: коротконогий в джинсах, в кроссовках и кофте вязанной на замке. Думала кепку одеть, но пожалуй — перебор.

Была уверена, что нас не пустят.

— Пойдем? — спросил Дима, не отрываясь от телефона, что там делал при условии — связь отсутствовала.

Вместо ответа кивнула и прошла к выходу, напялила пуховик и мы вышли в Новогоднюю ночь. Небо было яркое от вспышек фейерверков. Как только стемнело, люди вылезли из домиков. Интересно, сколько Пудель им заплатил, чтобы они здесь сидели и не двигались?

Шли по очищенной от снега тропинке в сторону главного корпуса, вроде рядом на одной линии, но между нами еще двое поместятся.

Редкий снежок попадал на лицо и таял мгновенно.

Так тяжело находиться вблизи Димы, тяжело и не спокойно.

Главный корпус представлял собой одноэтажный дом, овальная белая крыша скрывала посетителей от непогоды. На входе разделись, а потом поток людей стал плотнее. Мы медленно передвигались к мужчинам в черных костюмах, что проверяли билеты.

Возникла небольшая запинка, когда на нас был брошен едва уловимый оценивающий взгляд.

— Эмм...молодые люди, — начал мужчина. Дима молча поднял руку с билетами. — Понимаете, вход строго в...

Ознакомился приглашением, потом поднял взгляд на Хаски, потом на меня. Итак по кругу повторил.

— Прошу, — отодвинулся для нас. Невольно улыбнулась сама себе, когда мы вошли в темное помещение. Неплохо иметь вриательного знакомого.

Огромный зал уходил вниз, спускался как на арену. По центру освещалась овальная сцена. Столики были расположены по кругу. Много- много людей. Но, мы сильно отличались по виду от остальных людей: женщины предпочитали одевать шикарные платья и наносить не возможно кричащий макияж, мужчины неизменно были в рубашках и брюках.

— Как живется в качестве Главы Хаски? — решила разбавить тишину между нами хоть какими-то словами. Дима удивился моему голосу, показал направление, куда спускаться и озвучил номер столика:

— Двадцать пять...Как и раньше, особенных изменений не заметил.

— Отец наседает?

— Только с наследниками, — хмыкнул над замечанием и тишина очень неприятно заискрилась на наших нервах. Опасно сверкала в моем мозгу сигнальным маячком.

Он думает, что я от Шмонта заделала детей в тайне от него, а я знаю правду и не знаю, говорить ему или нет. А смысл? Зачем оправдываться, но думаю, он был бы рад узнать или огорчен, что потерял двоих наследников.

Мои дети и Димины — это была бы ужасная смесь, с трудом скрыла улыбку.

Шоу было неплохое. В меру откровенное, в меру жесткое. Женщина полуголая себе в соски вкалывала гвозди. Я не знаю, что у нее за энергия, но это ужас. Я глаза закрывала на этих моментах и сама того не ведая комментировала громко. И стриптиз был, и мужской был, и я в жизни не видела, и я была откровенно впечатлена.

— Аня, Аня, — услышала сбоку. — И тебя возбуждают такие вещи?

— Я никогда не видела мужской стриптиз, — ладошкой демонстративно прикрыла глаза. Будто не смотрю.

— Стриптиз не видела, афродизиак не любит. Тебя под колпаком растили? — расслышала странный вопрос.

А причем здесь афродизиак?

— С моим папочкой не забалуешь. Он разрешил только в семнадцать лет ваши пирушки

посещать и то при условии с Пашей или Сашей!

А кличка откуда пошла?

— Аня- тройка? — уточнила пока мужчина в проходе тряс своими частями тела возле женщины на стуле, та смущенно смеялась и прикрывала стыдливо лицо. — Три придурка на школьной дискотеки попытались изнасиловать. Ленька им наkostenял, они были очень злы и растрезвонили на весь белый свет, что меня втроем нагнули. Мне всё равно, что обо мне другие думают. Главное — близкие знают правду.

— Ясно, — получила ответ.

Несмотря на этот разговор атмосфера была теплая, шоу веселое, я много смеялась, ну Дмитрий Сергеевича сложно развеселить, но даже он иногда улыбался. Видела краем глаза. Я немного расслабилась рядом с ним, напряжение меньше сковывало, отпустило оковы с рук.

Мне было тепло, как когда-то. Тепло и уютно и даже на улице не холодно, а есть вероятность, что это Дима делился теплом со мной? Неведомо передавал энергию без прикосновений?

Этот Новый Год был приятнее, чем прошлый, с легкой улыбкой не раздеваясь завалилась на кровать.

Разбудил стук в комнату, сначала слабый, потом сильнее и сильнее:

— Вставай! На том свете отоспимся! — сомнительное начало утра. На тот свет, я пока не собиралась. Но подскочила сразу, в одежде, по мне парикмахерская плачет. Волосы смешались на голове в непонятном чурбане. Пальцами в волосы вцепилась. А макияж-то какой наверное на мне. Синяки от туши под глазами обеспечены.

Рванула к тумбочке рядом с кроватью, подхватила вещи первой необходимости.

— Только зайди, прибью! — громко крикнула, пока непробиваемый и явно выпавшийся человек постукивал в дверь комнаты.

— Один! — громко начал. Я быстрее закопошилась. Да где там трусы с лифчиком новые? Первые попавшиеся оказались красные, кружевные. — Два!

— Заходи! — озвучила и прижав вещи крепко к груди дождалась пока дверь распахнется.

— Пошли завтракать и на... — я пальчиками помахала.

— Я в ванную и меня не беспокоить! — приказала, ну не представляю насколько грозно прозвучало, но вполне громко. Шикарно, пространство поплыло перед глазами, рожа Хаски расплылась вширь. Да уж, ему повезло, что он стройнячок. С широким овалом лица — на него смотреть страшно.

Надо отдать должное, в ванную не вламывался. Я переставала на него злиться, снова с ним хорошо. Я как по тонкому канату ходила, балансировала постоянно, порой падала, но вставала и все равно, дура вставала на этот канат. И шла куда-то в сомнительную даль.

Напились мы кофе с сахаром, голова от недосыпа и небольшого количества шампанского немного была тяжелая. А Диме хоть бы что, естественно его вес и количество алкоголя и мой вес. Я там не смертельную дозу вчера выпила?

Итак он за нас решил, что мы пойдём на горки. Он за нас решил и все тут сказано. Сказал, когда еще он видите ли побывает в отпуске и будет веселиться как ребенок. И я обязана его развлекать. Я личный клоун, предложил заплатить мне насмешливо.

И зачем ему горки, удивлялась попивая кофе из горячей кружки. Не помню, чтобы в тот

раз он был в восторге, помалкивал, а я его таскала.

Как-то не была впечатлена будущими событиями.

Дима притащил нас на главную горку, народу много ходило по вершине, но скатов много и никто друг другу не мешал. Я стояла в сторонке и наблюдала за коллегой по несчастному отдыху. Он в черной шапочке, покрывающей его короткую шевелюру, одни глаза и губы. Крупные у него черты лица. Так...что-то я не туда смотрю, опять его разглядываю. Он в черном теплом костюме с ног до головы, такой огромный, рядом с ним всё фоном проходит. Столько мужчин рядом, а не один даже близко не виден рядом с ним.

А я наоборот в белой теплой шапочке, черные волосы на белоснежном костюме. Я наверное, специально одела этот цвет, чтобы контраст создать Дмитрию Сергеевича. До сих не могу понять похожи мы с ним или наоборот у нас нет ничего общего? Иногда кажется так, а иногда так.

— А ты поедешь? — уточнил у меня, при этом находился почти возле края обрыва.

Страстно жаждала ему пинка дать, в прошлый раз подзатыльник дала, теперь и пинок отвесила бы, когда он наклонялся. Но я не дура и запомнила урок на будущее. Поэтому смотрела высоко вверх на голубое чистое небо и сощорилась от яркого света.

— Я здесь постою, покурю, — я не курю, ну просто обозначила, что буду отдыхать.

— Уверенна? — спросил.

А в чем я должна быть уверена, что не стремилась к развлечениям и не имела желания веселиться с Димой рядом. Еще три дня, чуть меньше и мы свободны. Как девочки могли пойти на эту глупую аферу? И главный вопрос зааааа....?

А потом я почувствовала, что землю улетела из-под ног, стопы в теплых ботинках больше не касались снега, я полулежала на чем-то и носом уткнулась в черный костюм, и мы явно в движении.

Эта дубина меня подхватила к себе на руки, и мы вдвоем, я на его коленях, летели вниз. В ушах шумел прохладный ветер, а я во все горло орала, с целью наверное, оглушить раз и навсегда Хаски. Хоть какая-то месть должна быть от меня? Зря, видимо, нас сильно потрянуло и мы разлетелись в разные стороны и вот тогда я кубарем покатила, как в прошлый раз, и перестала орать толку. Спиной будто в камень врезалась на полном ходу. Сто процентов синяк на спине появится, если существует вероятность там получить синяк. Ну ссадина будет точно. Ну тупой Глава Хаски!

Когда мой круговорот вокруг собственной оси закончился, я раскинулась на снегу, как звезда и пыталась дышать, глубоко и часто.

— Жива? — расслышала неподалеку где-то. Нет. Сдохла. Ну собственно это я громко решила ему и озвучить, пока не торопясь приподнималась. Копчик мой бедный.

— Нет. Сдохла! — ответила на вопрос и встала, схватившись за многострадальную попу.

А Дима валялся еще дальше, чем я, и вставать не собирался. Ну ничего! Взяла пару снежков, от мороза снег тяжелый, прочный. Взвесила и пульнула прямо ему в закрытые глаза. Даже не сопротивлялся, ладонью снял влагу с лица и только тогда раскрыл глаза, да так резко, как будто гильотина опустила лезвие. Чпок! И ты без головы! Вот и глаза Димы пообещали много прекрасных минуток смерти!

Я с визгом рванула по направлению к лестнице. Через секунду снег убежал из-под ног, и я упала вниз, локти успела подставить и носом не развалилась на твердой поверхности. Моментально обернулась на лопатки и на локтях назад — назад, глядя как подорвался мистер Хаски.

— О! Простите — простите! — прерываясь на тихий смех, пролепетала. — О! Умнейший и сильнейший насле...ой...забыла глава Хаски! Прости, жалкую рабыню... — противнейшим голоском пролепетала. Дмитрий Сергеевич встал возле моих ног, телом заслонив от солнца, руки под грудь, и смотрел вниз.

— Ты забыла красивейший и сексуальнейший!

Как бы у меня не особенно хорошее состояние, я на лопатках, полностью повержена. Ненароком вспомнились давнишние слова сестры, сказанные в адрес Димы.

— Он представительный, серьезный мужчина, — прошепелявила опять коверкая тон голоса. — Ты хоть с кем-то бываешь самим собой? Или всегда скрываешь свою гнусную натуру? — руку протянул. Я приняла помощь и взлетела на ноги.

— Предлагаю начать развлекаться, а то буду я развлекаться и то, что сейчас было — это только начало юмора с моей стороны.

— Нее... — перебила на полуслове. — Пожалуй, я начинаю развлекаться, — пальцы почти насильно вытащила из его руки, больно долго он держал, пока говорил и я пыталась избежать физических контактов, прикосновений. Это лишнее.

Зачем-то Хаски пытался меня раскрепостить, зачем интересно? Ну ладно, повеселиться тоже хотела, пусть и со смертельным врагом.

Потом я расслабилась и позволила себе насладиться горками. Почти как раньше, почти. Но когда наше путешествие в конце дня закончилось на наивысшей точке, как в тот раз — это навело на странные мысли. Дима полностью воскрешал тот день в Белесье. Горки были по порядку те же самые, что и в тот раз.

Мы стояли на высшей точке, смотрели на заходившее солнце за горизонт. Небольшая яркая точка яркими лучами раскрашивала небо. Похоже на вспышку, взрыв со стороны. Именно так. Зажгла детонатор и по проводу все это время бежал огонек. Добежал, в конце концов, и проблема — Хаски и я подорвались оба. Ева уцелела от этого взрыва. Подпалило меня, ошпарило, почти разорвало на части, я не хочу больше собирать свое сердце по кусочкам, штопать или чинить его.

Мы молчали и это было напряженно здесь на высоте.

В прошлый раз в похожий момент он развернул лицо ко мне и потребовал поцелуя.

— Ань...? — услышала его тихий зовущий голос на ухо справа. Признаюсь от этого голоса всегда ноги подкашивались и переставала соображать о чем-либо.

— Хватит, — ответила ему.

— Я хочу купить твое прощение, — заявила наглая самодовольная морда. Локоть поставил на ограждение и наблюдал за мной.

— Да ладно! — вырвалось со смешком. — Тебе нужно мое прощение?

— Цену говори, — насмешливые ямочки изменили его лицо. — Что хочешь за прощение? Чтобы больше никогда ты не вспомнила о том, что было между нами... плохого. Хочешь машину? Иксовую вешку, мне забронировали одну, а мне не нравится. Ретс вполне устраивает.

— Только не говори, что малиновый! — засмеялась слегка.

Моего смеха он не разделял, наблюдал тихо и спокойно, как за персональной комнатной собачкой, за которой весело посматривать, за ее причудами и изредка поглаживать.

Серьезно думает купить прощение? И как это будет выглядеть?

Заглянула вниз через перила, за которые мы держались и кивнула вниз, указывая на

снег, видный на десятки метров вниз. Огромная, белая, холодная пустыня или море.

— Прыгни, Хаски! — озвучила, скрестив руки под грудью. — Вот тебе и цена. Хочешь проверить прощу я тебя или нет? Пока не могу простить, но вот таким образом мы и проверим, — кивнула еще раз вниз на бескрайнее море снега, о которое он разобьется и задохнется в его пучине, если упадет. — Если я смогу тебя простить, то в полете подхватю. И будешь цел!

Улыбнулась, как садист, который сейчас будет плоскогубцами выдирать зубы жертве, получать от этого удовольствие и зарплату за человеческие пытки.

Дима не дрогнул, не изменился в лице, только поглядел вниз, потом обратно на меня. Никакого беспокойства в его ледяных глазах. Мне кажется я слышала щелчок в его голове. Какой-то сдвиг в мозговых процессах.

— Т. е. — Дима взялся за вертикальную перекладину, на которой висел флаг и поднялся в полный рост. Ногами упирался в перекладину, только рукой сдерживал падение. Дима возвышался надо мной, закрывал телом от лучей солнца. И я перестала улыбаться, когда он продолжил. — Т.Е. Если я прыгну, то я прощен? — очень не нравилось, как его голос становился громче и радостнее, что ли.

Мой ночной кошмар присел на корточки и улыбнулся очень широко, давая руку для пожатия:

— Уговор, Вильмонт?

Мое сердце будто в лед опустили, стало ужасно холодно от страха.

Я неуверенно протянула руку и перестала улыбаться. Он же не думает, правда? Я не умею перемещаться в движении по собственному желанию. Мне нужно спокойствие и умиротворение. А тем более второго человека на лету не умею подхватывать, и я высоты побаиваюсь.

— Я...я... побаиваюсь высоты, — решила озвучить, чтобы были квиты. Он же не решится? Я не смогу. Хаски пожал крепко пальцы и отпустил, а мне вдруг холодно стало, когда он отнял свою большую, теплую ладонь.

— Уговор. Я прыгаю — ты прощаешь! — заявил и встал в полный рост, разворачиваясь лицом к обрыву.

Мельком окинула его любопытным взглядом и поняла, в чем крылась его самоуверенность.

Насмешливо подняла ладонь вверх:

— Эй, Дмитрий Сергеевич, кольцо-ка давай! — поманила пальчиками. Ну теперь вся спесь с него сойдет. Он снял кольцо и отдал мне в ладони, как-то насмешливо передал. И подмигнул.

— Стоять! — заорала пальцем неприлично показала на него, а он опять развернулся ко мне лицом, спиной к обрыву. Смотрел на меня и улыбался. Что его радовало? — Ты знаешь, людям свойственно шутить, я пошутила только что! Это ясно? Хватит дурью маяться! На — свое кольцо! — протянула ему перстень обратно, но Дима не спешил менять решение. Подергала его за штанину. — Слышишь, слезь отсюда!

— Я хочу твое прощение и если для этого надо разбиться башкой об снег, я это сделаю. Я задолбался показывать тебе свою любовь. По-другому, что поделать, не умею. Не научен.

— Я поняла, — помахала пальцем неуверенно, чтобы ко мне спускался. — Давай спускайся, ты на краю стоишь!

— Ты не слышишь меня, Аня! — я слышала этот его вибрирующий голос внутри во всем

теле, но в глаза мужчине боялась посмотреть. — Давай, услышь меня!

Его распахнутые руки в разные стороны, наконец, заставили обратить на него внимание. Дима не боялся совсем, это говорили легкие морщинки возле глаз и ямочки, которые едва-едва появлялись на щеках. Ощущения, что я сейчас подписывала какой-то очередной договор на продажу печени и сердца.

Дима оторвал руку от вертикальной шпалы, теперь стопами давил на горизонтальный бордюр, а тот в ширину сантиметра четыре от силы. Если пролетит птичка и взмахнет крылышком, или если голова закружится у Дмитрия Сергеевича и всё! Ему кабздец!!!

— Дима, я поняла! Ты прощен ясно, спускайся, — протараторила поспешно. — Прошу тебя, слезь.

Пальцами вцепилась в ледяной бордюр рядом с его ногами, боялась прикоснуться, и он сделает рывок. С такими людьми надо крайне осторожно, не делать резких движений.

— Ты любишь меня? — спросил Дима. Он очень опасно маневрировал на этом бордюре. Что здесь было сказать? Я переместила взгляд на сосредоточенные голубые глаза, которые явно решали какую-то задачу.

— Это уже следующая стадия... — протараторила я испуганно. — Об этом поговорим позже. Хорошо?

— Хорошо! — ответил он бодро.

Я ненавижу его улыбочки. Я говорила об этом? Мне сразу кажется, что в этот момент, где-то меня перекинули через колено и обдурили.

Как в замедленном стоп-кадре видела его наклон корпуса назад и, как раскинув руки, его тело рухнуло вниз с обрыва.

Гггг...гад! А потом увидела, как Дима в полете сгруппировался, и он натурально падал вниз...вниз...в снег башкой.

Всевышние силы! Он больной на голову, как я уже говорила миллион раз!

Тук.....сердце один раз стукнуло под ребра и остановилось, пока я наблюдала за летящим вниз объектом.

Времени размышлять не было, мне будто сзади со спины кто-то пинка самой дал, или подтолкнул пятерней руки. Насколько метров нужно обогнать его, чтобы успеть на лету подхватить Диму за руку и в этот же момент успеть переместить нас на снег? Надо учитывать, что если его поймаю, скорость его падения будет больше, чем моя и наши сцепленные пальцы сразу в разные стороны разойдутся. Кошмар!

Столько мыслей пролетело, но я почти сразу взялась за штырь с флагом и прыгнула вниз. Если из-за меня этот придурок пострадает!????

Глаза прикрыла ладонями от ужаса, что сейчас в снежную бездну свалюсь, кольцо холодное фамильное чувствовала между пальцами. Сердце застыло и перестало биться, замерло в одном положении. Ветер взвыл настойчиво в ушах, как безумный крик сумасшедшего, я ужаснулась от этого вопля в голове.

Я убью Хаски, спасу, а потом убью! С ужасом посмотрела сквозь пальцы вниз, надс возле земли ловить и думать некогда.

Подключилась к энергии, ветер еще сильнее завыл в ушах, побоялась менингит себе заработать.

Не знаю, какие волшебные силы позволили переместиться чуть ниже, вес Димы сразу навалился на меня. Дыхание замерло в груди, его буквально выбило от тяжести тела. Я крепче ухватила теплый спец костюм Хаски и закрыла глаза.

Спиной врезалась во что-то твердое и горизонтальное, явно не снег. Жалобно поскулила, сцепив зубы. Вес мужского тела сверху мешал нормально дышать. Тело с меня слезло, а мне казалось, что все ребра внутри тела трижды переломаны.

Мы на деревянных балках, я нас перенесла опять на ту вершину — беседку. Ускорение все равно было не хилое, чуть-чуть видимо удалось притормозить его, иначе бы хребет сломала.

Глазами изучала небо над головой, синее, нескончаемое, и мельком голову Хаски заметил.

— Ань, не стоило прыгать. Я же не думал, ты реально прыгнешь? — расслышала странный вопрос сквозь беспросветную тьму в мозгах. Там было очень темно и пусто. Вообще не понимала, что произошло со мной опять? Я говорила, когда-нибудь от каруселей с Хаски пришибет.

— Я тоже не думала, что ты реально прыгнешь. — Прошептала с трудом, подняла спину, двумя ладонями опираясь на деревяшки. Голова очень тяжелая, будто сверху на нее тяжелую плиту положили. Хаски подтянул колени к груди, спиной о перила оперся, длинные пальцы висели между ногами.

— Твоя жертвенность просто ужасна, — прокомментировал Дима тихим голосом, может обвинительным, может нет.

Но осознала одно, что руки, подтянувшие за талию и шею к себе между ногами, и, прислонившие голову к его груди, были очень теплые. Они поглаживали мою щеку, висок, руку, одну половину тела, которой я была развернута, на второй лежала на полу между его ногами. А Дима будто защищал от всего мира и любого холода.

— Я прощен? — над ухом вопрос прозвучал. Сил ответить по началу не было, поэтому я едва заметно кивнула на его груди, думаю движение он почувствовал. А потом все же тихо произнесла:

— Похоже да.

Стало еще жарче, его руки и тело согревали нас от любых порывов ветра, а пальцами Дима убирал пряди моих волос, которые от порывов ветра иногда лезли мне или ему в глаза, а он аккуратно их заправлял мне за уши или за спину.

Я чувствовала Димин взгляд у себя на лице. На шее неожиданно ощутила дыхание, которое огнем подпалило кожу. Вздрогнула от этого. Это как кнут по нежной коже. Дима носом провел по моему лицу, по его овалу, как будто в ласке. Сделал какой — то непонятный жест головой и носом, будто пытался приподнять мое лицо наверх к нему.

Очень странно он смотрел, изучал, искал ответы и что-то требовал. В тот раз здесь я сбежала от него. А в этот раз посмотрела на его полные губы.

— Ты...ты...ты — шантажист! — прошептала с трудом выговаривая слова, меня немного потряхивало от адреналина. Но вот взгляда от его губ не могла оторвать. Как и он от моих, потому что чувствовала ответное покалывание на губах — признак его слезки.

— Да...я очень плохой: вредный, эгоист и собственник, и тебя залюблю до смерти, пока не взмолишься о пощаде, но и тогда не остановлюсь. Тебе придется признать, что ты — моя, другого выхода у нас нет. Видела, как его губы двигались и теплый пар от дыхания.

Я знала, что Хаски больной, но кажется его поступок помог мне дать собственный пинок под зад. И выгнать эту черноту изнутри. Я давала обещание простить? Обхватила его за шею добровольно, а Дима меня за бедра и посадил к себе на бедра.

Тогда я позволила себе потянуться к его губам в неловком поцелуе. Я первый раз к нему

сама потянулась это было очень необычно — прикоснуться к нему. Не долго мне дали нежничать, пробовать. Кго язык, как обычно, с намеком нечего медлить, начал командовать. Горячо...трепетно...очень...очень тепло в объятиях. И как будто так и надо, быть здесь и плавиться от жара его поцелуя.

Дима очень сильно присоединял наши тела друг к другу, вжимал мое тело в себя и наше дыхание делал одним на двоих. Чтобы даже дышать без него не могла? Я и не дышала сейчас, я только успевала отвечать на его поцелуи. Очень похоже, что меня сейчас посыпали перчиком и приготовились употребить.

Руки Димы, как стальные цепи, сковали ребра и спину едва не до хруста. От силы давления не могла нормально вдохнуть воздух. Вероятно меня сейчас посадили на цепь и приковали наручниками к себе.

Только не забывай, Дима, цепь-то у нас одна на двоих. Не только я к тебе привязана.

Спасибо за внимание, за сообщения, за лайки, репосты!

Спасибо за награды Аня Неткачева, Natalia Granici, Cvt Fura.

Примерно на 7-10 дней перерыв. Там осталась детективная развязка, ошибиться нельзя.

Глава 10 "Поверхности"

Предупреждение 1: эротика

Предупреждение 2: эротика

Предупреждение 3: эротика

Предупреждение 4: я предупредила

Предупреждение 5: смысла в главе нет, есть эротика. Если вам совсем скучно можно почитать, а так один разврат.

Всё — умываю руки.

POV Вильмонт

Не заметила, когда стемнело. В этой беседке, на самой высокой точке открывался вид на теплую аномальную зону, рядом с самой холодной. Ветер сильно стонал над ухом, но его ледяных прикосновений не ощущала, кажется благодаря своей личной грелке. Сидела у Димы на бедрах, а он крепко обхватывал своими длинными руками, как осьминог со всех сторон. Это было очень тепло и приятно, я как будто в теплом одеяле, спрятана ото всех. Мы не говорили, не смотрели друг на друга.

Я слушала дыхание и сердцебиение Димы.

А щеки немного горели от ощущения его близости со мной. Я забыла об этих эмоциях, они находились где-то на дне спящего вулкана, пока кажется вся лава не вылезла наружу сегодня. Я опустошена, нет ненависти. Я обещала забыть? В конце концов, значит жизнь этого засранца важнее, чем «лелеяние» собственной обиды и гордости.

Я боялась он расцепит руки и потеряю эти приятные прикосновения, поэтому молчала. И время шло, звезды становилась ярче на небе, в Белесье очень темное, синее небо. Подняла подбородок вверх, чтобы рассмотреть этот вид, а Дима пальцами погладил под подбородком, что вызвало невольный смешок.

— Щекотно, — нарушила очарование того момента и подняла плечо от груди своей грелки. Уселась на бедро. Мы очень близко с Димой и его глаза теперь пристально следили за мной. — Я хочу в домик.

— Пойдем.

Будто загипнотизированная слышала этот голос, тихий, почти на ухо.

Молчали пока спускались, шли по снегу, по асфальту, снимали теплые костюмы и разувались в таком же состоянии.

Что сделать и сказать?

— Ужин? — спросил Дима.

Я неуверенно стояла возле стола, ладонью опиралась на спинку стула наблюдала за мужской спиной. У нас горел светильник только при входе, здесь на кухне и в зале было темновато.

Дима разжигал камин, ясно, что для мерзлячки меня, и опять тратил энергию на поджигание поленьев. (сначала на горках обогревал нас, теперь здесь, если не закончит в подобном русле вырубится на ходу)

Или предпочтет пополнить энергию не едой или сном, а чем-то другим... Очень правильная мысль забила тревожно со стуком сердца.

Пламя ярко загорелось в камине, стало потрескивать и освещать помещение чуть больше. Тень Димы четко обрисовалась на диване и подбиралась по полу почти до стола. Словно бы ко мне.

Я в сомнениях оставалась и даже не ответила на вопрос по поводу ужина.

Дима плавно развернулся, нашел мой взгляд. И начал движение, медленное, не спешное по ковру, вдоль дивана.

Хищник никогда не спешит... правильно...он выжидает, не торопится идет медленно, чтобы не спугнуть добычу. Один резкий шаг и она может сбежать.

Руки у Димы были спрятаны в карманах спортивных штанов вовремя ходьбы. Приблизился ко мне, на небольшом расстоянии остановился в гнетущем молчании. Мужское тело полностью закрывало меня от горящего камина и будто бы полностью поглощало собой.

Его шаг в мою сторону и наша одежда почти коснулась друг друга. Рефлекторно от резкого выпада хищника отступила назад.

Стандартная схема — он напирал, я отходила. Дима всегда заманивал в ловушку, чтобы не было путей к отступлению. Вновь его шаг вперед и мой назад. Второй...третий и я уперлась ногами в кухонную дверцу. Обернулась и удостоверилась, что дальше бежать некуда.

А Дима молчал и смотрел вновь без эмоций.

Не знаю, что хотела показать этим действием или может проверить догадки?

Но сделала шаг вправо, избегая этой ловушки Димы, еще шаг прочь от него. А потом остановилась плечом к его локтю, при этом мы были развернуты в противоположные стороны друг от друга.

И поняла одну истину, что Дима остался стоять сзади меня, с руками, спрятанными в карманах. Он не сдерживал моего бегства.

Давал право выбора?

Всевышние силы... очень хотелось опустить лицо в ладони и смеяться. Он серьезно?

Какие-то мы оба с ним больные на голову. Выдала я вердикт и себе, и Диме, потому что добровольно сделала два шага обратно и встала напротив него. Подняла довольные, смеющиеся глаза на Диму вверх.

— Раз уж ты убил во мне желание быть с мужчиной, пожалуй будет справедливо, если ты его и оживишь, — не могла скрыть улыбку, прикусывала губу, боялась, что сама наброшусь на мужчину перед собой.

Сердце от предвкушения подпрыгнуло в груди, будто стремилось прорваться через ребра и выпрыгнуть этому человеку в руки, отдаться его власти.

Взгляд подняла от спортивной мужской куртки верх по шее, подбородку и этому нахмуренному взгляду из-под бровей. Раньше казалось, что подобным образом он передавал мне предупреждение или угрозу. Но изредка такое выражение встречала, когда Дима готовился отужинать мной, там в пианино, когда приходил с работы и утаскивал куда-нибудь в уголок.

А первый раз этот темный взгляд помню заметила, когда стояла на коленях в Рае и та фраза, от которой прострелило молнией по всем нервным окончаниям

«Это даже более возбуждающе, чем когда клянутся в любви и лизнут член»?

Меня крепко обхватили за бедра и посадили на поверхность стола. На этот раз не стукнули о дверцу шкафчика, а поддержали за макушку, и зубы я успела спрятать, прежде

чем знакомые губы вновь завладели мной, уже не настолько мягко, как в беседке. Там он целовал неспешно, боясь наверное, спугнуть напором, а сейчас я позволила добровольно зверю завладеть мной. Собственно, выбор сделан.

Мужские теплые руки были почти огненные, которые прижимали мою голову к себе, дыхание его горячим, я бы сказала воспламеняющим.

В этом спортивном костюме жарко, очень хотелось его побыстрее снять, избавиться от неудобной одежды.

Но прерывать поцелуй не хотелось и отсоединять грудь от Димы не было желания.

Со своеобразным свистом молния разъехалась, но нет, не на моей олимпийке, на его. Машинально открыла глаза, и оторвала губы, заметив как шустро у него получилось скинуть движением плеч олимпийку с себя, вниз под наши ноги. Пока разъединились, я решила и свою снять.

Все тело — один сплошной, оголенный провод. Пока снимала футболку через голову и выбрасывала чувствовала один внимательный взгляд на себе: на груди, на животе, шее. И на этих места, где прикасались его лазеры-глаза чувствовались будто огненные следы.

— Давай дальше, — услышала приказ, сказанный тихим голосом. — Без одежды ты красивее.

Пока кое-как стягивала штаны и носки с себя, находясь на этой поверхности, чувствовала, как ток от всех нервных окончаний искрился по телу, и по коже и по крови и, сосредотачивался в одном единственном месте — между ногами. Неуютно стало на жестком столе, поерзала поудобнее устраиваясь.

Дима оценил внимательным взглядом предложенное удовольствие поднял одну мою ногу, закинув стопой на стол. Полный разворот и открывшаяся картина на красные кружевные шорты, как вовремя одела я это белье. (Как чувствовала).

Дима положил ладонь сбоку на стол, слегка нависнув надо мной, вторую руку положил мне на ляжку левой ноги и пальцами провел по ткани шорт. Едва-едва, раздражающе медленно касался моей самой интимной части тела, при этом изучал внимательно мою реакцию на ласку. Шершавая ткань терла нежные складки, от этого я бедра сильнее раскрыла навстречу пальцам, чтобы сильнее трогал, жестче.

Почему медлит?

Очень хотелось ощутить его язык во рту, хотя бы его. Сама не заметила как бедра призывно начали повторять его движение пальцами вверх-вниз.

Дима слишком раздражительно медленно гладил, раззадоривал меня. И у него это великолепно получалось.

А я вцепилась пальцами в его плечи, то ли поглаживала одобрительно, то ли пыталась сделать ему больно, как и он мне.

— Верни мою бабочку, — услышала голос Димы. Почувствовала как мешавшую ткань белья убрали долой и мужские пальцы начали с энтузиазмом поглаживать меня там, и глубоко нырять внутрь.

Кровь кипела внутри, требовала что-то сделать, сотворить. С трудом отняла руки от мужских плеч и поставил их за собой сзади, отгибаясь чуть назад.

Палец Димы, тот что гладил меня между ног почувствовала на своих губах. Влага, моя собственная влага на устах. Дима мягко очерчивал контур моих губ, при этом жадно смотрел за этим процессом.

А я приостановила это действие и взяла наглый палец весь в рот. Облизала. Туда-сюда,

сделала пару поступательных движений, где-то на грани животных инстинктов существовала. Языком облизывала его палец. В тот момент не думала, а делала то, что требовало мое тело и мужской взгляд.

Разъединила губы, выпуская палец изо рта.

Горячая мужская ладонь скользнула по мне вверх от открытого участка груди, до шеи в некоем поглаживающем, но твердом жесте, на секунду обхватила меня за шею. Как будто клеймо поставила. Затем эта же ладонь сжала мою голову на затылке... часть волос и потянула назад, не больно, но настойчиво, заставив отнять загипнотизированный взгляд от Димин губ и посмотреть на льдинки-глаза. Сейчас они очень сильно опалили:

— Давай... влюбляйся в меня, — приказали его серьезные глаза без какого-либо намека на эмоцию, или просто очень старательно их скрывали.

— Как я могу поверить тебе?... опять? — волосы по-прежнему были убраны его рукой назад, от этого кожа немного натянулась на голове. А Дима вынуждал смотреть на себя. Левая его рука опасно легла на шею, на бугрившиеся жилы. Мужские пальцы поглаживали эту нервно бьющуюся ниточку под кожей, будто контролировали.

— Я за тебя... любому шею... сверну... — прикоснулся большим пальцем к моей открытой шее.

— Сам-то не свернешь мне? — перебила я. Его пальцы поглаживали кожу, но и порой обхватывали не сильно за шею. Доверить ему свою шею опять?

— Я не умственно-отсталый и в состоянии проанализировать полученный отрицательный опыт, — рассказывал Дима явно не мне, а моим губам. Очень старательно смотрел, как я дышала или вздымалась грудь, скрытая лифчиком.

— Понятно... — о добавила после некоего раздумья. — Значит, ты любишь меня? — подняла руку и ладонь прислонила к его футболке, к месту, где билось его сердце. Есть оно у него или нет? Даже не пришлось прислушиваться, послушно билось, стучалось в ладонь и довольно часто, что с удовлетворением отметила.

Волосы Димы отпустил. А сам голову опустил немного вниз мне на грудь. Сразу почувствовала, как одну чашечку лифчика стянул, ухватил полностью полученную добычу, и язык на соске начал поглаживать, облизывать аккуратно.

— Твое тоже сильно бьется, — расслышала, прежде чем увидела довольные глаза перед собой. Тогда поняла, что целовал-то Дима левую грудь.

— Больше не стриги волосы без моего ведома, — улыбки убрал и последовал грубоватый приказ. — Это мое тело, ясно? — и я задохнулась в водовороте его поцелуя. Воздуха не было, или он был не важен. Были его губы, его запах, его тело рядом с моим.

Потом мое тело аккуратно перенесли на обеденный стол, положили лопатками на прохладную поверхность. От этого мурашки пробежались по телу волной.

Лишили меня нижнего белья без особого труда и сопротивления. И я с раздвинутыми ногами... вся в его власти. Во всем помещении горел только яркий красный огонь и тени наши на потолке отсвечивались, пока я лежала на горизонтальной поверхности. Добровольно согласная хоть вечно полыхать в огне Димы.

Пока он раздевался, мне казалось это настолько долгим и болезненным, встала локтями на стол, чтобы быть выше собственных задранных ног и заявила почти твердо:

— Тогда это тело мое. Ясно? — кивнула на него. На что Дима насмешливо взглянул на меня, потом на себя.

— Бери сколько хочешь, — показал себя во всей красе. Член в полной боевой

готовности. Сразу вспомнились те моменты, когда Дима входил в меня, отчего между ног от предвкушения, от желания болезненно начало пульсировать. Там пусто, так очень мокро и очень необходимо, чтобы меня там заполнили всю. Немедленно..

Прикрыла от предвкушения веки, спрятавшись от яркого огня в камине, и почувствовала как член едва-едва с нажимом погладил меня между ногами. Еще... и еще раз.

— Дима... — вырвалось у меня. Не знаю, что это было просьба, но было сказано очень жалобно, и в завершение подала бедра вперед к нему, потеревшись о член.

Дыхание жалобно выскочило из меня, когда почувствовала мощный рывок в себе.

— Бастард тебя раздери, наконец-то! — расслышала сквозь темноту перед глазами. Выгнулась вверх грудью от ощущения давления, от того как меня заполнил его член, до конца, до самого основания, растягивая, раздвигая внутри, освобождая место для себя. Нажимал до упора, как будто соединял нас.

— Можно было без мата... — прошептала еле слышно, пальцами и спиной ощущала прохладу стола. Везде холодно, только нашим телам горячо, везде очень горячо.

— Это я еще сдержался! — у него тоже хриплый голос отметила про себя. Дима вытащил полностью член из меня, едва-едва чувствовала прикосновение головки к влажному и явно его жаждущему лону. Мужские руки держали мои бедра, чтобы не ускользнула, когда вновь жестко сделал рывок во мне. Опять ощущение полного заполнения, полного владения.

— Ты мне ответишь... — заявил грубовато, пока делал очередной рывок, выходил из меня намеренно медленно, поглаживал внутри стенки. А потом резко возвращался еще сильнее, чем прежде раздвигая меня.

— За...все...мой мучения, — опять движение резкое, мучительно-глубокое. — За мои долбаные...

Тело стало очень горячим и невероятно остро реагирующим на воздух в помещении, который казался холодным по сравнению с членом внутри меня и бедрами, которые время от времени прикасались к моим ягодицам. Во мне огненная лава кипела и очень хотела взорваться, наконец.

— Ты ответишь за мои бессонные ночи...за не возможность трогать тебя.

Мое тело само выгибалось навстречу, как будто повинуюсь голосу.

В полусознательном состоянии оказалась в вертикальном положении, как будто в жутком пьяном угаре, ногами обхватила Диму за талию, руками за плечи. Пространство как-то покачивалось перед глазами, лицо огнем горело.

Как одурманенная смотрела в эти глаза, которые часто преследовали среди прохожих. А Дима целовал и целовал меня, словно приводил в сознание, давал кислород или наоборот еще больше дурманил. А потом наши губы разъединились, когда меня насадили за бедра на головку члена в подвешенном состоянии и отпустили резко вниз. И я впервые позорно ахнула, довольно протяжно, как будто получила самое желанное удовольствие. Дима за бедра контролировал мое свободное падение на член. Со шлепком ягодицы ударились о его тело. Я полностью на нем.

Думала глубже нельзя, оказывается можно...еще как можно.... С трудом держала веки открытыми, так и норовили утонуть в удовольствии... в темноте.

Второй... третий такой полет и я простонала от высвобождения. Наконец, ощутила эти нервные, приятные разряды между ног, по бедрам, по ляжкам, по животу.

Мои внутренние мышцы очень сильно сокращались, обхватывая его член еще сильнее, а Дима перестал двигаться, только целовал и целовал. Мои сокращения довели и его до

поспешной разрядки.

Дима везде во мне. Всю меня взял: язык во рту, член внутри и руки полностью обхватывали за бедра, как бы подтверждая, что я теперь в его власти.

Как два узника, привязанные тяжелыми кандалами один к другому, и мы не в силах избавиться от этой связи.

POV Хаски

Огонь приятно потрескивал в камине, полыхал очень красиво, но не так красиво, чтобы я мог оторваться от зрелища перед собой. Мы развалились на мягком ковре, я подsunул подушку по голову и наблюдал за моей Аней, сейчас она нас развлекала, а я наслаждался зрелищем. Да, я мать вашу, полтора года мечтал чтобы она скакала на мне, она конечно не скакала, она скорее танцевала на моем члене. А это в миллиарды раз круче и сексуальнее! Правда сразу возник вопрос — ОТКУДА такие познания? Вроде успокоила, сказала что Волчица — кладезь полезной информации. Ладно, согласен помириться с ее подругами, если эта дамочка будет подобные секреты Ане рассказывать, лишь бы правда в свой притон не таскала.

Я без отрыва наблюдал за ее неспешными движениями на мне. Тело Ани почти темное от недостатка света, но я видел всё необходимое. И видел отчетливо сам процесс, как она садилась на член. Ее бедра выворачивали какие-то неизвестные пируэты, так что член касался самых невообразимых уголков внутри нее, от которых мы оба время от времени невольно задерживали дыхание.

Я говорил, что Аня изящная девочка. Вот здесь это очень сильно проявилось. Ее идеальные изгибы очень призывно покачивались передо мной, дразнили как будто, а я словно под воздействием наркотиков не мог оторвать взгляда от этого тела, которое мне предоставили в личное пользование.

— Нравится? — расслышала тихий ее голос и внимательный, но смущенный взгляд.

— А то... — я с позором расслышал свой хрипой, дрогнувший голос. Потом мысленно собрался и ответил чуть увереннее. — Кол каменный и падать не собирается сегодня явно. Твоя заслуга...

Аня смущенно на секунду отвернулась, готов поклясться, что она покраснела, но поскольку ее лицо почти в тени — прямых доказательств не имел. Потом она опять на меня посмотрела:

— Романтик из тебя — так себе, — ответила Аня и улыбнулась, но вовсе не обижена, что я отчетливо понял.

Это моё... всё мое... она вся моя. В голове настойчиво звенело от этой пьянящей мысли.

Ее бедра... ноги... эта темноватая, сладкая кожа... живот... грудь, возбужденные соски...

Аня будто услышала мои мысли, наклонила тело ко мне, поставив руки от подушки по бокам. Темные, волнистые волосы закрыли нас обоих окончательно от света камина. На губах я почувствовал сосок, как он призывно скользнул по моей верхней, потом нижней.

Хорошая девочка...

Закусил ей сосок, который она любезно предложила испробовать. Почувствовала, как Аня сбилась с темпа и с силой присела на меня глубже, как будто пытаюсь прогнать боль. А мне-то как больно, ты даже не представляешь... как я устал ждать тебя.

Снял ее с себя, на что Аня чуть не завалилась в бок. Я ее за ноги придержал и направил

по своему телу... выше к себе... к губам.

Аня коленями по бокам от моей головы, отличный вид ее раздвинутых ног. Аня плохо себя контролировала, видел как она взъерошила волосы. Как выгнула тело невольно, и грудь ее четче обрисовалась надо мной.

А я, собственно, принялся за дело, языком провел по каждой ее складочке, закусил их между собой, протер слегка, вызвав в Ане явный отклик, потому что бедрами она активно задвигала помогая мне. Поехали... язык засунул в нее, моя девочка сильнее присела позволяя делать это с собой.

Как я обожаю ее отклик, как обожаю секс с ней... как обожаю трогать ее везде... как я ее обожаю. Не удержался вылез из-под Ани, присел, взяв за шею, поцеловал свою наконец-то пойманную добычу. Ее вкус на наших языках, на наших губах, в нашем горячем, бешеном поцелуе.

Чувствуешь, какая ты жаждущая меня, Аня? Какая ты вкусная для меня?

Удивился, когда ее губы покинули меня, недовольно поймал ее взгляд, на что Аня медленно наклонилась к моим ногам, и я на члене почувствовал маленькие пальчики, которые, как бы играясь, пробежались по всей длине.

Вся комната как будто в огне, мы опять с ней все мокрые, я чувствовал как начало тело повышать температуру тела самостоятельно, не возможно контролировать этот процесс. Моя грудь, плечи уже вспотели. И Аня на шее, за копной волос.

Резко прикрыл глаза и протяжный стон у меня все-таки вырвался, когда Аня взяла в рот мой член. Не удержал порыва и подал бедра глубже. Аня удивилась, на секунду разъединила обхват губ. После некоторой заминки языком коснулась головки члена, а потом и вовсе по всей длине провела, снимая мой вкус.

Я сдох наконец-то и попал куда-то, куда там в экстазе люди попадают... Хотел максимально чувствовать каждую минуту нашей близости. Удивился, когда мне в рот скользнул шустрый язычок.

Теперь и мой вкус на наших губах и в нашем поцелуе.

У нас всё теперь на двоих. И секс и дыхание... и наверное, боль.

Я люблю бокал ледяной воды с утра пораньше, отменяю это утверждение. Бокал стоял на тумбочке, холодный, ледяной, я его принес Ане. Проснется захочет, а сам и забыл об этой жажде.

У меня теперь одна жажда. И это Аня.

Шторы закрыл, когда проснулся, мне не спалось в одной кровати с ней, я хотел не спать...

Не знаю, какая всевышняя сила узнала, что мне донельзя плохо без этой девчонки, кто смилостивился, но я до бесконечности рад, что Аня здесь со мной, и более того она не боялась моих прикосновений, она отвечала мне. Наконец-то, она не прятала глаза, она улыбалась.

Сидел в кресле и пялился на разобранную кровать: смятые простыни и, как кстати, белье съехало. Полумрак, двуспальная кровать и округлая попка в ажурных шортиках. И это все великолепиие так и напрашивалось, чтобы его помяли вот прямо в эту минуту. Это самое лучшее второе января в моей жизни и лучший подарок на Новый Год, который я получал. Пожалуй, я влюбился в Польски. Он все-таки лучше, чем я, меня знает.

Посмотрел на часы. Нормально два часа поспала, достаточно для восстановления. Мы

сюда не спать приехали. Нельзя это священное время подобным образом тратить.

Стартанул с кресла, я спать совсем не хотел, энергия хлестала из тела. Колено поставил на кровать и правой рукой собственно сделал то, о чем постоянно мечтал. Помял свою любимую задницу, в эти жутко сексуальных и откровенных шортах. Какая кожа у нее упругая, нежная, идеальная для моей ладони. Мог обхватить с легкостью и сжать.

— Ммм. Дим, — промычала в подушку, руку подняла и небрежно помахала почти возле моего лица, едва не задела. — Дай поспать.

— Не-а, — двумя коленями встал, взял ее за ноги и раздвинул ей в разные стороны. Отличный вид, встал сзади нее, двумя руками теперь погладил мои любимые, упругие ягодички.

— Дим... я поняла, что ты супер... не волнуйся... — начала поганка бубнить в подушку, но я слышал хихиканье. Вот мелкая, ну было дело среди ночи.

Вылизывал ее, и...до вылизывался... кончил раньше времени, а нечего было так призывно стонать. Позорнейший случай в моей сексуальной биографии. Хорошо хоть ее успел до оргазма довести раньше.

Поганка чуть со смеху не лопнула, пришлось пол ночи доказывать, что я не состарился еще и вполне молод.

— Дай хоть проснуться, — не довольнo расслышал, а ее пальчики попытались убрать мои, когда я отодвинул ткань ненужного белья. Поздно, Аня, я на взводе... Перехватил ее руку и прислонил к шортам, к напрягшемуся члену с целью показать, что — шутки в сторону.

Хочу утренний секс. Хочу утренний, дневной, ночной, любой, бесконечный, чтобы она всегда была в моей кровати, в моей комнате, в моем доме, на расстоянии вытянутой руки. Чтобы всегда мог поцеловать, услышать или прикоснуться.

Аня развернулась на лопатки, глаза блестели ехидством, кажется она научилась получать удовольствие от моих чувств к ней. Ноги приподняла и ступни прислонила к моей груди.

Намек понятен, мне иногда кажется, я знаю о чем она думает, а она в курсе о моих мыслях.

Взял ее за край шорт и повел их медленно, задевая ее кожу ажурным материалом. Покрыв поцелуями ее бедра, колени, голень, пока убирал белье.

Наконец, раздвинул ее бедра для себя. Обожаю, когда она в моей власти, добровольно покоряется. Встал, пока снимал свои шорты, а сам не отрывал от улыбки Ани взгляда. Если ее улыбка пропадет — уничтожу любого, кто будет виновником.

Вес тела подал на руки рядом с ее плечами, жутко мечтал оказаться в ней. И оба вздрогнули, когда на всю комнату заорала музыка телефона. Что за? Почему звонил вообще телефон? У нас нет сети? Кажется, этот же вопрос был виден в глазах Ани. Она с такой злостью на меня взглянула, что я поспешил ретироваться к шкафу, где хранилось средство связи из-за не надобности.

— Я не в курсе! — ответил, вставая.

Бастард подери, со стояком крайне не удобно разговаривать и вообще нет такого стремления. Есть стремление одно... Взял трубку, развернулся и углядел, как моя добыча сверкнула попкой в проеме двери. Да что за!?

Взмахнул раздраженно рукой. Какой урод отвлек меня?

— Алло!

— Алло! — ответил Саньку. Он мне, урод, утренний секс обломал. — Че надо? — Крайне не любезно поинтересовался. — Ты что сеть включил? — вдруг с ужасом понял.

— И тебе доброе утро! — начал веселый голос Польски.

— Выруби сеть еще на пару деньков, — зашептал в трубку, прислушиваясь к шуму воды в ванной. — У нас еще два дня до открытия.

— ООО, неужели сработало? — засмеялся мой личный клоун-весельчак. — Я гениален, друг мой!

— Ты просто супер, — зашептал я. — За мной должок. Только будь добр свали еще на пару дней!

Трубку положил, а мне пора в душ, судя по всему Аня там.

И наконец-то, мать Вашу! Меня не шарахнули по башке полотенцем, и Аня не разоралась, а раскрыла дверцы в душе, демонстрируя себя полностью обнаженную. Капли воды разливались и ласкали ее тело, которое теперь моё, нагло эти капли скользили по возбужденным соскам, туго сжатым. Аккуратная дорожка воды скатывалась вдоль пупка и заканчивалась между ее ногами.

Там так же мокро? Никак не удавалось отнять взгляда оттуда. Она абсолютно там гладенькая, а я хочу бабочку! Запустил пальцы между ее ногами, поигрался и проверил, ждет она меня или нет.

Хорошая девочка всегда жаждет моей ласки...вошел внутрь душа. Я Аню сейчас сожру... надо продлевать отпуск.

Если бы не этот остров X и W, непременно бы замуровал нас здесь на несколько недель под лавиной снега.

POV Вильмонт

Лежали мы под вечер, солнце село давным давно. А мы в кровати, сегодня день горизонтальных поверхностей? А нет... вру... вертикальные тоже были.

Мы и сейчас лежали боком обнявшись, целовались, моя левая нога была закинута на его бедро, а член во мне. Дима не спеша то направлял его в меня, то вынимал. Вот, пожалуй, сейчас у нас случилось таки занятие любовью. Обнимались и тихонько любили друг друга.

В результате целого дня секса я вчера себе на ковре колени стесала. Они у меня теперь позорно красные и взрослый человек способен понять, где я себе ссадины могла получить. Я не на каждом шагу падаю. На спине в душе стесала кожу на позвоночнике об лейку, видимо. Во время секса и не заметила, что билась об нее. У меня болели губы, язык, все тело ныло, скулило, между ног особенно жестко отдавалось. Мои нервы накалены, как раскаленное железо, Я постоянно возбуждена, и на малейшее прикосновение реагировала полу стоном полу вскриком.

Оргазмы с каждым разом все сильнее и сильнее. Их труднее получить, больше времени проходило между ними, но каждый последующий настолько жарок, что казалось еще чуть-чуть и отключусь от его мощи. Пламя между ногами не потухало, а наоборот сильнее разгоралось и распространялось по крови.

Дима остановился только после того, как довел нас до очередного оргазма. Испугался, когда я разрыдалась. Не смогла контролировать этот буйный поток эмоций в себе. настолько острый был оргазм, что я не закричала во всё горло, а разрыдалась. Позорно не проконтролировала слезы из глаз. Позорище!

После этого Дима обнимал и дал, наконец, уснуть.

Эх..перепугала его знатно. Я и сама испугалась, не ожидала от себя.

Поговорить, мы так ни о чем не поговорили. Ночью я вырубилась и проспала свои десять заслуженных часов. Тело полностью без сил, чувствовала себя разбитой когда проснулась, но счастливой. Улыбка не сходила с лица. Мылась и улыбка не исчезала. Сама себе, как глупая, улыбалась. Посторонние подумали бы, что я совсем умом тронулась. Может быть итак.

Тело приятно покалывало, чувствовала Димины руки на себе, его поцелуи. Хранила его запах, невероятно возбуждало, что я отныне принадлежала ему. Что он любит меня, хоть и не говорил никогда этого в лоб, но сегодня узнала это чувство в его нетерпеливых руках, в порой нежных поцелуях.

Я влюблена по самые уши на макушке. Сказать ему или не сказать? Или чуть помучить? И надо как-нибудь о Ленке поговорить, да и о Мише, да и о его крале?

А Дима ведь не узнал, что я полигеном? Об это знает, кажется только мой папа, врач, я и теперь Польски. Ну и девочки знают. Мне, наверное, надо Диме сообщить эту новость. Он меня пристрелит. Поставит к стенке и в лоб пулю выпустит, что я от него скрывала. Всевышние, опять боломутить воду и вытаскивать всё черное со дна? Как же не хочется портить отдых, ведь остался последний денек.

Я поняла, зачем Дима прятал все эти дни руки в карманах, часто видела этот жест у него. Похоже это он себе в рефлекс вводил, когда начинал злиться (или испытывал какие-то бурные эмоции, хорошие или плохие), руки прятал в карманах.

Это правильно, мы выяснили, что я готова мириться с его эгоизмом, вспыльчивостью и замашками деспота, но только не с насилием. Это терпеть не буду.

Кстати, еще одно стало открытием — Дима действовал грубо, резко, чтобы замаскировать эмоциональный раздрай. К примеру, когда брал меня на столе — был немного груб, но это ничто по сравнению с тем возбуждением, которое отравляло кровь и тело. Зато вчера ну тот последний секс, который я назвала занятием любовью, когда мы целовались Дима прислонил пальцы к моей щеке и погладил. И его пальцы дрогнули на моей щеке. Я ощутила это дрожание на коже.

Может быть из-за этого разрыдалась чуть позже во время оргазма.

Очень настойчиво какая-то мысль меня донимала вчера целый день. Сплюнула в раковину зубную пасту, подняла взгляд на себя в зеркале. Глаза счастливо поблескивали и улыбка во все лицо. И тут у меня улыбка сломалась, в два раза уменьшилась по длине.

Не...не...не...не... я не могла второй раз так опростоволоситься. Не могла... нет... нет. Где эти дурацкие противозачаточные таблетки? Я вчера забыла принять таблетку. В результате прошло сорок восемь часов... и был секс...несколько раз. Где эти таблетки? Рванула из ванной к своей сумке.

Теперь сидеть молиться до наступления критических дней?

Ну не реально же с одного промаха забеременеть, правда ведь? Всего лишь одну таблеточку пропустила.

А если подумает, что я специально промолчала. И таблетку намеренно не выпила? Ужас....

Спасибо за внимание к книге. Господи, неужели кто-то дочитал.

Прода или в воскресенье, или в понедельник, как успею)

Спасибо за лайки, репосты и сообщения.

Спасибо за награды: Татьяна, Анна, Лариса, Valentyna Keves, Войтюле Наталья(Видинеева), Анастасия Атаманчук, Алёна.

Спасибо за серебряные перышки. Я теперь крута, могу за интернет заплатить))) Спасибо, очень приятно. Ekatterina Kuzmina, Ольга Липухина, Наиля Зубаирова, Ирина Яценко, Sereda Valentyna, Анна Кожа, Анна Кайведжан (Ивинская), Наталья Юрченко, Кристина Щербакова, Татьяна Дмитриева (а вам аж три раза спасибо, и не жалко вам;), Татьяна Любимова, Ольга Романова, Ольга, Маргарита Колесникова

Глава 11 "Конец отдыха"

Первую половину дня решили для разнообразия приготовить обед. Продукты заказали и вместе готовили, на фоне был включен телевизор с каким-то боевиком. И мало Диме стрелялок в жизни, не устал от вечных драк? А мне было все равно, пусть, что хочет смотрит.

Обед долго готовили, с перерывами на тесные, воздухом выбиваемые объятия, на столе и на прочих поверхностях. Вечно приходилось искать какие-то поверхности, что поделаться если ростом не выдалась, а Дима, наверное, уставал носить на себе, как обезьянку.

Но как вспоминала этот момент, когда меня «бросали» на член в этой позе, тело сразу обдавало пламенем, пальцы на руках приятно покалывало.

Я становилась сексуально озабоченной. Это всё он! Вот он! Вот этот персонаж, который резал сейчас огурцы. У него «любовно» получалось даже готовить. И я тайно мечтала, чтобы он и меня так любовно разделал, как овощ.

Лицо покраснело от горячих мыслей, отвернулась к своей картошке в мойке и срочно стала очень тщательно и пристально рассматривать ингредиент будущего блюда.

Дима прочитал или увидел мысли на моем лице, потому что одну руку убрал от овощей и схватил меня за попу, пододвигая к себе боком. А я не сопротивлялась, когда поцеловали за ушком, и когда рука, пощупав попу, скрытую только шортами, перелезла вдоль талии дальше на грудь и смяла, я совсем не сопротивлялась. Ни капельки, к тому же, не забывала один момент — в правой руке у него нож!!!

Погладила пальчиками Диме подбородок, почувствовала легкую щетинку. Он не брился эти пару дней, от этого сразу казался «взрослым», грозным, похож на типичного бандита из боевиков, оставалось сигарету в зубы и запах перегара добавить.

— Мурррр, — призывно мяукнула, прикрыв глаза.

— Кису... надо... отодрать, — расслышала рык уже отнюдь не котика на ухо, а скорее зверя. Нож звякнул по столешнице и с этим звуком у меня прервалось размеренное дыхание.

Всевышние силы не дайте скончаться...я никуда не хотела. Хотела здесь остаться с ним. Не помнила подобного ощущения прежде, оно ни на что не похоже. Мне спокойно, тепло, иногда холодно, когда его руки теряли меня. Здесь...с Димой...было лучше, чем когда-либо. С высокой колокольни плевала на весь мир, пусть крутится и без нас.

А Дима опять амебный стал, сидел и о чем-то думал, а мне приходилось развлекать постоянно и трещать без умолку. А он слушал и слушал. Кто бы меня заткнул, боялась перестану разговаривать, и мы опять разойдемся на разные полюса мира.

У него спросишь:

— Любишь меня?

А в ответ:

— Ну?

Лёнке много раз признавалась, а этому не могла, стеснительно было, язык не шевелился. Ощущение будто голос потеряла внезапно и перебороть не могла себя, выдавить как-то.

После обеда мир — этот ужасный мир Немии решил вспомнить о нас. Чтоб его! Не крутился без нас.

Господин Пудель прервал отдых своим звонком. Теперь не знала, ненавидеть кудрявого или благодарить за помощь. И ведь как точно — привез вечером и под вечер объявил конец.

Собирались с Димой раздельно, каждый в своих мыслях. Ну и что мы должны сказать друг другу? Кажется у нас был очень, очень приятный секс. Или только казалось, а может у него всегда так? С его-то дамочкой? В конце концов, я не очень опытная любовница...я бы сказала, что в этом деле ноль или (ноль целых, пять десятых) из пяти.

Ехали на моей машине, с водительского сидения меня нагло пнули. Сказали, что противопоказано буйно помешанным управлять транспортным средством, тем более на больших скоростях.

При этом сам втопил далеко за сотню, очень далеко за эту цифру. Ему можно быстро ездить — утверждал, что умеет. На поворотах из-за этого швыряло сзади на креслах, но я стойко распрямлялась, ставила локоть на колено и смотрела на Диму очень внимательно. Он читал нотации о моей безответственности и вспыльчивости, а я не злилась, потому что не слушала. У меня в глазах рябил огромный вопрос! Сколько раз за пол года или, сколько они встречаются с Юлей, Дима с ней успел переспать, и в каких позах? Он ее тоже всегда так поднимает и опускает на...на...

Юля низкая, как я, а значит ею тоже можно крутить, как угодно. Хоть слова и застревали в горле...ничего...сейчас сказану. Выдавлю.

Но не задача! Появилась сеть на телефонах, и я оглохла от звонков в багажнике. Смс, звонки, про Диму молчу у него минут пять музыка не прерывалась из всех агрегатов. В подобном темпе и провели ночь в дороге, Дима говорил по телефону, я отвечала на поздравления с праздником, на вопросы, где пропала близким, но только по смс. Не хотелось отвлекать занятого господина болтовней.

А Дима словно забыл обо мне, поэтому я сама о себе напоминала, вылезла между сидениями чуть вперед на передние и щекотала Диме шею и щеку, чтобы не забывал. На что он пару раз порывался откусить любопытные пальцы, правда нежно...губами.

Что надо делать в таких ситуациях? Какие у нас теперь отношения?

Припарковал Дима машину возле моего дома. Вышли на улицу, вновь окунувшись в извечную жару Арзонта, отвыкла в последнее время от этого.

Дмитрий Сергеевич бедрами развалился на месте водителя, на дверце, а меня подхватил под попой кистью руки. Там я очень удобно сидела, выше всех была. Оглядела парковку в раннее утро, почти никого, поэтому мы не привлекали чужого внимания.

Завтра запланировано долгожданное открытие острова X и W.

За Димой сейчас должен был Польски заехать и подбросить до дома, где его ожидала «девушка». Везет вечно. Дима встречался с Кристиной и изменял ей со мной, встречается с Юлей и изменяет со мной. Интересно, а когда я была его невестой с кем изменял?

Предпочла бы, конечно, чтобы встречался со мной и изменял со мной.

Сейчас Дмитрий Сергеевич одним глазом шурился от солнца, а вторым смотрел на меня чуть вверх, я выше него ведь. Довольный он, как котяра который объелся сметаны или как Волчица, которой первый раз предложили в рекламе сняться. Она тогда прыгала по комнате в общежитии Бастардов.

Автоматически и я перестала много думать, состарюсь быстрее. Отпустила чуть ситуацию, улыбнулась в ответ на Димин явный намек на хорошее настроение. Он не спал ночь, пока ехали, а довольный несмотря на это.

Локоть поставила на мужское плечо и ладонью щеку подпирала.

Так мы и переглядывались с легкими улыбками, молчание сопровождало наши переглядки. Кто кого называется? Кто первый озвучит мысли или чувства?

Давай, скажи, что любишь. Я готова слушать от тебя признания в любви, тогда и в ответ признаюсь.

Внезапный гудок автомобиля в абсолютной тишине субботнего утра был оглушающим. Дима даже дернулся нервно, причем со мной на руках и только потом поставил на землю. За пределами забора припарковался на обочине Весельчак — Пудель в черных очках и махал рукой с водительского сидения.

— Поехали! — крикнул среди тихой улицы раннего утра и головой кивнул на пассажирское сидение.

И так легко Диму у меня отобрали.

Я обреченно помахала отъезжавшей машине, а потом не спеша отправилась к себе в квартиру, "отдохнуть" от эмоций после отдыха. А они меня сбивали с ног, внутри целый поток этих эмоций, они крутились, по спирали, как торнадо, боялась улететь от них. Несмотря на не достаток сна и усталость вряд ли была в состоянии заснуть сейчас.

Сумку скинула дома и завалилась на диван в одежде, только обувь сняла. Тогда и застал звонок в дверь.

Я пару минут назад только зашла. На часах девять утра, кому в субботу не спалось?

Раскрыла дверь и этого человека естественно не ожидала увидеть. А тем более с букетом желтых цветов и с растопыренными лапами в разные стороны и с улыбкой, а-ля я мальчик одуванчик, а ты, Аня, злобная тетка из страшилок для детей.

— Здорова, любимая! Вот он я! Не ждала!? — Ленька зашел в квартиру, при этом нагло подтолкнул меня за плечи внутрь, на что я показательно скрестила руки на груди. Обороняться буду от него, первым что под руку попадет.

— Че надо, предатель? — заявила, пока Ленька разувался нагло. Честно, устала от наших с ним непонятных отношений. Пропал неизвестно насколько, жил припеваючи, а мне было здесь очень плохо, тоскливо, одиноко. Он вроде был мой друг, с детства меня знал, мог чем-то помочь, посоветовать. А он исчез. Небольшое темное чувство теплилось в груди, оно было очень черное и неприятное и не давало о себе знать, пока человек передо мной не объявился на пороге дома. Сейчас ощутило это очень ярко.

— На свои цветочки, воняют жутко! — Ленька шмякнул подарком мне на грудь, припечатав. — Дай попить, с дороги — двенадцать часов ехал.

Я долго смотрела на объект, решая выбросить его в окно или помиловать? Решилась — пусть поживет. Взяла цветы и пошла к шкафчикам на кухне с целью найти вазу.

Пока искала молчала, попить пусть сам себе ищет. Когда нашла, медленно поднялась и развернулась... всевышние силы! Раздраженно прошипела:

— Ду...ду...дурак! Зачем неожиданно подбираться!?

Мечтала стеклянную вазу в руках ему на голову опустить, жалко правда шрамы будут у модели.

Улыбки Ленька опустил, развалился плечом на гудевшем холодильнике.

— Я только что видел отъезжавшего Хаски и у меня появилась странная мысль...

Да, странная мысль? Вазу со звоном поставила на стол, как не расколола не знаю. Много черных эмоций сейчас во мне. И они решали, что лучше сделать с Ленькой, язык ему отрезать и выкинуть в окно или устроить сначала пыточную!

— Странную мысль? — спросила, чуть подняв бровь. — А у меня вот какая странная

мысль? Почему ты Диме сказал, что был отцом моих детей?

— В смысле? — усмехнулся Ленька как-то натянуто. — Да ты что? — всплеснул раздраженно руками, потом почесал свою бородку. — Я значит из кожи вон лез, чтобы тебя освободить от твоего тирана. Сколько ты слез из-за него пролила? Я ей помочь пытался, а она меняет еще и левым выставляет? Ты, вообще, понимаешь, как я рисковал? Мы встретились с Хаски на нейтральной территории, в ресторане, но я боялся, что он меня шнурками от своих ботинок придушит! А ты не ценишь!!!

Я как-то в момент скисла, разворот плеч стал менее уверенным и пальцами перестала отбивать по столу. А ведь он прав. Я сколько Леньке плакалась, как плохо с Димой и что он не любит и не ценит меня. Играется и для одного я ему нужна.

— А вообще я приехал к тебе повидаться, а завтра мы поедем на открытие острова!

— Зачем? — ужаснулась.

Не поеду, это все равно что смертельный договор подписать. Дмитрий Сергеевич по стеночке размажет, причем одним взглядом и без дополнительных средств, таких как молоток или кувалда. — Не поеду никуда!

— Еще как поедешь. Мы год почти не виделись, а она меня бросить собралась! Мне надо там появиться, это единственная возможность нам повидаться. Ты пойдешь! — грозно приказал и ткнул пальцем на выход из кухни.

— Пошел к Бастардам со своими указульками! — как бы приказы, сказанные подобным тоном ничего кроме смеха не вызывали, а когда даже тихим голосом произносил светловолосый индивид сразу хотелось встать по стойке смирно.

— Анют, ну хватит обижаться. У меня дела были правда, не мог повидаться с тобой. А сегодня и завтра единственная возможность поболтать с тобой. Потом опять закончатся зимние каникулы и разъедемся надолго.

Жалобы и скулеж Лёни действовали безотказно. Стоял выбор — обидеть бывшего лучшего друга или умереть в смертельных муках от удушья руками Дмитрия Сергеевича. И я дура, конечно, выбрала второе. Но с другой стороны это великолепная возможность последить, что Дима будет делать с невестой. В конце концов, он мне ничего не обещал. Провели страстные выходные и разъехались в разные стороны, можно итак трактовать случившиеся события.

Если Дима пальчики запустит своей дамочке куда-нибудь — на попу, например, как мне любит делать, я ему эти пальчики на газовую конфорку положу. И дополнительно потом сковородкой прищемлю к плите. Решено! Буду еще сидеть — гадать, поедет со своей дамочкой или нет?

А теперь оценила, как Леня завалился на мой диван, закинув руки за голову, сумку дорожную с вещами на входе.

— Ты не останешься у меня! — ужаснулась предполагаемому варианту развития событий. Пальцем указывала на дверь. Ощущение, что если не выгоню, непременно прибудет палач и лишит жизни без суда и следствия.

— Хочешь отправить меня в отель!? Посидим, комедию посмотрим, винца выпьем...

продолжение следует...

Всем спасибо за внимание к книге, я сегодня в топе весь день крутилась на первой странице. Ляпота!

Спасибо за лайки, репосты и сообщения.

Спасибо за награды Diana Dzieva, Юлия, Салтик Мажеренова

За перышки спасибо. Ирина Ляшенко, Evgen, Katerina Babushkina, Анжела Ковалева Лариса, Anet, Ira Citovic, Юлия, Лара, Пруленцова Олеся, Лана, Анастасия Линецкая, Кир Муратова

Спасибо огромное. Я честно ни у кого не выпрашиваю наград. В конце прод благодарю, потому что не каждый в сообщениях отписывается и здесь реальнее всех поблагодарить. Эта трилогия черновая, пока сюжет довожу до ума, да и демонстрирую, что умею или не умею. Я сама себе ни разу награды не выдала для поднятия рейтинга)))

Извините, задержала продю. Что-то плохо она у меня шла. До сих пор не нравится)

POV Вильмонт

Шея была мне дорога, поэтому благополучно применила в общении с Лёнкой запрещенный прием — претвориться маленькой, бедной и больной.

Эх, мужики! С довольной моськой захлопнула дверь за Лёнкой и совсем совесть не мучила. Я не стремилась в девятнадцать лет лишиться шеи. А если бы мой ненаглядный друг остался ночевать, болталась бы я завтра на люстре без дыхания. Докажи потом, что не верблюду.

Лёнка — наивная душа всегда верил наигранным слезкам, а Дмитрий Сергеевич — черствый сухарь никогда не реагировал на мой скулеж. Хотя нет, один раз он отреагировал, испугался-то как во время секса. Раньше надо было думать, чуть мозоль не натер на том самом месте. Надо рассчитывать свои силенки и мои.

На столь оптимистичной ноте я завалилась спать, после обеда необходимо было придумать план мести. Что я могла противопоставить Диме? Ни-че-го. Лишь полное игнорирование его великолепнейшей персоны.

Я упоминала, что удалила Диму из всех социальных сетей и номер телефона стерла? Это правда. Но! Найти его странички в интернете опять же не составит труда, а его номер я наизусть всегда помнила. Эти страшные цифры в шкуре Ананиной запомнила навечно.

Так что, сегодня записала заново его номерок.

5 января. А у Димы День Рождения через пять дней, только дарить ему ничего не буду. Пусть невесточка дарит. За сутки ни одной смс, ни одной захудалой смс.

На следующий день рано утром поехали с Леней на его машине. Была сразу одета празднично для торжества. У Дмитрия Сергеевича глаза вылезут на затылок, не только на лоб, но и дальше убегут. Я можно сказать голая — платье представляло собой юбку длинной до пят, при ходьбе ноги и бедра очень четко обозначались под тканью. Юбка начиналась сзади примерно на пояснице, кажется наклонишься и попа наружу. Спина полностью голая, а спереди кусок ленты примерно сантиметров двадцать в ширину был перекинут через шею, тем самым сдерживал падение платья. Дальше два конца ленты спускались через грудь и прикреплялись к юбке в одной точке. На уровне груди — две стороны ленты были закреплены брошью.

Верх платья удерживался дополнительно маленькими шнурочками-завязочками на спине, как у купального костюма.

К всему образу пришлось добавить, конечно, высокие каблуки под длинную юбку. И цвет у платья очень яркий — красный.

Я за километр буду видна. Попляшите вы у меня, Дмитрий Сергеевич, со своей Юленькой!

Отец всегда на важные встречи присылал приглашения после того, как стала Ананиной, но прежде я отказывалась. А сегодня любезно согласилась, правда для личной выгоды.

Пристегнулась в машине у Лёнки и мы покатали, как в былые времена, под громкие раскаты музыки группы Жиж на весь салон. Этого у нас не отнять с Лёней.

Куда делась дружба, порой ее не хватало? Не хватало вот этого комфорта рядом с ним,

веселья, легкого подшучивания. Необычные у нас отношения.

Мы не любовники, но больше и не друзья. Перейдя однажды черту, не смогли вернуться к изначальному состоянию.

Благо музыка не давала ощутить напряженную тишину, потому что существовала некая грань, что образовалась между нами.

Посмотрела я на профиль Лёньки. Друг был в приподнятом настроении, напевал судя по открывавшимся губам. А Лёня, увидев мое внимание, подмигнул с намеком, что всё у нас хорошо.

Я отвернулась к окну и опустила его вниз. Ветер завыл в салоне, отчего кудряшки стали развиваться по салону и по оголенным плечам.

Ехали по мосту, тот который соединял Арзонт и новый остров.

Этот день похоже откроет новый лист в истории всей Немии. Хаски и Вильмонты хоть и не связаны родством, но этот остров, как напоминание о наших «дружеских» отношениях.

Остров был виден еще с моста — высокий зеленый участок земли, половина его по-прежнему утопала в деревьях.

Когда въехали в огромные ворота на острове с Лёнькой скромно выключили музыку, будто это не мы на всю дорогу слушали Жижу. Цивильно вышли из машины, по улыбались знакомым, натянув самые добродушные улыбки. Парковка была забита огромным количеством приезжих гостей.

Едва я вдохнула приятный, свежий воздух, поправила кудрявую прядку волос за ухо, как Лёня обозначил, что надо подниматься наверх — указал рукой в каком-то направлении. Я послушно туда обернулась, но взглядом не дошла до необходимого места. Гораздо раньше я вздрогнула и рука возле прядки дернулась, когда Дмитрий Сергеевич своими ледяными глазами заморозил меня. Дверцу черного автомобиля держал приоткрытой и оттуда, кто-то сейчас собирался подняться. А мой Дмитрий Сергеевич, хотя не знаю уже мой или не мой смотрел на меня и «морозил» по-настоящему. Такого эффекта еще не ощущала никогда. Отвернулась максимально спиной, а потом поняла, что зря — спина-то голая, только кудри верх тела скрывали.

Я оперлась ладонями о багажник машины Лёньки и попыталась скрыться тем самым от всевидящего взгляда. Дышала очень глубоко и редко, потому что словно ледяные пальцы бегали по шее и сжимали плечи. Дмитрий Сергеевич весело игрался прохладным ветерком на моей коже.

— Лёня, стой! — трусливо схватила друга за плечо, скрытое голубой рубашкой с коротким рукавом. Что-то я теперь побаиваюсь, если увидит с Лёнькой, по номерам я думаю уже понял, с кем прибыла.

— Зачем? — таинственно шепнул Лёня.

— Покури постой здесь, — показала пальчиком, что он должен стоять именно здесь, спрятанный частично машинами.

Сама вышла из временного убежища и пошла к пассажирскому сидению достать телефон. Надо со своим семейством встретиться — место встречи обговорить. Сегодня должны быть все. Пока шла с громким стуком шпилек по асфальту чувствовала — еще немного и мне обеспечат воспаление легких. Все тело будто в лед опустили, было огромное желание обнять себя за руки и прогнать холодные мурашки. Пока открывала дверь в машину, смотрела телефон и писала сообщение пару раз ненавязчиво окинула взглядом компанию Хаски. Виталика видела, следующего младшего брата, самого Диму, белая рубашка и легкие

серые брюки. И этот гад смотрел в мою сторону и вовсе этого не скрывал, а руку подавал своей Юле. Фея одним словом, волосики красиво закручены на один бок и красная розочка украшала прическу ей за ухом. Вколоть бы этот стебель ей в голову!

Какая я однако кровожадная. Юля в розовом платье, меньше некуда, супер-мини. Там ни одного пальца до причинного места. Прежде чем Юля резко обернулась в мою сторону, я отвернулась. Мы не особенно знакомы, но все же неловко немного. Дожили... я чувствовала неудобство перед этой девушкой, потому что Дима изменял ей со мной.

Шмонт приподнял локоть по-джентльменски. Я схватилась покрепче, хоть какая-то поддержка, и мы пошли в направлении Хаски. Не проигнорируешь знатную семейку.

— Ты очень холодная! — Лёня взял мои пальцы, которые обхватывали его локоть, и лежали на руке. Видно почувствовал на коже мои прикосновения.

— Нормально, — ответила, а у самой губы, наверное, посинели.

Я Диме не прощу! Мозг его думает, прежде чем делает?

— Доброе утро! — произнесла почти равнодушно, оглядела Диму, точнее его плечо. Тяжело в глаза смотреть.

— Доброе, доброе! — Виталик ответил за всех.

— Аня, давно вас не видно! — как-то старший Хаски всегда относился ко мне просто и улыбчиво, чего не скажешь о его жене. Та равнодушно окинула взглядом и поздоровалась.

— Работа... Работала, вот и пропадала, — не знала, как еще найти оправдание своим действиям, не буду постороннему человеку рассказывать о своих злоключениях.

Последним с кем здоровался Лёня был Дима. Вряд ли один и другой были рады играть на камеру добрых друзей, поэтому не знаю, каких усилий им стоило поднять руки и пожать.

— Очень рад встрече! — услышала серьезный голос Димы, кажется впервые он перестал меня охлаждать взглядом, а обратился к Лене с улыбкой. С улыбкой-ямочками! Он мне их редко раздаривает.

— Да уж... — как-то пискнул Шмонт во время пожатия. Интонации в его голосе способна различить, и сейчас его голос немного надломился. — И я рад! — вот теперь стал обычным.

Дима хлопнул по плечу Шмонта по-дружески, а руку продолжал трясти.

— Сегодня непременно надо выпить вечером и поговорить по душам! — в заключительный раз Дима сжал руку Лёне и отпустил с улыбкой.

И всё? А я переживала. Мне и то хуже сделал, мог и застудить!

— Пошли, — недовольно буркнула Лёньке.

Саша прислала смс, что они где-то наверху, на самой центральной точке острова возле фонтана.

С Лёнькой преодолели длинную асфальтированную площадку для транспортных средств, в самом конце которой обнаружили лестницу. По ней и предстояло долго подниматься.

Пока шагали в гробовом молчании, я наслаждалась видом слева. Сквозь черные шпильки забора, рукой подать до голубого бесконечного океана. Бирюзовая вода с такой высоты просвечивала дно полностью, как будто мель выглядело с высоты. Но это обманчиво, мы намного километров вдали от берега и здесь вероятно очень глубоко.

Поднялись на зеленую территорию: повсюду деревья, цветы, узенькие тропинки. И птицы розовые. Это что за птичка пролетела маленькая? Проследила за ее полетом и посадкой на одном из деревьев.

Прошли правее и перед нами вновь две широкие лестница из белого камня, по бокам от них — статуи известных людей в истории. Разделялись лестницы между собой ручьем, который сливался сверху-вниз.

Наш поход закончился на самом верху одной из лестниц, но в процессе перемещения я прокляла папу, Хаски, каблуки и Лёню. А последний предатель отбыл по делам, встретил видите ли знакомого.

Диму я простила, а значит и своего родителя обязана. Конечно Дима придумал свадьбу с целью до меня добраться, как поведал Санек, а отец-то по-настоящему использовал опять.

Толпа сгущалась по мере того, как я поднималась выше. А потом поняла, что на лестнице слева встречались одни Страдовцы, а с правой стороны? Посмотрела кто стоял через этот ручеек и действительно догадки подтвердились. Справа — наши Гнетовцы.

Две лестницы — два народа.

На самом верху лестницы — обнаружила большую, ветвистую арку из прекрасных бутонов белых цветов. И наконец-то фонтан, о котором написала Саша.

Это была самая вершина острова, здесь я и нашла половину своего семейства. Небольшие деревья огораживали от яркого солнца небольшой фонтан, от которого исходила приятная свежесть и доносился небольшой шум капелек, разбивавшихся об воду.

Здесь две лестницы соединялись в эту самую полянку — стало быть это своего рода точка соединения двух семей и двух стран одновременно.

Поздоровалась с семьей и вместе с ними стала ожидать прибытие второй.

Итак, что мы получили!

Дмитрий Сергеевич приехал с невестой, если он приведет ее сюда, значит, у них серьезно. Потому что здесь должны находиться только главные ветви со своими парами. Правда у Вильмонтов ни у кого из нас нет пар. Только у Саши.

Интересно, а почему Саша здесь стояла без мужа? Задалась вопросом, оглядев свою белокурую, смеющуюся сестрицу. От нее счастье прям исходило лучами добра. Александра весело что-то шептала на ушко маме.

Я поинтересовалась, почему она здесь без муженька. Она сказала — отныне падшая женщина. Первая в истории Вильмонт, что разводится, на что папа на нее укоризненно посмотрел.

Все дети Сергея Вильмонта знают, что такое укоризненный взгляд. Он молча мог ходить возле тебя минут пять, и от его этого взгляда готов спустя некоторое время признаться во всех грехах, даже которые не совершал.

Если сейчас Дмитрий Сергеевич поднимется со своей шваброй, я этого ему не прощу! Тогда между нами — точно все кончится, при условии, что особенно и не начиналось.

Пальцы еще не до конца отошли от его ледяных прикосновений, я ими провела по локтю, запястью, пытаюсь восстановить ритм сердца. Не хотелось бы действительно приговор привести к исполнению.

Где эта красная роза на голове? Четко следила за продвижением семьи Хаски вдоль одной из лестниц, противоположной от нашей.

Ты спасен, Дмитрий Сергеевич! Пришлось прикусить нижнюю губу, чтобы она не раздвинулась в довольной улыбке. Он шел один и впереди, как Глава Хаски, сзади него отец с матерью. Когда у Димы появится ребенок «этой» семьи в таком количестве больше не будет — тогда он, его жена и его ребенок станут основной ветвью Хаски. А эти — два брата, две сестры и родители станут побочными, вторыми, третьими линиями.

Интересно, почему отец Димы настолько рано покинул пост, он, если не ошибаюсь примерно ровесник моего? А Диме зачем эта постоянная работа? Неужели никогда не хотелось погулять и поиграть, как многие. В Белесье оба раза был, как ребенок, нигде настолько спокойным его не видела.

Семья Хаски поднялась на вершину, Дима выделялся естественно, белая рубашка, серые, легкие брюки, аккуратный, стильный. Если бы не эта ситуация, если бы я впервые так его встретила, наверное, сразу влюбилась. При условии, что он хоть чуть-чуть был галантен.

Старшие Хаски прошли сразу к моим, ох, как заулыбались и те и другие будто лучших друзей встретили. Я что-то за год пропустила?

Обменялись улыбками, любезностями. А потом начали представляться между собой — в сотый, наверное, раз. Естественно, на возможные камеры.

— Ну это Павел, вы наверное знаете! — начал папа, показывая на брата. Тот натянул улыбочку, вроде искреннюю и пошел здороваться с Сергеем, который Хаски, а потом с его детьми.

— А это моя малина, ну моя и Павлика, — папа попытался пошутить и начал по старшинству. — Это Александра, самая старшая...

— Ты бы еще сказал старенькая, — прошептала сестра сквозь зубы. — Давай без возраста только, пап, — перебила она резко отца, а потом заулыбалась остальным напротив. — Приятно познакомиться. Ты бы лучше уточнил, что я холоста, молода, красива и моделью работаю, — от скромности сестренка не умрет.

— А еще не умеешь готовить, спишь до вечера, и в жизни тряпки в руке не держала! — съехидничала я.

— Пфф, — скорчила она недовольно моську. — Цену набиваешь себе, что ль? — подколола она и ударила по-большому, как она думала. — Зато у меня ноги от ушей растут.

— Я наоборот очень рада, что ноги у меня из нужного места растут, а не оттуда, откуда у тебя?

Саша вскипела видно, развернулась, руки по бокам кулаками поставила, приготовилась меня побить.

— А ну девочки брейк! — взмолился Паша и встал между нами с сестрой, создавая больше преград на пути Саше.

— Девочки, ну хватит, не успели встретиться, а уже курятник развели. Папа злится, — Алиса кивнула назад в сторону отца, и мы четверо замерли.

Я с Сашей обменялась понимающими взглядами.

— Да ладно тебе, пап, — махнула рукой. — Мы же шутим. Правда, сестра? — я приобняла ее за руки чуть ниже плеч и покачнула в свою сторону, та едва не потеряла равновесие на высоких каблуках. Да, к тому же, она как тростинка худенькая — худенькая, длиненькая- длиненькая. А у меня дури много.

Саша поглядела на меня, с обещанием по меньшей мере проклясть пару десятков раз. Что она и подтвердила:

— Да, сестра! — проговорила и держа левую ладонь вверх, правым кулаком ударила по ней.

Папа видно устал нас слушать и перебил:

— А это моя вторая дочь. Аня, ваша несостоявшаяся невестка.

— Вам крупно повезло, что несостоявшаяся, — не смогла не вставить оскорбительные пять копеек Саша.

Папа опять продолжил невзирая на нашу бойню:

— Ладно перейдем к ангелу моему...

Я потеряла суть разговора, потому что весь обзор закрыла большая тень, и большое... знакомое тело.

Белая рубаша с коротким рукавом. Мощная грудь, хорошо мне известная. Я полюбила слушать, как гулко бьется его сердце рядом со мной. Подняла любопытный взгляд наверх к его шее. Что это?

Бесстрастный взгляд Димы.

Не сразу поняла, что моя правая рука была приподнята вверх на уровень примерно глаз его ладонью. Затем голова Димы склонилась, и я потеряла сосредоточенный на мне взгляд.

Губы обожгли руку поцелуем. Галантный жест от Димы? Это необычно и смущало... при всех любопытных. Мое лицо скорее всего сравнялось по цвету с моим платьем, а потом почувствовала, как нахальный язык успел лизнуть кожу и попробовать на вкус. Поганец! А если кто заметит извращения?

Ехидные ямочки появились на лице Димы, когда тот разогнулся в полный рост, по-прежнему не спеша отнимать лапу от моей.

Кажется, мы стали достоянием общественности, даже отец перестал представлять нас и смотрел, то на стремительно краснеющую еще сильнее меня, то на Диму.

— Нет, ну нормально! — воскликнула Сашка, руками возмущенно взмахнув. — Ну почему только этой дамочке вечно внимание достается. Дмитрий, знаете так не хорошо делать! Я тут тоже стою молодая и красивая и мне тоже иногда хочется мужского внимания! — грозно сверкнула она глазами на Диму. Ой, актриса.

— Извини, Саша, мою грубость, — услышала от него.

Дима подошел к Саше, с трудом скрывая улыбку и поцеловал ей руку. На этом не закончил, направился к Алисе и точно также поцеловал той пальцы. Та даже покраснела. Алиса покраснела! Я тебе сейчас покраснею! Хотелось ей по голове треснуть, чтобы проснулась.

А потом Дима дошел и до близняшек. Те точно пали жертвой обаяния Дмитрия Сергеевича. Когда их назвал по имени красивый дяденька и поцеловал руку, как им было устоять?

Пашин гарем расстаял от чар Хаски. Я тут одна еще видно соображала.

— Это Алиса — мое солнышко, моя отрада, в отличие от первых двух, — недовольно посмотрел папа на нас с Сашей. — Красавица, умница, учится на отлично, послушная, ответственная, исполнительная!

Ну началось... единогласно переглянулись мы с Сашей и недовольно скрестили руки перед грудью. Устроили временное сестринское перемирие. С надутыми моськами кивали головой под каждую его хвалу Алисе:

— Папу с мамой слушается, с мальчиками не якшается и домой вовремя приходит.

Переглянулись мы озадаченно с сестрой по соседству.

— Я не поняла! — уперла руки в бока Саша. — А мы, значит, у тебя какие-то отщепенки. Я тоже до шестнадцати лет сидела безвылазно дома.

— И я, — подняла руку вверх. — Я не то, что вовремя, вообще из дома не вылазила.

— Зато теперь ни одну... ни вторую дома не увидишь, — спокойно отчитал нас папа. Словно ведро воды на голову вылил, и мы стояли обтекали минут пять, какие безответственные с Сашей.

— Ох, начинается, — демонстративно вздохнула и отвернулась от родителя.

Затем минут пятнадцать Хаски старший расхваливал своих чад. Начал с близняшек, и по старшинству, дошел до Димы, только прежде облил с ног до головы Виталика, едва не дураком обозвал. Тот под конец обозлился и пальцем указал на Диму:

— Зато вот образец идеального сына да, папа? Ты на него молишься одинокими ночами! — обиженно заявил Виталик. — Зато я добрый и меня все любят, а он черствый сухарь! — тыкнул он пальцем в брата, едва не в плечо.

— Как я с тобой согласна, — вырвалось у меня, прежде чем подумала. Прокашлялась, потому что поняла — голубые глаза насмешки не забывали, они просто помалкивали, пока здесь посторонние.

— Вот, — ткнул Виталик и в меня пальцем. — Аня, со мной согласна. Моя несостоявшаяся погибшая невеста! — смех разбавил легкое напряжение.

— Ничего смешного. К вашему сведению я дочь похоронила, — сделала замечание мама. — А ты, — обратилась она ко мне. — Могла и предупредить, что живешь и здраствуешь.

После некоторой запинки я ответила:

— Мама, чтобы меня отправить на тот свет, знаешь что нужно сделать? — спросила я. Мама удивленно ответила взглядом, но со лба ее исчезли разгневанные морщинки.

— И я не знаю, что надо сделать. Я — паразит ко всему приспособлюсь, даже к вашим сорокаградусным морозам привыкла. — Опять пошутила я.

— Смотри у меня! — увидела вдруг кулак перед глазами. Это Саша мне доходчиво кулаком своим хиленьким махала. Как ее ручка от ветра не ломалась? — Еще хоть раз помрешь раньше меня — убью! — сделала сестра, округлые, страшные глаза. — Я себе первая место бронирую на кладбище!

Брат, как воробушек нахохлился, встрепенулся и выдал:

— Не, дорогая, на ваши сопли я смотреть не собираюсь. Первый бронирую место!

— Я старшая! — перебила Саша. — Я первая и выбираю.

— Раньше времени не умирать, — внезапно подала голос Алиса. — Я же не зря в мединститут поступила, буду спасать свою больную семейку!

— Не поможет, Алис, — заметила я с плохо скрываемым смехом. — Наша шизофрения не лечится.

С противоположной стороны от нас услышала задорный голос Виталика:

— Дмитрий? — спросил весельчак с комичной моськой и обернулся к старшему брату, бровями вопросительно пошевелил вниз-вверх. Потом повернулся в другую сторону к младшему. — Стасик? Кто первым бронирует место на кладбище в нашем случае?

Затем Виталик гордо кивнул Стасу, придя, наверное, к определенным выводам и озвучил:

— Мы посоветались и решили, что ты как самый старший... — обратился к Диме. — В общем по-братски отдаем тебе первенство на кладбище! — закончил Виталик.

— Согласен! — кивнул Стасик.

— Я так и знал! — преувеличенно тяжело вздохнул Дима.

Давно не ощущала подобной легкости, так залиvisto от души не смеялась рядом со своей семьей. Даже скулы заболели от этой атмосферы расслабленности.

Мне было хорошо и тепло. И руки вновь стали теплыми. Только сейчас дошло, пальцы согрелись после поцелуя Димы, он их вернул в первоначальное состояние. Он всегда такой,

вспылит, а потом исправляет.

Тогда же все заметили приближение дяди Иосифа откуда-то со стороны одной из множества дорожек.

— Господа! — улыбался, при этом хлопнул ладонями друг об друга наш нынешний Председатель объединенной Немии. — Прошу к месту открытия! — двумя ладошками показал в нужном направлении. — Надо выпить по бокальчику шампанского и рассказать гостям об острове!

На этом показная часть нашего выступления закончилась.

Спасибо за внимание к книге, за сообщения, лайки, репосты.

И за награды спасибо Анна Попова.

И за перышки спасибо большое Olga Kohetova, Алена Макулова, Наталья, Татьяна Локшина, Галина Галкина, Ольга Сол, Наталья Шеина, Ирина, АЛЕСЯ ДЖУРОВ (ЩЕРБАТЮК), Татьяна Торак.

Очень приятно.

Нашла фото Лёньки, который мне нравится, правда без шрама.

Это Аня на торжестве. Фигуру, общий вид оставим таким, лицо другое.

Юляха

злобный, страшный ДС))) Очень ловко писались криминальные сцены после таких фоток.

Глава 13 "Снять"

Спасибо всем за участие. Мне всё равно во что одевать Анну Сергеевну — главная цель, довести Дмитрия Сергеевича до бешенства.

Давайте такие представим.

По двое-трое отправились в заданном направлении. Первые, конечно, папа с Димой. Следом Паша — будущий Глава Вильмонт и Председатель объединенной Немии — дядя Иосиф. Не представляю Пашу рядом с Димой, когда мой братец займет пост, боюсь вся сложившаяся схема ведения бизнеса, выстроенная заботливо отцом, слетит в тот же день к бастардам под зад! Конечно, за год брат мог поумнеть, отец же отправил его учиться в Административное Право, как наказание за тот концерт в день Города Арзонта.

Далее вперемешку шли две семьи, а уже за нами остальные.

Я потеснилась с Виталиком и Алисой. Младший Хаски ткнул меня локотком не больно, но раздражающе под ребра, а они у меня голые.

— Репортеров видела? — тихонько спросил любопытный.

— Кончено, только за ними и наблюдала, — поведала я. — А тебе они мешают жить?

Да! — буркнул Виталик и оглядывался по сторонам, словно его сейчас отовсюду не заметно фотографировали и он боялся, что будет выглядеть не комильфо. — Мы им преподнесли очень много ценной информации, смотри через недельку твою автобиографию предоставят в желтой газетенке!

Говорил вроде мне, но смотрел на кусты цветов сбоку, отсюда слышен океан.

— Могла и попримечнее себя вести, — отчитала меня Алиса с другого бока. Не поняла? Изучила сестру в оранжевом платье и волосы оранжевые. Ядерная смесь, глаза резало, если долго на нее смотреть.

— А вы двое господ чем-то похожи! — к своему удивлению указала пальцем на одного и на другого и провела две линии параллели. Сделала внезапную остановку и Саше позади нас пришлось остановиться, чтобы не врезаться в меня носом.

— Бурчите друг другу на ухо! Пора давно привыкнуть к этим репортеришкам, а то сложно жить, много думая, — получилось не совсем что я хотела, но Алиса с Виталиком засмеялись надо мной.

— Точно, лучше не думать, — подтвердил Виталик.

— Она этим всегда руководствуется, — поддакнула Алиса.

Я отмахнулась обиженно и пошла наравне с Сашей, той пришлось пояснять свое бегство:

— Мелкие обнаглели!

А дальше последовала основная часть торжества — открытие. Куча ненужных слов. И какой это великий день, много пафосных речей от Председателя, как долго мы этого ждали. Мой папа был не богат на эмоции, говорил четко, но с воодушевлением, а Дмитрий Сергеевич не скупился на улыбочки-ямочки.

От яркого солнца нас спасало белоснежное покрывало сверху. От этого становилось прохладнее. Перед нами огромный овальный стол, человек на двадцать. Здесь произошли небольшие изменения в составе гостей. Родителей не было и близняшек не оставили за

столом, вместо них появилась Юлия, Пудель, Виталик, тот который Дорадо.

Самого Димы пока не было, он отрабатывал на публике выступление, вещая какую-то бессмысленную чушь, но при этом так красочно и правдиво, что слушаешь и слушаешь. И только в конце выступления поняла, какая это была чушь. Десятью словами об одном.

Дима расположился за столом, Саша одну руку положила ладонью вниз на поверхность перед собой и поскребла пальчиками по нему. Словно смутилась. Немного грустно что-то рассказывала Диме, при этом ноготками царапала себе щечку или губы. Этот жест явно имел цель привлечь внимание к лицу.

Я сидела на стуле, обитым белой тканью, и иногда наблюдала за парочкой напротив. И совсем ничего не чувствовала, совсем. Он и ей немного улыбался, что-то рассказывал, волосы рукой поправлял.

Вокруг столько народа разговаривало, а я молчала. Сестра родная называется. Еще без ума от него?

Юля с другого бока от Димы общалась с Пуделем, который видно отвлекал от господина пока тот развлекался с бывшей любовницей. Как это отвратительно.

Юля понятно его спутница на эти два дня и здесь уже ничего не поделаешь. Привел — будь добр отвечай за улыбку на лице девушки. Негласное правило.

Кипеть я мысленно перестала, только лишь внутренне потряхивало, руки подрагивали на бокале с напитком. Не честно, говорил что хочет меня, на такие вещи шел ради меня, а теперь улыбался двум девушкам. Вроде, это обыкновенное общение, но с другой стороны, я напротив них и мог со мной пообщаться. Это мне стеснительно заговорить с ним, он итак нарасхват.

Весь мой энтузиазм от появления здесь пропал в прохладном воздухе, от вентиляторов которые стояли вокруг столиков. И единственное, что я опять ощущала обреченность, одиночество. Я чуть приуныла и пялилась в телефон, пока Шмонт не подсел ко мне рядом за стул, приобняв спинку моего места.

Он — мой спутник и обязан отвечать за мою улыбку на лице.

— О чем грустим? — улыбнулся мне. Я тоже натянуто ответила тем же.

— Ни о чем, — заговорчески шепнула ему на ухо. Локоть поставила на его стул, чтобы быть поближе к нему и чтобы никто не слышал. Голову чуть наклонила, волосы скрывали мое выражение лица, даже Лёнька понял, что мне грустно.

— Хочешь устроим взрывной пати на этих каникулах. Пять дней и ни секунды трезвыми!? — засмеялся весельчак-обаяшка.

— Нет. Спасибо, обезьянка, — я его почесала за шею, где борода у него начиналась. Колючий-колючий. Очень щекотно было всегда целоваться с ним.

— Ни одна девушка кроме тебя меня обезьяной в жизни не называла, — себе под нос пробурчал Лёня и поудобнее развалился: руки на подлокотниках, ноги в разные стороны. — Эй, официант! — щелкнул пальцами, призывая обслуживающий персонал.

К нам аккуратно направился мужчина в белой униформе с бокалами шампанского на подносе.

— Когда ты не на фотосессии, как абориген выглядишь. Какой дурак сказал, что волосатость это признак мужественности? Сбрей немедленно... — продолжила рассказывать плечу Лёньки. Друг в то время следил, когда принесут прохладные напитки.

— Вот спасибо, дорогая, — заявил на секунду, обернувшись ко мне.

— Ладно, не обижайся, — улыбнулась ему, пальцы протянула, чтобы ободряюще

похлопать друга по плечу. Пальцы вдруг задрожали, когда в районе груди ощутила сильное давление, будто ребра смяли и сжали болезненно. Тяжелый вдох вырвался с трудом из горла. Я попыталась ровнее начать дышать, а Лёня пока не замечал моего странного состояния принимал напитки.

— На, Ань, или тебе вина лучше? — я не успела ответить, это было по-прежнему очень сложно, на шее опять неприятные холодные ощущения.

А потом вздрогнула... и подскочила вместе с Лёнью одновременно со стульев, когда брызги непонятной жидкости оросили мое лицо, голые руки и открытую грудь.

Я переглянулась с другом, тот стоял с раскрытыми руками, вся его рубашка, штаны и даже лицо в капельках от вина.

— Прошу прощения, выронил, простите! — затараторил официант, поднос поставил на стол с оставшимися не разлитыми напитками. Несколько бокалов валялись под нашими ногами на травке. Я их подняла, вроде остались целые. — Не поднимайте, могут быть осколки. Сейчас всё уберем!

Очень быстро прибыл другой обслуживающий персонаж. Лёня лишь оценил старания официанта ему лицо салфеткой вытереть и убрал заботливые руки:

— Простите, предпочту, чтобы женщины меня трогали! — насмешливо пояснил свои действия Шмонт. — Пойду переоденусь. Ты пойдешь? — спросил у меня Лёнька.

Неожиданно в разговор встряла мой дражайшая сестренка напротив:

— Пойдем я тоже хочу в номер зайти освежиться, — приподнялась со стула. И рядом с ней ненавистный сосед поднялся во весь свой немалый, предательский рост.

Я уловила его ничем не прикрытое раздражение в голосе и приказ:

— Я отведу!

Итого: нас стояло четверо возле стола, пока убирали признаки нашей не аккуратности.

Я не хочу его не видеть...не то, что вдвоем не хочу разговаривать, даже втроем и четверо. Не знаю от чего-то вся злость давно прошла. Он никогда не заботился о моих чувствах, какая это любовь? Не умеет он любить. Злится, когда его вещь трогают.

Поэтому я уселась обратно на стул:

— Я не хочу в номер. Саш, иди одна, платье быстро высохнет, оно почти не пострадало. Протерла пару капелек влажных с ткани.

— Одной мне лень, — ответила только Саша и брякнулась обратно.

А я больше не следила за действиями Димы, пусть занимается чем хочет. А если бы я сюда не приехала, ему бы и вовсе прекрасно жилось. Вокруг столько женщин. Зачем какая-то Аня очередная?

Но когда дышала, каждый раз ощущала непонятные уколы, будто на самом деле иглу под кожу вогнали, и она путешествовала по телу и иногда причиняла боль.

И это, бастард раздери, любовь!?! Любовь сродни игле, которая убивала изнутри? Диму невероятно сложно любить.

Я перестала совсем смотреть на него. Речь Дяди Иосифа закончилась, следующим этапом был осмотр владений, здесь заповедник должен быть в отдаленной части острова.

Опять идти на солнцепек очень не хотелось, но тем не менее, пришлось. Небольшими группками по шесть человек на специальных джипах гостей перевозили до наиболее знаменитых, красивых мест, устраивали своего рода обзорную экскурсию.

Я себе не враг. Провести на соседнем кресле с Димой все путешествие в машине? С одной стороны — уселась его спутница, уже понятно, что от роли ее сопровождающего не

сможет отказаться до конца праздника. Притащил и как бы должен ее развлекать, в океан же не выкинет? А мне какого? Так и представляю заголовки — с одной стороны любовница, с другой — жена. Просто прелестно. На секунду засомневалась, когда Дима, сидя уже в машине, протягивал руку, чтобы посадить меня, но потом решительно отступила с порожка вниз на асфальт.

И озвучила, что подожду своего кавалера. Дима не отреагировал, кажется его заклинило от моей выходки. Пусть так. Нам друг без друга тяжело и друг с другом не получается.

Причиняем постоянно боль. Нас если только посадить в клетку два на два, и убрать всех людей, чтобы не мешали.

Часа два длилась обзорная экскурсия, я дождалась Лёньки и путешествовала с его друзьями — одноклассниками.

Долгое время путешествовали под палящим солнцем, со временем ноги стали ныть от усталости. Я мечтала об одном — оказаться в душе и снять убийственные каблуки. Какой обед? В номер в лучшем случае.

Черный отель. Ничего лучше не могли придумать? На солнцепеке он будет нагреваться или я чего-то не понимаю. Хотя, кто их знает до чего техника дошла, может свето отталкивающей краской покрасили стены. Меня это не касалось, главное комфорт.

Зато, когда вошли в прохладный холл, после жаркого зноя, думала издам очень неприличный вздох, похожий когда получаешь мощный оргазм. Какое наслаждение, всевышние! Сдула прядь волос, которая прилипла к носу.

Как было хорошо и прохладно после жары и духоты, если бы не столпотворение людей. Протиснулась к стойке регистрации, где обнаружила Сашу. Она была с Димой в той путешествующей шестерке, значит он тоже вероятно где-то здесь. Их экскурсия началась раньше, значит и закончили раньше.

Локтями оперлась о столешницу, бедный обслуживающий персонал пытался быстро оформить всем номера. Нас угораздило заявиться огромной оравой.

Сестра рядом спрашивала как мы проехали, я что-то вполне с энтузиазмом отвечала, когда ощутила, как на плечо легла тяжелая плеть-рука, ключице от этого стало невероятно тяжело.

— Сестры Вильмонт! — услышала насмешливый голос над ухом. Между нами Хаски, не Дима, а зараза Хаски, та же самодовольная морда, тот же надменный тон голоса. Пока его голова была отвернута к Саше, а я видела светловолосую макушку.

Каждый идиот знает, что он спал с Сашей и со мной. Хотелось голову в плечи убрать. Поморгала, прогоняя стремительно лезущие слезы наружу. Может жара подействовала, может усталость от солнечных лучей или то, что ноги ломили. Или устала от любви Димы, порой казалось, что все прекрасно, а потом опять.

Попыталась дернуть плечом, чтобы прогнать тяжесть с ключицы, но Дима пальцами впился в кожу, при этом постоянно говорил сестре.

Одна рука лежала на мне, другая на Саше.

— Номер, дамы, — обратился мужчина перед нами, передавая белую карточку. — Один на двоих как вы просили?

Протянула руку, желая одного — сбежать отсюда на край света. Зря только приехала. Это пытка, а не празднование.

Хлоп. Болезненно сморщилась, мои пальцы придавили к столу, Дима оторвал руку от Саши и отобрал властно карточку из моих пальцев, пренебрежительно вырвал.

— Молодой человек, я думаю дочери Вильмонта, это не те девушки, чьими удобствами можно жертвовать. Мы обязаны обеспечить им отдых по высшему классу. Будьте добры! — Дима вернул ключ мужчине.

— Конечно, простите. Я просто... девушки...вроде....

— А я просто попросил! — перебил Дима.

— Да, конечно, — согласился покорно. — Под или над?

— Под, — не знаю, что за странные слова прозвучали от Димы.

Опять его пренебрежения над людьми, хочу и все. Ох, посмотрела я, если бы он вырос в семье обычного человека. Мало его волновало благосостояние остальных, только собственные желания. Хотя, мой брат же не такой, а воспитывался в похожих условиях. Смею предположить, что даже будь он бедняком ходил бы точно с таким же гордым лицом и учил всех, как жить.

— Я отойду на минутку, вы меня простите, — услышала от Саши и она нас покинула медленно пройдя, покачивая бедрами в так движению, отработанная походка. Дима очень медленно развернул лицо справа от Саши в мою сторону. Этот взгляд наверное призывал врага всегда поспешно капитулировать.

— Что ты, лю-би-мая, здесь забыла? — сквозь зубы прошептал мне в лицо. Я отвернулась от него, следя за действиями персонала, пока он оформлял нам с Сашей новые номера. — Ты же у нас Бастард Ананина, который на подобные пирушки не ходит?

— Что-то не устраивает? Могу свалить, — равнодушно ответила воздуху перед собой. Это наигранно. Равнодушия нет, на этих слова самой стало болезненно в груди, игла- отравы вновь уколола. Рука с шеи передвинулась на голую талию и крепко схватила мое тело, пододвинув ближе к стойке, а Дима бедрами приблизился ко мне сзади.

— Что это за вид шалавы? Проще голой было придти, — ладонью погладил по левому моему бедру вверх-вниз, слегка задевая ткань, нащупал тонкие ниточки нижнего белья и, отогнув, хлестнул ими. Будто проверил есть ли оно на мне. — Я подумал и белья нет, — подтвердил догадки.

— Иди свою невесту лапай, — улыбнулась мужчине перед собой, когда передали новый ключ в номер. А мужчину сзади себя игнорировала, пусть с моей спиной разговаривает. Кое-как удалось вылезти из объёма Димы, не будет же прелюдно применять силу, поэтому позволил и попытался изобразить улыбку, но уж очень она у него была кривая, уголок губ с одной стороны искривлялся. Напоследок опять хватанул своей лапой мою руку с ключом и поднял на уровень глаз.

— Я тебе напишу. И переоденюсь, пожалуйста! — отпустил меня из плена рук, но не глаз. Тем самым позволил мужчине- очередному обслуживающему персоналу отвезти нас с Сашей во временное место отдыха до вечера. У нас часа три с половиной до гуляния — ужина. Сумки привезут туда же.

И опять нас куда-то везли по жаре, я прокляла и Диму и его эгоизм, пока не увидела куда нас привезли. Обратная сторона острова от моста, здесь только пляж и белый песок. И вновь небольшой золотой мост, который привел нас к зданию: к трем будто сферам — тарелкам, выходящим из воды. Прямо из воды поднимались эти большие сферы.

В самую центральную и большую через черные выдвигаемые двери мы вошли. Небольшой холл с мило улыбающимися людьми. Встали возле лифта послушно, с любопытством посматривали, как вода покачивалась на уровне наших глаз и была в стекло- окне здания сферы, в котором находились. Мы частично под водой.

Когда сели в лифти поехали на минус двенадцатый этаж я поняла, что означал ответ Димы — под — подводный отель.

Лифт был стеклянный и нас стремительно опускало вниз, вода на ближайшие метры подсвечивалась приятным светло-голубым цветом. Создавалось впечатление, что мы очень быстро падали. Мимо проплывали рыбы, целые косяки рыб и маленьких и чуть больше. Я невольно подошла ближе к стеклу, прислонив ладони к прохладе. Это так необычно.

Сестру явно не удивишь, она помоталась по свету и у Баллийцев наверное ни раз была в подобных отелях. Подводными славились только Баллийцы. Это похоже первый подводный отель у Немийцев.

Лифт выпустил в абсолютно черном коридоре, только небольшой беловатый свет впереди помогал ориентироваться, что нам в том направлении. Потом оказались в трубе полностью из стекла. Ощущение, что проплывающая рыба сейчас сядет на голову.

Здесь было свежо. С правой стороны — темная стена и изредка видела в ней двери в номера. Долго мы крутились по стеклянными тоннелям, то открытым со всех сторон, то с одной, то с двух.

Сашу проводили первую, а у меня самый последний номер.

Мужчина открыл дверь ключом и передал в руки, при этом упомянул, что скоро принесут вещи.

Я без лишних слов зашла внутрь и оценила предложенные апартаменты или великолепное убранство. Спустилась по маленьким ступенькам в основное помещение. Слева на полу джакузи в полу. Дверь слева в туалет и душ. Два высоких светильника в полный рост и огромная кровать прямо по середине, укрытая белыми простынями, а дальше с трех сторон стекло, сверху над головой, слева, справа.

По периметру комнаты на песке с той стороны здания подсвечивался голубой свет, позволявший наблюдать прекрасный вид на песчаное дно и голубоватую воду.

А здесь в помещении был романтический полумрак. Собственно, понятен, ход мыслей Дмитрия Сергеевича — с отдельными номерами от сестры. Меня решили здесь «снять» вечером, пока невеста будет отдыхать в номере.

Отель

романтическое местечко для Ани.

На сообщения всем ответу только позже, где-нибудь к выходным. Пока продю пишу.

Спасибо за внимание к книге. За лайки, репосты и сообщения.

За награды спасибо Лина, Ирина Мишагина

За перышки спасибо. Лариса Репищук, Ксения Калитина, Татьяна Сумарокова, Римма Башмакова(Шуман)

Глава 14 "Разговор"

Приятного прочтения, особенно в следующей главе)))

POV Вильмонт

Платье сняла, приняла душ, стирая с тела последствия влажных капель вина. Было около четырех. Ужин в восемь, когда сядет солнце. Можно заказать покушать в номер, но какой аппетит? Донельзя отвратительно чувствовала, вновь эта горечь от общения с Димой.

Не верю в его любовь, и не знаю смогу ли поверить и надо ли ему это?

Со своими девушками вечно заботливый, внимательный, а со мной как...как...не знаю кто. Рычит и кусает больно.

Валялась на кровати и пялилась на маленькие рыбки за стеклом. У них забавные желтые плавники виднелись сквозь мутную воду.

Тогда же меня застал звук смс на телефон.

«Через десять минут буду у тебя»

Что и требовалось доказать. Вскочила с кровати. Как бы нормально, сейчас он в комнате с одной развлекся и идет ко мне. Ну нет. Я на такие закидоны не согласна. Всю жизнь убивали измены отца по отношению к матери, я не буду это терпеть. Не буду. Кто бы не был мой спутник жизни, это будет явно не изменник. Я в состоянии удовлетворять его до самой старости, все у меня с «чувствительностью» в порядке. Тут может не отмазываться. И если он такое себе позволяет сейчас, зачем мне это надо? Я и Шмонта поэтому не рассматривала в качестве мужа, останавливал этот факт — не хочу быть приятным дополнением к мужу. Прекрасным фоном.

POV Хаски

Долго будет заплыв делать? Искурил несколько сигарет, почитал новости на планшете. Расслабился на диване с бокалом прохладной воды. Ужасная жара на улице выводила из себя, нарушала постоянный теплообмен, а может это вновь нахождение рядом с Аней. Только перестроил теплообмен на обычный стандарт, тем которым пользовался всю жизнь обратно, а теперь вновь рядом с ней излучал дополнительное тепло, словно желая ее согреть. Или при виде нее температура тела сама повышалась.

Так и не смог до сих пор разгадать этот феномен с чем связан. Главное одно — воздух рядом с Аней насыщен дополнительным теплом.

Футболку снял, в одних шортах развалился. Вода холодная немного сбавляла жар тела. Не заметил как из душа вышла Юля, пока прикрыв глаза откинулся на спинку черного дивана.

— Следующий, — а голос у Юли слышал, чуть хриплый, тихий. Призывающий. Ее пальчики скользнули по моему плечу к груди ниже по полоске редких волосков к пупку. Так... — Могу потерять тебе спинку? — настолько не оригинальное предложение.

На что я только хмыкнул:

— Справлюсь.

Встал, направляясь в ванную комнату.

— Дим... я это? — пришлось останавливаться, чтобы узнать причину. — Родители приглашают нас на выходные. Понятно. Знакомство с родителями.

— Какие родители!?! — единственное, что гаркнул перед уходом.

Дверью треснул, какие родители, какие родители? Я жениться предлагал? Мы виделись раз в неделю, когда приходил домой, так и быть и пользовался ею при выключенном свете, мечтая о другой девушке под собой.

Я действительно благодарен Юле, что не дала мне сломаться там у Баллийцев, дала возможность немного переосмыслить свои поступки, успокоить стремительное течение жизни. Только поэтому, когда сегодня зашел домой, чтобы переодеться, и увидел ее при полном параде, промолчал и не послал. Только по этой причине позволил и обнять себя и вцепиться в меня удушающими тесными объятиями.

Юля заслужила немного тактичности, поэтому я пока молчал. Но теперь тактичность моя треснула к Бастардам, как хлипкое стеклышко разбилось вдребезги и звенело жутко в голове. Не... это моя ненависть звенела в мыслях к Шмонту.

Принял ледяной душ, чтобы с тела или из мыслей изъять маниакальные мечты. Они разрывали череп изнутри, заставляли руки дрожать от желания сделать что-нибудь очень плохое.

Я хочу стереть у Ани из памяти любое напоминание о Шмонте. Навсегда убить его в ее мыслях, чтобы никогда не вспоминала о их прошлом. Я не знаю, что было между ними, но предполагаю, что этот уродец и лишил ее девственности, поскольку больше о ее кавалерах не слышал. И единственное мое желание сейчас выпотрошить ему кишки и выкинуть в океан на съедение рыбам. Но я, мать его, не могу это сделать. Потому что это гнида Шмонт. И единственное — могу подпалить ему смазливую рожу и, если не перестанет выбешивать, за себя не ручаюсь.

— Разговор! — озвучил, когда вышел из душа в одном полотенце и замер. Видно мои слова были не расслышаны.

Юля сидела возле зеркала, на пуфике и малевала румяна. Я даже румяна знаю что такое. Юля улыбнулась мне и показала на трубку пальцем. Это на долго, судя по всему с подругами разговор. С мамой она не такой интонацией разговаривала.

И сколько мне ждать? Взял мобильник. Дела подождут, Юля подождет. А вот я и моя девочка не подождем. Мне нужна ее ласка.

Набрал смс, что скоро буду и пошел одеваться. Юле коротко сообщил, что по делам. А что личные дела, это не ее дело.

Накинул светлые шорты и футболку легкую и ушел из номера. Мне нужна Аня.

Сам я остановился в верхнем отеле, а теперь шел по песку в сторону этого нового отеля. Ане должно понравиться. Там великолепный вид, никогда не устанешь наблюдать за подводным миром.

Опять между нами что-то не понятное. Я думал мы прояснили все моменты для нас, почему она здесь с ним? Почему приехала? И почему злится и избегает меня? Я каждый раз пытался найти способ с ней провести время, а она постоянно убегала от меня. Я ясно дал понять, что хотел поговорить с ней, там после того, как рука дрогнула, на этих бокалах. Хотел Шмонта охладить поганца, видел как он пожирал Анину грудь. Мы с Аней договорились в Белесье — это мое тело и она не имеет право никому его показывать! Ее не хотел обливаться, брызги долетели нечаянно. Встал, хотел поговорить с ней, с глазу на глаз узнать почему она приперлась сюда, еще и со Шмонтом. Если собиралась сюда, могла сказать, знала же, что я по работе здесь обязан быть.

Номер апартаментов узнал 26, сам нашел почти без проблем, примерно представлял, где искать.

Постучался в номер и тишина. Возникла мысль, может в душе? Да, девушки там могут отмокать долго. Отошел, поставил ладони на прохладное стекло стены, рассматривая жалких рыбешек. Вспомнился момент в клубе, когда я мечтал рыбешку Ананину опустить в ее болото. А сейчас готов погрязнуть в нем вместе с ней. Жизнь — невероятно смешная штука.

Улыбнулся своим мыслям. Осталось узнать в чем дело, Аня выглядит обиженной. Постучался через десять минут, опять тишина. Я же написал, что хотел встретиться, не могла она уйти? А если она там со Шмонтом?

Бастард раздери, аж в озноб бросило, когда представил ее тело в руках Шмонта. Стукнул сильно костяшками по двери, чтобы прогнать это ощущение с тела и кадр из мыслей. Не сделает Аня такого, не может. Она должна любить...должна меня любить... потому что другого я будущего у себя теперь не вижу после Белесья.

Где она есть!?

Набрал номер Ани, звонок шел, но она не брала, и от двери не было звуков. Идеальная тишина.

Кулак приостановил на двери. А если она у НЕГО? Пальцами помассировал виски и голову. Разгромлю его гребаную физиономию, пару лишних глаз продырявлю самолично. Я обычно не мараю руки, если это не крайний случай.

Резко поменял курс направления, шаги эхом отдавались в ушах в пустом помещении. Попутно звонил Ане и вдруг расслышал странную музыку...музыку, когда я звонил Ане? Шаги замедлил, чтобы не спугнуть свою добычу, что-то в груди, наверное, гулко бьющееся сердце подсказывало, кого мог сейчас увидеть. Завернул за поворот и увидел Аню возле перил, посматривающее вдаль, в белом сарафане, по плечам струились черные пряди волос и спадали на белый материал. Сама невинность.

Сколько бы люди не делали ей плохого, она не озлобилась на этот мир, сколько ее не предавали, не игнорировали. И больше всего я старался за этот мир, но она так и не опустилась передо мной на колени.

Кажется, придется мне вставать на колено, когда буду делать предложение. Твою мать, еще с папашкой ее придется повторно договариваться, он мне теперь не доверяет.

Я стремительно прибавил шаг, на что Аня вздрогнула и увидела меня. Ну такого я не ожидала. Спустилась с порожка и пошла налево от меня, как бы подальше.

— Аня, стой! — приказал ей. А она предпочла не слышать, если сначала шла просто быстро, то теперь ускорила бегство. — Я сказал — стоять!

На этой фразе Ане резко обернулась, прежде чем нырнуть вновь в очередной поворот тоннеля. Волосы видно от ярости хлестнули ей по лицу, и она теперь их убирала.

— Невесте своей приказывай! — и исчезла в проеме.

Что за бегство трусливого зайца?! Перешел на бег. Аня нырнула на лестницу. Решила по лестнице подниматься на верх, ну там я ее точно словлю.

Выбежал на лестницу, которая была расположена по кругу. Слышал как Аня аккуратно тапочками ступала во время бега наверху.

Неужели не поняла, сколько бы не убегала, все равно поймаю. Аня попыталась сбежать в дверь, ведущую на один из этажей. Не тут-то было. Успел за кисть ее схватить и развернуть пойманное добро спиной к прохладной стене. Вроде аккуратно пытался, она опять зажмурилась сильно.

Руки поставил по бокам от ее лица, чтобы не сбежала опять. Дождался, пока Аня откроет глаза.

— Сколько можно убегать!?! — рыкнул. Достала бегать от меня, не отпущу все равно. — Что ты здесь забыла со Шмонтом?

Совсем не хотелось злиться, когда видел приоткрытые влажные губы, или чувствовал теплое дыхание на руках. Девичья грудь вздымалась тяжело, приподнимаясь из выреза. Подол ее платья касался моего колена, которое я поставил между ее ногами к стене, чтобы совершенно точно не сбежала. Наклонил голову с определенной целью, весь контроль слетел к Бастардам! Потянулся к ее губам, на что Аня, будто испуганно вжалась лопатками в стену.

POV Вильмонт.

У него очень страшные глаза, как будто сейчас съест, в таком состоянии он способен на что угодно. Очень ясно вспомнила момент в туалете Белесье, такое же бешенство было в его глазах и движения были такими же резкими. Он же не потащит куда? Дима обещал.

— Я приехала с другом, а вот, что ты здесь делаешь в компании с невестой мне очень интересно? — собрала остатки силенок и поинтересовалась у губ и кадыка Димы.

Была абсолютная тишина, будто все посетители отеля разом вымерли, решили предоставить нам уединение. А почему Дима не отвечал? Подняла голову вверх. Голубые эти внимательные точки быстро изучали мое лицо и создавалось впечатление, что бегали по мне. И тут увидела, какое-то подозрительное дерганье мышц на его лице, в районе ямочек, они то появлялись, то исчезали, будто не мог выбрать, какую эмоцию изобразить. И гад рассмеялся внезапно, отсоединив одну руку от стенки, прикрыл ею лицо и протер переносицу. При этом не прекращал «ржач». Именно ржач, потому что очень хотелось боковой стороной ладони стукнуть ему по макушке, чтобы заткнулся.

— Это ты из-за нее такая обиженная ходишь? Ревнивая Аня страшнее взрывчатки!

Он подхватил меня под попой и подбросил, ноги мои самолично положил к себе на поясицу и как обычно максимально приблизил наши тела.

— Это все равно, что ревновать меня к... не знаю кому... к сигаретам наверное, — шептал в шею, когда носом опасно медленно будоражил воображение. Опять бедрами провел по мне "там". Вечно он заведен, поговорить с ним не реально.

— Ты только о сексе думаешь! — обвинила его макушку, которую одну видела сверху.

— Лет в восемьдесят буду думать, какой у тебя богатый внутренний мир, и буду хвалиться всем, какой я классный отхватил себе золотце, а пока... можно о с сексе подумать?

Опять ноги подкашиваются. Если бы Дима не держал, наверное, позорно растеклась бы глиняной лужицей. И лепи, Дима, что пожелаешь. Властные руки на бедрах, на попе немного погладили, как бы подтверждая о чем думал сейчас.

— Дим, слышишь, всё хватит! — попыталась его руки снять с ног. — Надоело, тебе плевать на меня, только себя слышишь.

— Я очень тебя слышу, — пробубнил мне в шею и лизнул ямочку между ключицами. Как сердце забилося, когда на открытый участок груди последовала его медленная неспешная лапа. — Ты скучала по мне, поэтому такая мегера?

Его макушка поднялась и возник внимательный взгляд напротив меня.

— Не скучала, — пискнула очень тихо, будто себе в мыслях.

— Скучала и несмотря на твою браваду, — его тело скрывало нас от света наверху. Дыхание оведало мне губы. — И очень хочешь оказать со мной в закрытом помещении, один на один и решить все наши проблемы, правда?

Его самоуверенность раздражала, хотелось запротестовать, но откуда взять силы

оттолкнуть его мягкие губы, они моли быть и нежными на моем теле, они наизусть знали мое тело, его вкус и запах.

— Моя девочка... — пальцами погладил мою щеку. — А теперь рассказывай, что за взрыв в твоём мозгу? И что ещё хочешь от меня?

И я начала:

— Ты не любишь меня...

— Люблю, — перебил он на полуслове. — Дальше претензии.

— Ты уехал... — тихо начала дальше рассказывать.

— Работа, — опять перебил. Долго будет перебивать?

— Ничего не сказал, что между нами. Не позвонил...а мне догадывайся. Приехал на это мероприятие, меня не позвал, вот я и назло тебе сюда заявила! Хоть одну бы смс-ку написал и не было бы проблем! — гневно закончила.

— Если бы и ты соизволила рассказать, что идешь сюда, вопросов бы не было, пошли бы вдвоем. А Юлю я естественно не успел бросить...У тебя папа частый гость дома? Давно должна была привыкнуть. Я думал, уж ты должна понять, что я не всегда могу быть на связи и быть представлен себе и своим желаниям.

Я замолчала руки под грудью и вроде понимала, что правильно говорит.

— Ну хоть одну смс можно было отослать, — показала скромно указательный пальчик вверх напротив носа Димы.

— С какой целью? — поинтересовался у меня, но при этом ухитрился зубы сцепить на пальце и даже лизнул. Отчего я быстро его опустила вниз, вызвав насмешку на хитрой моське напротив.

— Целью? — переспросила, на что Дима кивнул. — Я хотя бы не чувствовала себя брошенной, знала что ты думаешь обо мне в момент написания смс.

Неуверенно закончила мысль и успокоилась, я прошу у Димы внимания? Звучало очень похоже.

— Я страдаю кратковременной потерей памяти? — спросил Дима, а я думала сейчас будет смеяться над моими надеждами. Скажет розовые сопли. — Почему я должен о тебе забывать? Ты — моя любимая. Я всегда о тебе помню или мне каждую секунду тебе смс слать? Тогда не будет времени на работу.

И тут я выдохлась, вопросы закончились все разом. Как говорит складно. Такой уверенный ответ и мне эта уверенность плавно передавалась через наши соединенные местами тела. Железная логика, ничем не пробьешь. Вообще ничем! Хоть головой бейся об нее. У Димы непробиваемые всегда аргументы. И вдруг мне самой со стороны показалось свое поведение донельзя глупым. А отчего я сама не написала, я вроде не отличалась всегда особым стеснением.

— Я пытался поговорить с тобой на этом приеме, на экскурсии хотел время провести с тобой, а ты опять сбежала, — укоризненно сказал, прислонил теплый лоб к моему.

Носом провел по моему, как бы в легкой ласке. У него иногда проскальзывали животные, непонятные ласки. Ему всегда нравились прикосновения и если даже мы просто говорили, всё равно постоянно прикасался ко мне, чтобы чувствовать.

— За то, что обозвал — прости, не удержался. Но ты позволяла сегодня всем смотреть на «мое» тело. Разве я много требую, не демонстрировать то, что принадлежит мне? Я хочу один видеть тебя голой, а ты каждому неудачнику дала попятиться на свою грудь. Если бы ты просто приехала, я был бы рад, но не с ним. Ты должна понимать, насколько сильно я его

ненавижу и при этом не могу избавиться от этой ненависти... — Дима прокашлялся когда говорил. Понятно, попытался замаскировать очевидную угрозу по отношению к человеку. — Он твой первый мужчина?

Не смогла ровно смотреть Диме в глаза, скосила на лестницу. Кивнула на вопрос и еле слышно ответила:

— Всего два раза и больше у меня ни с кем не было, кроме тебя.

Раз двадцать пожалела, что тогда настояла на этом маразме с Лёнкой, полюбопытствовала называется. Лучше бы девственницей была, проблем бы меньше было. Не знаю обрадовал Диму этот факт или нет. Попыталась прочитать ответ на лице.

— Хорошо, — ответил, но видно, что не успокоил этот факт, потому что на лбу эти злые морщинки и голос очень четкий, выверенный. — Он твой друг детства, любовник и отец твоих детей, как я могу спокойно на вас смотреть? Не думаешь об этом?

Несколько секунд стойкого молчания, мне кажется я слышала колыхавшуюся воду об стекла отеля. Теплые руки посильнее сжали меня в объятиях. Носом опять провел по шее, и одновременно прихватывал кожу губами. Зверюга....

— Пойдем в номер, а? — чувствовала как раздвигались губы в улыбке на коже шеи.

Соблазнитель. Запудрил мозги, а теперь вернулся к тому же на чем и остановились.

Я не ответила, потому что сейчас был, пожалуй, лучший момент, чтобы кое в чем признаться. По поводу детей во всяком случае

— Дим, это... -

Губы его закусил кожу мою шеи и так остались, замерли без движения. Дима вдруг резко оторвался от меня, и посмотрел пристально в глаза:

— Только не говори, что месячные...

— Да нет же! — возмутилась я.

Не возможно с ним разговаривать, об одном мысли крутятся. Как хотелось его ущипнуть за крепкое плечо, чтоб взвизгнул. Правда не представляла Диму визжащим. Все бы отдала, чтобы это услышать.

— Поставь меня, наконец, спине холодно от стены, — теплые руки поплотнее поддержали и прижали к себе. За спиной больше не чувствовала прохлады. — Поставь на землю, я как макака на длинном дереве!

Шарах. Дверь сбоку от нас раскрылась, и мы с Димой синхронно обернулись в ту сторону. Паша с открытой дверью в проеме.

— Эттттт.т.т.то как? — брат закрыл дверку за собой. Ладонь поднял ко мне и Диме. Когда-то Паша уже спрашивал, как так получилось, что я подписывала с Димой брачный контракт. Я ответила в похожей манере и сейчас.

Пожала плечами и выдала осипшим внезапно голосом:

— Вот так!

А потом повернулась к Диме, и сказал, чтобы сам объяснял.

Дима и ответил:

— Люди здесь пытаются любить друг друга, а ты им мешаешь!

На что Паша скромно сделал шаг назад и прикрыл дверь с той стороны. Наверное, это от шока. Или подумал, что лунатик, а сейчас увидел странный сон. Решил избавиться, видимо, от его влияния перед глазами.

Глава 15 "Поцелуй"

Развязка начинается в этой главе)

POV Вильмонт

Готовилась к вечеру в номере, конечно, одна. Как только Паша вышел с лестницы у Димы возникла тупейшая мысль, озарила его в тот момент, когда нас увидел брат. И вот какого была мысль: Можем в номер и не идти, и здесь можно, я тебя скомпрометирую и, как истинный джентльмен, буду вынужден жениться. И твой папаша ничего не сможет противопоставить. Подумаешь, побудем героями сплетен пару дней».

В тот момент я впервые усомнилась в умственных способностях Дмитрия Сергеевича. А мысль просто поговорить с моим отцом у него видимо не возникла.

В восемь предстоял официальный ужин, море сплетен, какие-нибудь приглашенные артисты. Честно, устала от этих пирушек, поскорее бы домой.

Оделась гораздо приличнее. Плечи открытые, от груди до пояса плотная ткань, поддерживающая осанку, а поясок очень крепко завязала, должна быть у меня хоть талия тоненькая, а-то ходят прекрасные стройные Аристократки — тростинки. А я рядом с ними как-то округлее смотрюсь, не так гордо. Ниже талии ткань была свободная, струящаяся и достигала колен. Сама приличность, как и хотел Дима. Волосы собрала высоко на затылке. Будем привлекать внимание к чертам лицам легким макияжем. Цвет платья, как у моих глаз.

Готовилась уже к выходу, Лёня пришел встречать. С Дмитрием Сергеевичем обговорили этот момент — идти придется по парочкам, как и прибыли на остров.

Хотела выйти из номера, когда застал звук смс. С удивлением обнаружила надпись Дима, как быстро сделал выводы. Улыбнулась экрану телефона, пока не успела выйти.

«Неплохая мысль с смс-ми. Поскольку близость нам запрещена, пока не решим все вопросы с Юлей, как ты сказала, требую интим по телефону. Давай фотки — в белье, а потом голый.»

Руку с телефоном опустила по бедру, поймала в полумраке комнаты свое отражение в стекле и засмеялась неволью. Кому в руки я попала? Похотливому животному. Следом пришло смс от него же.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«и видео присылай. И себя не забудь поласкай»

Непробиваемый человек. Вспомнил свои делишки, как заставлял меня развлекать себя в виде Ананиной.

Я побыстрее сфотографировала себя в платье, стоящей в номере, и бегом рванула на выход. Как будто сейчас рука Димы меня остановит и заставит лечь на кровать и прислать ему более откровенные фотки.

Отослала изображени с текстом, что уже вышла. На что пришел ответ.

«Еще лучше. Значит ночью, захмелеешь, и я мысленно с тобой... в твоей кровати.»

С живой не слезет ведь, пока не удовлетворю его «хочу».

Лёню встретила бодро и с широкой улыбкой на лице, друг порадовался моему приподнятому настроению.

Вечер должен пройти другой части острова, в высоком стеклянно-черном отеле, на десятом этаже.

При входе в прохладное помещение встретились с нашими отцами. Они стояли в уголке хола, возле кадки с цветами и о чем-то серьезно разговаривали. Я способна понять по жестам отца, когда он чем-то недоволен. Папа рукой с часами потирал подбородок, массировал успокаивающе, пытался будто собраться с мыслями. А дядя Иосиф рассказывал папе что-то, вероятно доказывал какую-то мысль, ладонью настойчиво махал перед собой. Делая намек «Понимаешь, Серега! Вот так». Я разумеется не слышала, слов, но дядю Иосифа не первый день знала и его жесты отмечала при общении.

Повернулась к Лёньке, он со знакомым здоровался в это время. Подтолкнула друга в руку:

— Не в курсе, они ссорятся? — кивнула на отцов.

Ань, — недоумевающе окинул друг мой вид и усмехнулся. — Они сегодня поссорились, завтра сидят Джека попивают вдвоем. Они со школы два собутыльника! — шепнул на ухо, при этом приобнял за талию и рукой мой кавалер показал вперед, намекая чтобы я шла.

Убрал бы ты, Леня, ручку, а то мало ли без конечности останешься к концу вечера.

Это был очень долгий вечер, ели мало под вспышками фотокамер. Пили прилично.

Много пафосных речей, шум, музыка.

Морально устала, развалилась на стуле, рядом Лёнька сидел и развлекал целый вечер, выполняя свою работу — следить, чтобы улыбка не пропадала с моего лица. Шутил иногда для этого.

Когда танцевали позднее вечером, стояла в ожидании заказа возле стойки для себя и Саши. Тогда же Дима локтем, как бы нечаянно, задел мою грудь.

— Прощу прощения, — насмешливо сказал.

— Что вы, Дмитрий Сергеевич, — улыбка просилась на уста. — Это я была невнимательна... раскрылатилась здесь... - рядом люди разговаривали. Мы у всех на виду.

— Ваш заказ, — бармен поставил на стол напитки. Надо было взять, по пока Дима делал заказ, не хотелось уходить.

И я была в раздумьях, остаться или уйти? Дима решил видно за нас, подтянул решительно меня за талию к себе боком, и мой нос уткнулся ему в рубаху на уровень груди. Приятные объятия укутали теплом. Я плотнее прильнула к его телу. Вот... кажется мы дали всем знать, что между нами происходит.

Именно в этот момент очень захотелось произнести три слова, но музыка была достаточно громкая и пришлось бы кричать.

Чаще всего тем вечером на соседний стол посматривала. Юля порой бросала на меня заинтересованные взгляды. Прости, дорогая, лично против тебя ничего не имею, но в любви и на войне, как говорят, все средства хороши. Диму раньше встретила и я с ним намучилась. Можно мне немного любви от него получить, а не ненависти?

Дима на месте? Да. Смеялся с Саньком. Он ведь не про меня сейчас рассказывал с самодовольным выражением лица? Хвались, сколько хочешь. Словно почувствовал мой взгляд, не скрыл едва уловимой улыбки и главное очень многообещающей. Такой взгляд обычно не давал заснуть до самого утра. Дрожь прошла по телу вместе с пузырьками шампанского по гортани и желудку.

— Ань, нам надо поговорить, — Шмонт внезапно заговорил на ухо, я отвернулась от Димы. Какой серьезный Лёнька. Что это с ним?

— Конечно.

Прохлада неожиданно подействовала на голые плечи и ноги, заставила немного

поежиться. Мы вышли на балкон, под свет фонарей, с предлогом покурить.

Улыбка Лёньки, как приятное поглаживание по спине, всегда было тепло и приятно от этого. Хотелось улыбнуться и в ответ, подарить комфорт и ему.

Идеальная тишина, ночь не спала и океан. Идеальная романтика между нами, но это не то... Леня... это не то, что казалось любовью. Это дружба, комфорт, доверие, симпатия, вместе прожитые годы. Вот это — что. Мое сердце не дрожало сейчас в предвкушении удовольствия и любви. Оно спало в чужом присутствии либо, как сонное тихонечко билось. А рядом с Димой оно всегда бодрствовало.

Интересно, Дима видел наш уход? Наверное, придется отчитываться.

— Покурим? — друг показал сигарету в зажатых пальцах, горящую ярко-оранжевым огнем, при этом отвернулся к океану.

Здесь очень высокая точка.

— Нет, я вроде не курю, — подошла ближе к перилам и вдохнула с удовольствием приятный свежий воздух. — О чем хотел подискутировать? Я думала ты забыл обо мне? — сказала ему в укор. Не сдержалась.

Лёня настолько долго бросил меня, даже не удосужившись, узнать о моем здоровье. Почти год молчал, а теперь ему нужен разговор.

— Мне плохо, Вильмонт, — странно слышать эти слова от него. Жалобно внутри что-то отдалось. Он мне родной человек.

Шмонт смотрел в ночное, освещенное пространство острова.

— Что-то случилось? — я перестала смотреть на друга, любовалась видом за перилами. Прекрасное место, живописное, отсюда видна темень океана. Огромный мост, соединявший Арзонт и остров, как путеводная нить смотрелся.

— Мне плохо без тебя... — я удивленно обернулась на него.

— Да ну? — насмешливо спросила. — Леня, ты о чем? Модельки перестали удовлетворять?

— Перестань, разве это когда-то тебя трогало? — действительно.

— И что ты хочешь сказать?

— Только то, что сказал, — холодно ответил, пряча глаза в темноте. — Ты встречаешься с Хаски? — наконец, повернул голову ко мне и любопытные глаза.

— Да. Есть такое... — Лёня начал посмеиваться. Хихикать, как мальчик-дурачок..

— Ты меня больше не любишь? В чем дело, Вильмонт? — резко убрав насмешку, спросил у меня. — Ты меня больше не любишь? — я молчала на его вопросы. — Вильмонт?!

Ну что тебе надо знать? Сказать в лицо? Услышала подозрительный звук, шорох сзади. Не поняла, что это, сейчас было важнее объясниться с Лёнькой.

— Я люблю тебя, Леня, но не... — начала я. Но друг, подняв указательный палец к губам, показал, чтобы помалкивала.

— Поцелуй меня, — тихо сказал, я почти по губам прочитала.

Хотелось сказать, да не пошел бы ты со своими просьбами, после того, как бросил на год, после того, как мне жизненно необходимы были друзья из-за аварии.

Я проглотила злые слова и... сделала шаг. Один, второй, потом прислонила левую руку к колючей щеке и поцеловала Лёню. Но мои глаза были открыты по-прежнему и изучали друга. Языком при это я провела по его губам и почувствовала ответное, одобрительное прикосновение. Лёня обнял меня за шею мягко пальчиками и углубил поцелуй, сделав его чуть острее и жаднее.

— Вильмонт, нормально? — вздрогнула от знакомого голова. Я развернулась, отрывая предательские губы от Лени и удивленно посмотрела на Диму, застывшего при входе на балкон с руками, спрятанными в карманы брюк. — Что это значит? — его голос был сильнее, чем голос солиста за закрытой дверью.

— Это... это не так... — попыталась объяснить. Слов не могла найти, чтобы объяснить. Сердце в груди забарабанило, словно об твердые кости ребер, и звучало громко в голове. — Это правда не так, — отошла от Шмонта чуть дальше.

— Ты уж определись будь добра, — насмешливо произнес и я поняла, что Дима опять нацепил на себя грозную маску зверя.

— Хаски, увидел жену в объятиях любовника, умоляю, кончай устраивать театр одного актера? — Леня в момент стал какой-то подозрительно шипастый, колючий и такой вредный, что мне захотелось впервые, наверное, в жизни ему рот прикрыть ладошкой. Непозволительно он ехидный.

Дима опустил взгляд вниз и одновременно поднял правую руку вверх. Пламя ярко вспыхнуло по всей голой руке до рукава рубашки и продолжало лизать его кожу. Потом Дима приподняв насмешливо уголок губ вскинул взгляд твердо на Шмонта:

— Я, к сожалению, не могу тебя сейчас выкинуть в открытый океан через перила, но твою смазливую морду подкорректирую однозначно.

Шаги Димы были медленные, но широкие. С поднятой рукой, готовой вцепиться в добычу он шел к Лёне.

Ветер сильно загудел в ушах, стало ужасно страшно и не знала, как лучше повести себя. Попытаться остановить? Дима не управляем, и я сама виновата.

Дима остановился рядом со Шмонтом, развалившимся на перилах спиной, руку держал перед ними, как яркий пылающий меч всевышней кары.

А Лёня опять улыбнулся, прежде чем насмешливо заговорил:

— Ты знаешь она меня любит, вот и бесишься. Смирись, Хаски! Твоя невеста ждет тебя в зале, вот та — тебя и любит!

Видела как сильнее сжал кулак Дима. Пламя потрескивало в воздухе, разгораясь от дуновения ветра. Убьет? Только бы не убил. Но ощущение, что сейчас близился финальный взрыв, если в течении дня были искорки, то сейчас они вспыхнут. И я не представляла, что будет после.

Пшик. И пламя перестало ласкать руку Димы. Он опустил ее вниз по бедру:

— Да, ты прав, — услышала тихий вывод. — Ты...прав.

Удивленно смотрела со стороны на обоих мужчин. Резкий разворот и, не глядя на меня, Дима пошел на вход с балкона.

— Дим! — позвала, а он пренебрежительно окинул меня взглядом. И вышел с балкона, дверь стукнулась слегка при закрытии, как молоток судьи, приговоривший к наказанию. — Дим! — Громко выкрикнула и почти бегом насколько позволяли каблуки направилась за ним.

— Стой, Аня, мы не договорили, — расслышала со спины голос Шмонта. Замерла на месте, ожидая продолжения.

— В чем дело, Лёня? — обернулась к другу и увидела довольный взгляд

— Не злись, он тебе не пара... — да ты что? Хотелось гаркнуть. Но мне сейчас важнее вернуться в зал и объясниться с Димой.

С трудом сдержала желание набить своему любимому другу морду, на него совсем не

похоже такое поведение. Пошла к выходу.

Окунулась в тепло аплодисментов. Закончилась песня судя по всему. Мое появление привлекло внимание людей, но я шла быстро сквозь ряды любопытных. Дима бросил на меня взгляд в самом конце зала и взял за руку Юлию. Вместе они направились к двери. Пошла туда же и не важно, что люди смотрели на меня, ведь шел концерт какой-то группы и я привлекала внимание. Поравнявшись со столами наших семей, увидела, как Польски резко встал и пошел наперерез. Схватил за локоть, чем приостановил мое передвижение.

— Что тебе? — прорычала на него.

Санек вытащил меня в коридор, но при этом сдерживал мое дальнейшее движение. Захотелось и его ударить, не только Шмонта. Почему нам все мешают?

— Да отпусти! — попыталась вырваться в абсолютной тишине коридора. На фоне опять раздались звонкие голоса музыкантов в микрофон. Санек позволил вынуть локоть из твердой хватки, но громко озвучил:

— Я тебя спрашивал насколько сильны твои чувства. Чувства Юли сильны, а ты видимо играешь...

— Почему я играю, Польски! — повысила голос на весь коридор. Показала в направлении выхода. — Куда уехал?

— Знакомиться с родителями будущей жены.

Перестала что-то понимать. Как так? Почему так обернулось? Так же все было прекрасно? Видимо Санек что-то понял по моему выражению лица. Я не могла понять, а он понял.

— Пошли, — резко дернул меня за ладонь, никто так не позволял себе меня брать за руку. Только Дима, а остальные боялись его величество разозлить. Пудель повел по темному коридору к лифту, там смотрел на мое безучастное лицо и пытался разгадать загадки. Но ни слова не произнес лишнего, ни о чем не спросил. А когда мы спустились мимо ресепшена на улицу по лестнице, к парковочным местам, то увидели черный ретс. Дима сел на заднее сидение, при этом мельком глянул на нас. За рулем машины — водитель, а Юля видимо уже там. Но больше Дима не удосужил нас взглядом и даже Санька. Я замерла, когда поняла после его равнодушного взгляда — вот сейчас наступил конец, финиш. Эти глаза не простят предательства с моей стороны.

Молча разглядывала плавно выезжавшую машину, слышала звук шелестящих шин по асфальту. Потом медленно развернулась обратно на вход к зданию.

— Ань! — позвал Санек, но я не обернулась, не хотела, чтобы меня видели такой слабой. И услышала отдаленно. — Диман, стой...

А я аккуратно ступала обратно ко входу, охранников игнорировала, не хотела, чтобы боль в глазах увидели остальные.

Больше ничего не надо. Сидеть с родителями за столом, с другом и теми, кто мне некогда казался самыми близкими людьми? Нет. Теперь поняла, что самый дорогой человек только что оставил одну.

На сообщения всем ответчу. Спасибо за ваше внимание, лайки, репосты, награды и сообщения. Приятных выходных.

Глава 16 "Анна Вильмонт"

Здесь немного мата.

POV Польски

Десять тридцать вечера. Ночь безветренная, теплая для января. Свет ярко горел в гостиной, совмещенной с кухней. Диван белый кожаный был повернут к окну, напротив висел телевизор во всю стену. Сбоку балконная дверь, она и была открыта. Окна также распахнуты и ветер теребил занавески.

Часть людей находилась за кухонными стульями, некоторые на диване, многие мужчины стояли или ходили нервно по ковру.

Здесь была самая разношерстная компания. И их совмещало только одно — Анна Вильмонт.

— Позвони ему, — Виталик вместе со мной на балконе курил. Мы старались говорить шепотом, чтобы не привлечь лишнего внимания.

— Зачем он здесь нужен? — спросил я, пепел попутно стряхивал в пепельницу, а с дымом очень громко выдыхал весь непонятный мандраж изнутри. Немного мысли спутались в голове, пока был не в состоянии начать анализ. Едва узнал последние новости.

Специалисты право охранительных органов перевернули квартиру в поисках не известно чего.

— Ему стоит знать... — продолжал давить Виталик, а я выдыхал на него раздраженно дым. Любил Виталик морали всех учить и добро распространять, как волшебная фея. Дс скрежета зубов раздражала его добродетель, как ему еще в душу не плюнули за добро.

— Ему стоит жениться побыстрее и подальше от Вильмонт! — очень выразительным твердым голосом озвучил я.

На балконе было темно, но звуки ночных насекомых или птиц звучали в ночи громко. Отдаленно слышны визг шин и рев моторов.

Квартира Ани наполнялась с каждой минутой все большим количеством народа.

— Он же пожалеет, — сквозь сжатую челюсть поведаль Виталик. — Сам знаешь. Женится от злости потом ведь все равно вернется к ней. Да не оставит он ее в покое! Как ты сам не понимаешь! — друг воскликнул чуть громче, чем надо. Чем мы привлекли внимание людей из комнаты.

— Что шумите? — выглянул Паша в открытую дверь через балкон. — Дайте тоже покурю, а то эта нервотрепка.

Виталик молча протянул сигарету, потом нервно сбросил на подоконник пачку.

Дело бы так. Александра Вильмонт вчера после острова решила переночевать в Арзонте, как раз в этой общественной квартире, где и Аня проживала. Но проблема до Ани не дозвонилась, а ключи у нее. Пришлось Саше ночевать у их двоюродной сестры Ирины, а на утро она вновь попыталась дозвониться до средней, безрезультатно.

Павел позвонил мне, не дозвонившись до Дмитрия, с целью узнать не видел ли его младшую сестричку сегодня или вчера ночью кто-нибудь.

Так мы с Виталиком оказались на балконе у Ани в квартире и вся ее семья в сборе. И никто не мог понять то ли она загуляла, то ли что-то с ней случилось. Поскольку Анна примагничивает к себе неприятности, выводы пока никто не сделал.

— Понимаю, Виталик, понимаю, — вдруг тихо заметил я, возвратившись к той теме, на которой остановились, по поводу от злости еще женится, а потом бросит все равно. Ну куда он денется от Вильмонт. Или она от него.

Поэтому я нервно ответил:

— Только мне нужен глава Хаски, а не какая-то размазня, которая будет постоянно из-за бабы тупить по каждому поводу. Юля бы ему гораздо больше подошла! — голос начинал повышаться. Набирал силу и мощь. Павел не встречал в странный разговор и помалкивал, закулив сигарету.

Я, наконец, вытащил из заднего кармана джинсов телефон. Замигал экран в следствие того, что на него начал злостно тыкать пальцем. Затем поднес телефон к уху и сказал прежде людям на балконе:

— И вообще почему никто не ценит, какой я замечательный, мать вашу, друг!!! — громко добавил. — Руку мне оторвать за этот звонок... — и почти сразу заговорил с абонентом. — Привет! Надеюсь, ты у невесты?

И я услышал странный, запыхавшийся голос, будто куда-то Диман направлялся, возможно спешил, звук каблучков ясно слышал по асфальту:

— Это вообще...у меня слов нет. Какого...твою мать... я здесь оказался? Ты...ты Санек, твою... какого бастарда я оказался в заднице мира? Это что было позавчера? Никакого дерьма не подливали нам в напитки? Очнулся, понять не мог где и что делаю? Передо мной две неизвестные хари и я на семейном, мать твою, ужине!

Я головой начал кивать, как тупая кукла, которая может только кивать репой. На каждое слово Димана одобрительно кивал. И почему я сука не удивлен? Веки приподнял высоко вверх и моргал, делая вид, что слушал. Руками при этом раздраженно размахивал словно собирался взорвать всех одним взмахом. Особенно бедного Виталика, который стоял напротив и смотрел на меня внимательно.

Диману не отвечал, рукой заслонил динамик и отсоединил трубку от щеки:

— А я о чем говорил? Не мозгом думает, а Бастард знает чем! — это относилось к Виталику, который сбоку слушал, закинув руки в карманы, и, присматриваясь к ночной темноте.

Потом вернулся к разговору:

— Где ты?

— Только прилетел, телефон появился в сети. А ну-ка найди мне ремень с бляхой потолще, сейчас драть буду кое-кого. И сладкую парочку тоже найди...

Я резко перебил похоже Диман вошел в кураж. После его маньячных мыслей иногда кровь в жилах стынет. Мастер физических пыток...ну собственно это понятно до взрыва небоскребов его знатно в жизни протащило. Большинство пыток на шкуре прочувствовал. Наследник семьи для многих нажива. А вообще и Сергей Хаски тот еще персонаж. Сначала не понимал, почему...отчего Диман так часто в задницу попадал? А потом просек в чем загвоздка... единственное, что защищало Димана это кольцо. Обойти эту защиту проще паренной репы для особенно умных. Лазейки можно найти везде при желании.

Отец не давал ему больше защиты, тем самым предоставлял возможность вырасти ему или скорее проверять выживет или не выживет. Твою мать, действительно. За Диманом я чувствовал невероятную защиту, этот ублюдок способен везде входы и выходы найти. Что уж говорить, если «вход» к Вильмонт нашел, хотя наворотил дел знатно.

Такой довольный Диман был на Острове, сидели мы в тот вечер и Диман вдохновенно

рассказывал о своей Аньке, при этом Юля через стул, а ему было чихать. Минут пять мне рассказывал, делился впечатлениями. Диман вообще не делится своими мыслями обычно, а тогда прорвало прям фонтаном изобиловал. Я помню спросил в конце его похвальбы «когда свадьба»? Развалился друг вальяжно, сказал не знает, будто бы равнодушно. Но так самодовольно, что я засомневался действительно в равнодушии. Говорит, чем меньше давит на нее, тем быстрее Анька сама лезет на него. Предположил, что месяцок помолчит, и она сама плешь проест со свадьбой. Я смеялся остаток наверное вечера, без мыла человек пролезет сквозь щель под дверью.

Если бы Диман был совсем уж уродом, не стал бы ему служить. Вот Вильмонт Павлику точно не стал бы, с ним нянчиться надо, а не идти рука об руку.

Что-то отвлекся от маньячных мыслей Димана по устранению...

Резко перебил прилив говорливости друга:

— Езжай к Вильмонт домой. Я здесь, — и гробовое молчание. Повесил трубку что ли? Отнял телефон и проверил, разговор вроде шел. И вдруг дошло, озарила мои мысли прекрасная догадка. Опять ревнует! — Я здесь не затем, зачем ты едешь! Короче жду!

Трубку сбросил и опять начал размахивать раздраженно руками:

— Виталик, не влюбляйся, пожалуйста, двоих идиотов-друзей не вытерплю...

— Он не поехал к невесте? — спросил Дорадо в ответ, пропустив мимо ушей мое раздражение.

— Поехал, точнее полетел, потом прилетел. И сел на следующий рейс сразу обратно. Сейчас едет сюда... Вот такой у нас идиот друг. Только время постоянно тратит драгоценное...

Павел неожиданно влез в разговор:

— Кстати, а вы не в курсе, что между моей Анькой и Дмитрием вашим?

Мы с Виталиком синхронно повернули головы друг к другу. Мысленно пришли к обоюдному выводу и я его озвучил:

— Меньше знаешь, крепче спишь, — повернулся с улыбкой к брату Ани и хлопнул его по плечу, затем развернулся на выход с балкона. Ушел раздраженно, шлепая по паркету в туфлях, потому что обувь никто не снимал в помещении.

Спецы что-то вешали громко на всю квартиру.

Мужчины особого назначения в спортивной форме для выездов, с папкой в руке делали необходимые для дела заметки. Ходили по периметру комнаты и изучали более подробно обстановку и людей. А мы все смотрели и слушали.

Минут через пятнадцать в дверь коротко бахнули кулаком, и она растворилась впуская налету Димана. Никто не ожидал его увидеть, а он — остальных. С раскрытой дверью застыл, при этом ногой наступил на коврик, а вот второй так и стоял в проходе. Медленно оценивал обстановку.

— Проходите. Дверь закройте, — мужчина с папкой обратил на себя его внимание. — Присаживайтесь, — указал на диван, который был заполнен народом.

— Какого бастарда здесь происходит? — Диман закрыл плотно дверь за собой и приостановился, руки в карманах джинс. Когда он нервничал начинал ругаться и сейчас злился. — Я к Вильмонт пришел. Что за сборище?

— Молодой человек. Здесь следствие, поэтому будьте добры либо слушать и отвечать на наши вопросы, либо удалиться. Не мешайте процессу, — Дима сделал несколько неуверенных шагов.

— Где Вильмонт? — настаивал на своем, окинул взглядом людей на стульях за столом, на креслах по середине комнаты, на диване. Здесь все семейство Вильмонтов.

— Если вы имеете ввиду Анну, то ее местоположение мы и пытаемся вычислить, — Диман рухнул на подлокотник рядом со мной глянул сверху вниз.

— Какого...? — обратился напрямую ко мне.

— Александр Польски, — перебил работник специальной службы и обратил на себя мое внимание. — Вы видели куда направилась Анна после парковки?

— По направлению к зданию, где и проводился вечер, — устало вздохнул я.

Как бесят эти мелкие щенки. И ведь это же мои мелкие щенки. А допрашивали меня, потому что я один из свидетелей и потенциальный опять же подозреваемый!!! Меня! Меня Капрала Разве... А ладно. Работа у них такая.

Перебил на следующем вопросе допрашивающего. Только тот хотел что-то спросить, а я ответил сразу предугадывая вопросы:

— В десять часов примерно тридцать пять минут, мы распрощались с Аней на парковке. Она поднималась по ступенькам, а я пытался дозвониться до Дмитрия Сергеевича и приостановить его отбытие. Минут через пятнадцать я также вернулся на вечер. Анну Сергеевну видел еще несколько раз за тот вечер, насколько знаком с ее характером сделал вывод, что она расстроена. Сидела за столом с родными и пила, кажется, шампанское. Мало разговаривала. Больше подсказать не могу. Я отбыл отдыхать примерно через час от события с девушкой. Эта дама мое местонахождение может подтвердить.

Мужчина записал показания, а потом обернулся к Диману:

— Я так понимаю вы ее любовник?

Тот пожал плечами и только снисходительно фыркнул в его адрес, расслабился и распахнул кожаную куртку и сбросил с плеч, оставшись в легком свитере и джинсах. Это в какую задницу мира его действительно отправило, если пришлось согреться одеждой?

Услышал ответ:

— Понятия не имею, кто я. Я бывший любовник. Бывший жених. И нынешний наверное любовник А вот он, — Хаски внезапно указал пальцем в бок от себя в кресло, находившееся перпендикулярно. — Постоянно нам мешает. Вот постоянно его рожа возникает там где не надо. И он меня давно бесит. У него спросите, где Аня. Я его лично видел последним с ней в тот вечер. Он целовал ее на балконе, в следствие чего мы с Аней повздорили опять...

— Действительно, — мужчина один на заднем фоне вдруг всполошился. Мы резко обернулись к нему. — Из ресторана Анна выходила с Леонидом Шмонтом. Время на камере зафиксировано 23:50 на выходе.

Этот же мужчина подошел к кухонному столу, взял оттуда переносной компьютер, играючи пробегаясь по кнопкам. Медленно развернул экран ко всем, пальцами расширяя экранную сетку. На изображении становилась все виднее Анна, на плечи которой Леонид забрасывал теплую, вязанную кофту и вел ее куда-то. Голоса не возможно слышать.

Они сели в такси на парковке острова.

Мужчина вновь поковырялся в компьютере.

— Вот еще!

На экране написана та же цифра — 23:50. С прокруткой посмотрели около пяти минут. Пейзаж один и тот же Шмонт в ресторане, выпивал, общался и даже танцевал с кем-то.

Леонид был тут же сейчас среди массы людей, удобно располагался на кресле, руки на подлокотниках, нога на колено другой заброшено.

— Аня в ту ночь захотела пойти прогуляться, я предложил проводить, на что она вскипятилась, и сказала желает побыть одной. Больше не видел ее.

— Обёртыши — первым озвучил я. — Прикольно, ну тогда сто процентное похищение, значит, подготовились заранее.

Мужчины — спецы согласно кивнули, подтвердив мой вывод. А я поднялся с дивана и начал движение по ковру рядом, изучал обстановку и мебель, включал логику, мандраж прошел, цели заданы, подсказки есть. Нити сплелись в один клубок, слишком запутались концы, будем расплетать.

И я начал вслух произносить:

— Обертышей около пяти процентов населения, вряд ли всех просканируешь, можно конечно, но за это время с Аней могут сделать всё, что угодно, она у них почти два дня уже...поэтому... к бастардам... Какая у них цель может быть?

— У нас версия, что это продолжается то, что было год назад. Правда мы проверили по возможности Трески. Никто из них ни разу не пересекал границу. Ближайшие родственники не имеют склонность к обертыванию, — отчитался мужчина.

— Не стоит списывать со счетов, что кому-то нужна именно сама Аня, ведь каждый раз противоборство Хаски и Вильмонтов, а страдает она одна. Не Хаски, а она. Но версия, что женщину проще достать, чем наследника Хаски — тоже не откладываем, — не заметно я взял слово и стал расхаживать туда-сюда по квартире. — Кто в ее ближайшем окружении? Кто, насколько хорошо ее знает? — обратился взглядом ко всем.

— Наверное, девочки, — указал на трех бастардов. Машу, Кристину и Волчицу, те старались не подавать признаков жизни в присутствии огромного количества Аристократов. — Подскажите, кто в ее жизни присутствовал часто? Чем она занималась в жизни?

— Эмм, — Волчица взяла слово. — Насколько знаю она работает у Миши Ангельского в управленческом центре...

— Кстати Ангельского проверили? — обратился к оперативникам.

— Да, он у Баллийцев три дня как. Поехал на большие праздники. Вы же знаете отец перенес очередную операцию...

— Ясно. Что там дальше, Волчица? С кем она дружила, кто ее не любит? — продолжал задавать вопросы.

— Не могу точно сказать. Миша за ней ухаживал. Она ездила с ним на выставку насколько знаю, вроде ничего серьезного. Коллектив на работе у нее женский, ни с кем не ссорилась. А только мамаша Ангельского ее люто ненавидела. Она же не знает, кто такая Аня. Вечно ее поливала грязью, вертихвосткой называла...

— Надо всех женщин, работающих в ее кабинете допросить, — обратился к одному из спецу, словно поняв приказ, отправился выполнять или скорее звонить вдали комнаты.

— Дальше? Любовник есть, или был в ближайшее время? С кем связи поддерживала?

— Со мной, с девочками. И вроде с Ириной они раз в месяц встречались у нее дома, — Волчица показала пальцем на двоюродную сестру. — Эй она тоже все тайны рассказывала. — Любовника у нее нет уже давно.

— Вот он! — как всегда Маша громко сказала и кивнула на притихшего Димана.

— Это уже выяснили, — кивнул я, а Диман пока не отмирал и изучал Бастардов с совершенно отрешенным выражением на лице. Может вспоминал что-то или анализировал. Не знаю. И я продолжил наводящие вопросы:

— А как насчет врагов? Кто ее может люто ненавидеть. Зависть, ревность? Мдда. Тут Аню может ненавидеть каждый второй, — почесал я подбородок задумчиво.

— Да, — подтвердила Саша усмехнувшись. — Я ее порой ненавижу. Так представьте, сколько женщин ее ненавидит? Ее половина класса ненавидела, представляете богатенькая дочка. Я молчу про девочку с ринга. Ее родственники пожелали ей гореть в аду...

— Поподробнее, — обратился весь вслух. — А ты записывай все имена, которые здесь упоминались, — обратился к тому мужчине спецу, который до этого времени записывал данные в тетради и вёл следствие.

— Это давнишняя история, — подал голос задумчивый глава семейства Вильмонтов. Он сидел, рукой придерживаясь за подлокотник дивана, держа другой пальцы жены. — Аня 5 защищала. Я ее заставил пройти обучение на самозащиту и атаку. Вовремя одного из боев по неопытности Аня убила соперницу.

— Это обычный случай, — вмешался Диман. — На ринге постоянно кто-то умирает.

Только не забудь на мужском ринге. Женщин мало участвует в боях. И это не значит, что родственники погибшего не желают мысленно убийце своего дорого человека умереть в сточной канаве.

— Хорошо. Имя девушки? — встрял я.

— Шемиц Элиза, — ответил Вильмонт на вопрос.

— Ясно. Еще кто и что знает? Странные события? Что-нибудь необычное. Хоть что-нибудь? — взмолился я, не переставая ходить по ковру взад и вперед. Мысли ускользали, ниточки не зацеплялись, никак не мог нащупать их конец, чтобы начать распутывать.

— Знаете... — внезапно самый тихий голос раздался. Все стихло. На младшую, рыжук Вильмонт обратили внимание. — Были странные случаи, которую кажется Аню всегда пугали. Но они были редки, поэтому она успевала успокаиваться и никому особенно не рассказывала. По нелепой случайности я была свидетелем этих трех странных звонков. Они происходили совершенно с разной периодичностью, не знаю от чего зависели. Ей кто-то звонил и просто дышал в трубку.

— Алис, девочка моя, — насмешливо произнесла Александра. — Мне вечно звонят мужики и дышат, как ишаки, в трубку. Они любят простонать в трубку. Поклонник очередной. Я думаю таких звонков было больше, чем ты думаешь! — Саша положила руку на колено сестры и хлопнула ободряюще.

— Да нет, Саш, тут не так. Он просто молчал не разговаривал. Звонил и молчал в трубку, если Аня сбрасывала он повторял звонок. Она пыталась с ним поговорить, но он не отвечал. И ты сама знаешь Аня не из пугливых, а эти звонки ее пугали. И последний к тому же звонок похожий был примерно год назад. Помните я попала в больницу, когда упала с лестницы, в один день маму заменяла Аня и ночевала со мной. Ей позвонил номер неизвестный, Аня взяла трубку и наговорила много нехорошего, дерзкого... и сбросила. А потом ей ответили смс. И это честно говоря сложно передать словами, что там было написано. Про гениталии, кому куда запихнут, как ей выпотрошат кишки и все просто настолько красочно. Честно говоря, я очень испугалась прочитав. Не знаю, как Аня уснула, но я с трудом тем вечером. В тот же день она в обморок у меня в палате упала. Врач заходил и откачивал ее нашатырем, в связи с этим мы как-то и забыли про звонок. Ей диагностировали анемию...

— Это не анемия, — улыбнулась Ирина — сестра до этого молчавшая. — Это видимо была беременность. Гемоглобин понизился вот ее и штормило. Меня тоже штормило первую

половину беременности...

— Кстати, — пока слушал всю информацию я так и не смог зацепиться. Остался еще человек, почти не участвовавший в беседе. Пора рисковать — вытащить эмоции людей на свет. Заставить злиться, и тогда подробности обычно вылезают наружу.

— Шмонт, скажи почему ты соврал Диме по поводу отцовства?

Спасибо всем за терпение и за внимание к книге. За сердечки, репосты и сообщения.

Спасибо за награды Виктория Чулкина

Спасибо за перышки Ольга, Светлана Сантимова, Olinelin, Аня Лисова

Глава 17 "Зверята"

Какие у меня умные читатели))) не обхитришь вас.

Приоткрываем тайны в этой главе, а оставшиеся — в следующей.

Приятного прочтения, надеюсь всё будет понятно.

— Шмонт, скажи почему ты соврал Диме по поводу отцовства?

Кто-то на фоне разговаривал, но услышав вопрос резко замолчал. Правильно, чем неожиданнее, тем лучше. Вероятно многие не знали об отцовстве.

— В смысле? — усмехнулся Леонид, убрав от лица руку, которой до этого подпирал подбородок.

— Я спрашиваю почему ты сказал Диме, что это были твои дети? Что отцом Аниных малышей был ты? — тот мгновенно переключил взгляд в бок. На Дмитрия. Взгляд того сжигал, горел оранжевым пламенем. Цвет глаз оставался голубым, но я думаю, если прыснуть бензинчику в воздух, взлетим к ХЕРАМ (к бастардам)

Неожиданно... Диман не знал!?

— Тебе Анька не сказала? — удивленно спросил у друга, тот переключил взгляд на меня. А теперь эти голубые глаза по цвету очень напоминали лед, да и по ощущению мгновенно захотелось провести руками по плечам и спугнуть воздействие холода.

Зря спросил, хорошо, что Шмонт ответил, правильно пусть его бьют лучше:

— А кто же по-твоему? — усмехнулся Леонид, опять уголочком губ дернув вверх. Сама расслабленность и хладнокровие. Я бы подумал не боится, но голос изменился по тональности, писклявым на секунду стал.

— Как кто? Тот, кто готовится тебе челюсть сейчас свернуть и очень ждет от тебя правильного ответа! — Улыбнулся я.

Обожаю людей подпирать к стенке, еще чуть-чуть и сознается даже в том, что является каким-нибудь серийным маньяком.

Шепот всколыхнул идеальную тишину, после моих слов люди начали шушукаться между собой и видно интересовались правдивостью утверждений.

Сначала последовало гнетущее молчание от Леонида, а потом он протяжно выдохнул:

— Хорошо. Аня попросила так сказать. Она не знала, как от Хаски отвязаться, поэтому попросила всем сказать, что я отец ребенка.

Диман убрал взгляд в пол, руки сцепил в замок перед собой и затих подозрительно, в бой пока не рвался.

— Отец не ты? — уточнил.

— Не я, — дал ответ Шмонт.

— Хорошо. Тогда ответь мне почему Аня была удивлена тем фактом, что Дима не знал об отцовстве? Запутанный клубок не находишь? И ты его запутываешь намеренно.

— Не знаю, — покачал головой Леонид. — Ты меня сейчас пытаешься уличить во лжи? Вильмонт знать не желала Хаски и молила меня спасти от него... — указал на Димана пальцем. — Она чуть не свихнулась от этой свадьбы.

— Да? — покивал головой, будто согласившись с ответом, руки скрестил и встал сбоку от кресла со Шмонтом, глядя на потенциального подозреваемого сверху вниз. — А у меня

сложилось впечатление, что Аня расстроилась, ведь Дима бросил ее в больнице и не поддержал после потери их детей?

— Это она тебе рассказала? — спросил Диман внезапно, прервав мою речь.

— Как раз двадцать минут об этом говорили на выставке. Я просил ее не рассказывать тебе об отцовстве, иначе ты бы опять начал ломать голову. А чтобы? Если? С Юлей у вас всё хорошо было, — передразнил Хаски с его извечными вопросами.

Друг выслушал, повернул голову в сторону Шмонта, несколько секунд пытался парализовать того взглядом. А потом резко встал с места, разворачиваясь на девяносто градусов.

С двух ладоней подал вес на спинку белого кресла, переворачивая его назад.

Шмонт попытался заблокировать падение, выставив две ноги вперед. Хотел пнуть соперника в грудь или живот.

В ответ Диман взмахнул ладонью, чтобы убрать ноги от себя, но нет. Энергия не сформировалась на кончиках пальцев. Один воздух скользнул по руке. Ноль энергия — здесь нет энергии.

Две ноги угодили в живот Диману, но тот почти не вздрогнул, остался стоять на месте. Кольца также как и энергия здесь не работают — энергетические оболочки не появляются.

А Леонид, в полете назад, успел сгруппироваться и удобно приземлиться на две ноги, сделав кувырок. С грохотом кресло упало на пол, вызвав небольшой шум. Возникли недовольные голоса. Один из спецов хотел видимо зажать соперников в тисках рук или попытаться иным образом приостановить.

— Не останавливай! — я сделал жест — указательный и средний палец сжал между собой, и направил вверх к потолку. Это означало, что надо остановиться и не мешать.

Т-олько ударь, — пригрозил Шмонт. — Твою рожу совершенно точно отшлифую!

Леонид корпус чуть опустил вниз, ноги в присяде и отступал медленно рядом со стеной, мимо входной двери.

— Попробуй, — Диман шел тараном, почти не заметил выставленные перед ним руки, проигнорировал зажатый кулак, летящий в челюсть. — Я совершенно точно уверен, что Аня не могла так себя повести. Она сама выбрала меня и не стала бы так делать. Если бы я ее не устраивал, она бы сказала, а так... это слишком низко для нее! Я лучше глазам не поверю.

Диман сделал резкий рывок вперед, согнувшись вниз.

Словил ногу соперника внизу и потянул наверх, лишив равновесия Леонида. Злость делала из Димана чудовище. С грохотом спиной Шмонт ударился об пол, за череп схватился сзади и зажмурился, будто ему рассекли, как минимум голову.

— Дмитрий! — я услышал зов Аллы Вильмонт, та была рядом на диванчике и ей, наверное, не очень хотелось наблюдать драку. Но мой друг разошелся, потому что не слышал.

Он заговорил с вибрирующим голосом, будто дрожащим:

— И ты недоносок моих детей посмел назвать своим поганым ИМЕНЕМ!!! -

Е-мое! Я аж за волосы чуть не схватился, когда увидел как Диман сделал прыжок с двух ног, приподняв одно колено. Вес тела подал вверх над уровнем пола и со всем весом целился в грудь Леониду. Он ему ребра ломает.

Шмонт резко распахнул глаза и перекатился вбок на коврик. Звук Димановских каблучков, приземлившись на ломинат, прозвучал громко. Всё, что было стеклянное в помещении зазвенело, бокалы в кухонных шкафчиках, ваза на столе.

Бедные соседи снизу, у них люстра не обвалилась? Лучше Шмонту не вставать, молчать и не рыпаться. Быстрее утихомирят животные инстинкты соперника.

Диман подхватил и с разворота опрокинул тело Шмонта в стену, картина рядом жалобно покачнулась, издав странный скрип.

Женщины, как обычно, охнули.

Кулак он занес и с отдушиной всадил в живот Шмонту, а тот жалобно сник.

— Жаль...энергии нет, — пробубнил Диман. Наверное, хотел увеличить скорость удара по сопернику, но, слава всевышним, этого не получилось из-за отсутствия энергии. Трупы нам не нужны, но подраться могу слегка.

Тогда мы вздрогнули от неожиданности, когда расслышали гневный окрик мамы Вильмонт:

— Прекратите, пожалуйста! Мы Аню пытаемся найти, а вы устроили разборки! Давайте найдем мою дочь, а потом будем устраивать бои без правил!

Диман послушно ослабил хватку, давая сопернику сделать громкий вдох. И в тот же момент, когда Шмонт встал на ноги и остался свободен, то двумя боковым сторонами ладоней ударил Диману по шее.

Я увидел маленькие электрические разряды, голубоватые волны, которые от рук Леонида въелись в кожу Димана и током пробежались вверх по лицу. Видел, как вены на его виске вздулись резко и опустились потом, как шар, из которого изъяли воздух.

— Сучёньш! — Диман пальцами притрагивался к шее, а лицо его стало искореженное, будто теми самыми разрядами токами, на несколько злых отдельных черт, его лоб как бы выдвигался вперед, а подбородок уходил назад. Лицо сразу становилось острее, как у хищника, в момент захвата челюстями жертвы.

— Дмитрий! — взвизгнула Алла Вильмонт.

Друг как-то в момент всполошился, вздрогнул, кажется, обернулся на голос. Да, мне тоже показался голос очень похож на Анин.

— Я вас прошу, Дмитрий, давайте отношения вы с Аней потом выясните и со Шмонтом, а сейчас нам нужно найти ее.

Хаски прошел к дивану, приподнял рядом упавшее кресло.

— Прошу прощения. Он меня давно бесит! — попытался как-то отговориться. Ладони положил на спинку мебели, сжимая ее с силой.

Леонид пока пришел в сознание, поправил одежду и медленно направился к диванам и креслам, зло поглядывая на нашего главного драчуна.

— Шмооооооонт! — с дивана послышался голос спокойного Сергея Вильмонта и его глаза поймали в паутину Леонида, очень прочно зацепили. — Твой отец выставял здесь в Аниной квартире ноль энергии. В каждой комнате! — мужчина поднял правую руку ладонью вниз и, медленно преодолевая будто бы силу притяжения, стал опускать ее до своих колен в черных брюках.

Потом опять заговорил:

— Сейчас тебе должно было сплющить кости о пол, я увеличил гравитацию в десятки раз. Здесь ноль энергии. Как ты мог воспользоваться силой против Дмитрия?

Есть! Попался! Я заулыбался и начал раскрывать карты:

А я расскажу... Постановка ноль энергии. Обычная компьютерная программа, мы знаем общую формулу всех энергий, ее и задаем в программе. Чип отправляем по проводам, которые разместили здесь в помещение. Здесь ничего волшебного нет. Не так давно

обнаружили, что зная кодовую энергию человека можно программировать помещения по — разному, не обязательно лишать пространство полностью энергии.

Ноль энергия — никто не может пользоваться, это проще простого, обычная формула. Но можно сделать минус единицу энергии. Ну например, боюсь я Хаски. Устроил ему минус один энергию в своем доме, из общей формулы просто сминусовал его кодовые две энергии. Остальные люди могут пользоваться энергией, а он нет.

Но также можно сделать и единицу энергию. К формуле прибавить необходимую энергию. И только один человек тогда может пользоваться энергией в помещении.

Зачем тебе, Шмонт, в Анином доме понадобилось иметь возможность применять силу?

Шмонт стоял возле стены... юрко нырнул к дивану. За пару секунды Павел поднялся с кресла, намереваясь сделать рывок. Один из специалистов правоохранительных органов попытался зацепить Шмонта в прыжке за плечи. Второй оперативник достал пистолет и поднял....

— Стоять! На месте! — услышали приказ.

Павел встал смиренно, пятками касался мебели позади себя, он будто на носочках, в такой позе невероятное напряжение идет на икры и бедра. С ума сойдет стоять. Первый спец, который прыгал за Шмонтом, застыл в воздухе в лежачем положении и с треском упал на пол. Что-то нечленораздельно промычал, ударившись об твердую поверхность. Так и лежал там внизу рядом с моими ногами. Второй специалист застыл с руками, держащими пистолет, и зажмурил один глаз.

А я не видел, что происходило за спиной, ноги в разные стороны, руки под грудью и видел только людей на диване и на кресле. Им повезло, удобно расположились.

— Ну и сколько нам стоять? — задал первым вопрос Павел.

Слышно было, как двери на балконе с грохотом стукнулись друг об друга.

— Он выпрыгнул в окно? — спросил я у спеца валявшегося на полу рядом со мной, тот как раз был лицом развернут к балкону.

— Да, — еле слышно простонал тот или прошипел. — Я кажется плечо вывихнул...

— Вот кто наш предатель номер два. Трески и Шмонт. — подвел я итог. — Что только ему теперь надо от Ани?

— Он нам приказал, — задумчиво заметил Сергей и он явно посмотрел на Диму, который находился без движения по-прежнему пальцами, вцепившись в диван. Мужчины перпендикулярно друг другу по идее сложно перехватить взгляды, но друг попытался скосить взгляд на Вильмонта.

— Нет, — ответил Диман задумчиво. — Этого не может быть, такого просто не может быть...либо ему осталось немного, либо он уже был «там»! — загадочно продолжал рассказывать.

Похоже, они о своих секретах. Один плюс один сложили. Воздействуют на мозг кто? КМЗ и КМД — неживые люди их «зверята», которых они держат на цепи. Изредка снимают с цепи, чтобы разорвать пасть жертве. Именно зверята сидят в кольцах Вильмонтов и Хаски.

Я продолжил слушать Сергея:

— Старший Шмонт мне на острове всю плешь проел с одним требованием. Он мне хотел что-то навязать, — фыркнул тот насмешливо. — Предлагал выпустить наших зверят на постоянную работу в правоохранительные органы.

— О, да! — усмехнулся Диман. — И мне. Гениальная идея блюстители закона, которые

будут приказывать людям, как жить.

— Идеальное общество! — добавил Сергей. — Чиновники, приказывающие безвольным рабам, а те и пикнуть не смогут. Жалкие марионетки вместо людей, полное господство над Немийцами.

— Это же как должна была власть вскружить голову!? — Диман еще ухитрился улыбаться. А потом резко перестал. — А что если и ЗБ их рук дела? Трески очень бесился в свое время, когда мы поставили Мерси на пост.

— Шмонт тоже. Возможно он устраивал поджоги, чтобы создать нестабильную обстановку в стране. По это статье мы и сместили Мерси с поста, а следующими кандидатами были, как раз, они с Трески. Остался вопрос, как они скопировали наши разработки?

Я пока не принимал участия в обсуждении, мало понимал о чем они говорили. Кроме ЗБ — это я понял. Если Шмонт спонсировал эту организацию? А если это Леонид приказывал Бастардам делать набеги?

— О! нет, — я такого дикого испуга не припоминал у Димана. Только в тот день, когда сообщил ему новость об аварии Аньки, такой же надломленный был голос. — Это должно быть моя вина. В прошлом январе я совершил одну самую провальную сделку в своей жизни и потерял на пару дней контрольный пакет Колчака. Я не придавал событию особого значения, потому что тридцать пять человек акционеров, тридцать пять кроме моих. Чтобы получить доступ — вход в лабораторию, надо собрать этих людей в один момент, подписать кучу бумажек, провести сканирование, анализы, одним словом пройти кучу долгих и нудных этапов. За эти несколько дней не реально было успеть. К тому же, охрана подтвердила, что никто не пытался проникнуть внутрь лабораторий.

— Но если, — повысил голос Сергей Вильмонт. — Все эти тридцать пять людей заодно...и охранники к тому же, тогда пролезть внутрь не составит труда и значительно ускорит процесс?

— Шпаги! — вскинул взгляд более уверенно Диман и получилось, что на меня. — Яхонт дал подсказку шпаги. И мой знакомый подсказку давал Яхонт и Баттл. Я связал только владельца того центра со смертью Яхонта. В общей сложности баттлами владеют около пятидесяти человек и если они все против нас?

Пока между мужчинами возникла тишина, я резко перебил:

— Это, конечно, всё замечательно. Остается вопрос — причем здесь Аня? Что ему могло понадобиться от Ани? Зачем были похищения? Я вероятно сейчас поведу себя не корректно, но наследует ли Аня что-нибудь любопытное из-за чего она была нужна в этой схеме? Понимаю, это личный вопрос и никого не должен касаться. Но теперь от ответа зависит жизнь Анны и у нас нет времени, мы заморожены. Связано ли ее наследство и попытки убийства или похищения с этим?

— Наш медицинский центр... — сознался со вздохом Вильмонт. Я я услышал неожиданный свист с разных сторон. — Когда Ане было тринадцать лет я подписал на нее, поэтому учил ее самообороне. Но как Шмонт узнал? Знал опять же я, да юрист мой. Теперь понятно почему Леонид яростно вокруг Ани круги наматывал.

— Всю беременность, — влезла в разговор к неожиданности Ирина. — Мужчина полностью держит ответственность за свою женщину и не рожденного малыша. А когда Аня родит — официально все наследство переходит малышу. А за малыша несет ответственность мужчина, — подвела уверенным тоном Ирина. Как поступал Леонид — это логично,

влюблял Аню в себя, но похищения... — это глупо. Вы сейчас узнали, что она похищена, и даже если кто-то с ней что-то сделает вы вполне можете переписать завещание. И если они «уже» получили доступ в вашу лабораторию, зачем теперь Аня?

Умную мысль говорила брюнетка, а в прошлый раз непробиваемой дурой показалась.

— Да, вы правы, Ирина, — согласился я. — Это не сходитя. Кто же наш снайпер? — поднял руку, пальцы сжал в кулак и указательный выставил, словно делая выстрел сквозь пространство комнаты. — И кто второй обёртыш? И зачем ему Аня?

— Мы разморожены! — заявил один из спецов с удовольствием опустив при этом две руки с пистолетом, наверное, затекли.

И правда разморожены, я же смог пошевелить рукой. И мгновенно все пришло в движение. Муравейник людей стал непрерывно двигаться в хаотичном движении.

— Дмитрий! — резко поднялся с дивана Вильмонт. — Я надеюсь, ты в состоянии обеспечить безопасность моей дочери?

Диман утвердительно кивнул без лишних слов, тогда Сергей продолжил:

— И выпускай зверят, Шмонт хотел вблизи рассмотреть наших созданий. Теперь увидит воочию. Все кто знает об особенностях создания наших существ, кроме тебя, твоего отца, меня и Ани должны быть уничтожены...

— Дамы и господа! — насмешливо прозвучал голос Павлика, когда он развалился со вздохом облегчения на диване, а то, наверное, устал на носочках стоять, пока были заморожены. — Поздравляю!!! — хлопнул в ладоши с улыбкой. — Нас всех нагнули!!!

На него укоризненно воззрились представительницы прекрасного пола с явным посылом, как не хорошо выражаться при женщинах.

— Знаешь, Павел, — заметил Диман. — Я впервые с тобой согласен. Нас жестко нагибают более двух тысяч лет. Пока мы устраивали междоусобицу эти двое создали целую организацию, которая следила и контролировала нас. Пока мы их считали за мелких шестерок они накопили себе приличный капитал и нашли союзников за нашими спинами. А мы, мать его... в полной заднице! Да простят меня дамы.

Шмонт сделал осечку и ей следовало срочно воспользоваться. Они явно не собирались раскрывать секреты слишком рано.

Спасибо всем за внимание к книге! Следующая продка в четверг. На сообщения отвечаю постепенно.

Глава 18 "Лучший друг"

И последние тайны открываем. Многие догадались, но все равно надеюсь хоть немного чем-то удивлю.

POV Хаски

Баттл был основан в те далекие времена, когда едва-едва сформировались наши семьи Вильмонт и Хаски. Основоположниками Баттлов считались Шмонт и Трески, они устраивали своего рода развлекательные игры на аренах этих помещений в нашу честь. А оказалось, что всё время эти двое без устали следили за нашим развитием, если становились слишком близки, они нас отвлекали бомбежками. Теракты в нашей истории случались периодически и мы всегда находили мнимого виновного, хотя главным подозреваемыми у нас были Вильмонты, у них — мы. Глупо, но так уже повелось с глубокой древности. Теракты пропускали мимо ушей и глаз, не желали накалять итак напряженную обстановку между двумя странами. И только сейчас, когда объединились под одну территорию, ненависть поутихла, как волна притихла возле берега. Прекрасная двойка Шмонт и Трески и мост наш пытались взорвать пару раз, а в январе все взрывы резко закончились, потому что видно Председатель объединенной Немии нашел получше вариант, чем пустая бомбежка — он решил занять этот пост и создать своих «зверят». И если они это сделали...это будет очень плохо.

Яхонт, умирая оставил нам послание на себе, скрещенные две линии, поначалу не могли понять к чему этот знак. Грешным делом думали означает букву Х. Младший Барс тоже подал мне улику в виде фотографий баттла Трески и Яхонта. Тогда мы и сделали вывод, что виноват Макс, как в убийстве Яхонта, так и в аварии Ани.

А сейчас, когда узнали, что доступ в лабораторию вполне вероятно был нарушен, и чтобы его нарушить надо было 30 людям быть заодно, сразу возникла мысль, что все они владельцы тех самых Баттлов. Это единственная связь, которая прослеживалась, но она опять же призрачная, но пока сходится. Одно не понятно, зачем им нужна моя Аня, если разработки они сперли раньше?

Мы располагались в «секретной комнате» Польски, он меня ни разу сюда не пускал, а теперь мы были допущены в святая святых. Слово на каком-то космическом корабле, повсюду голубоватые кнопочки, абсолютная тьма, а перед нами множество мини-компьютеров, они что-то сигналили, вопили. Издавали противные звуки. Я ходил сзади Санька и Виталика с Павлом. Они следили за процессом разведывательной операции, это любопытное зрелище, отовсюду к Польски на компы приходила информация, графики, схемы. У него потрясающая зрительная память — один взгляд и он знал каждую букву на документе. Санек не наследник фамилии, но до Капрала дослужился сам.

— Можешь быстрее!?! — поторопил его и одновременно вцепился в железную, черную спинку стула позади Санька.

— Я итак спешу, как могу! — оторвал руки от компов Польски и полуобернулся ко мне. Я бы за наглый язык ему по башке треснул, если бы от его мозгов не зависела продуктивность операции.

— Недостаточно спешишь... — прорычал я, но вовремя услышал веселый голос заводного Павла:

— О! Смотрите, Шмонта! —

Вильмонт, как ребенок с вдохновением пальцем тыкал в один из мониторов справа в углу на белой бетонной стене.

Я прошел твердо к указанному месту, чуть выше моей головы находился экран. Внимательно присмотрелся: темнота, подворотня, какая-то клоака на окраине Арзонта, это то место, где проживали в основном Бастарды. Ни одной живой души в поздний час, Шмонт опирался на кирпичную кладку здания, потом присел на корточки, руки свесив вниз. Темная шевелюра закрывала его лицо, звуков не слышно, но я распознал по движению головы — рвотные рефлексy. Его рвало или скорее кашлял сильно.

Я видел подобные реакции!

— Есть! — довольно стукнул по стене кулаком рядом с экраном и заулыбался.

Чему доволен? — удивленно выпучил глаза Виталик, наш добряк. Естественно я же радовался, когда человеку плохо.

— Он умирает, — ответил я.

Он — ходячий труп. Чтобы полноценно владеть контролем над разумом, надо быть во-первых Аристократом, тела без вирусных барьеров не выдерживали воздействия Ик-а. Во-вторых, надо быть мертвым, в момент остановки сердца и до отмирания мозга, в течение семи минут внедряется Ик-а в их кровь. Тогда трупы становятся полноценными «зверятами».

А этот сученыш умирал, его убивал ИК-а изнутри, значит он внедрил в себя вирус будучи еще живым. Он умеет приказывать, но это не полноценные приказы. После того как приказал нам, теперь будет несколько часов блевать кровью, и тело три дня восстанавливаться, это в лучшем случае. И значит, вполне может оказаться, что наши разработки они до конца не скачали и Шмонт ввел себе вирус раньше. И это очень хорошо, если они не успели украсть наш секрет, потому что если Баттл создал своих «зверят» мы скорее всего будем трупы. У нас "зверят" создано по минимуму исключительно ради охраны своих семей, не больше.

POV Вильмонт

Долгое было плавание во сне или нет, не понимала точно. Шум в ушах не давал понять, что умерла. И внезапно я вздрогнула так бывало во сне, я пыталась встать, нащупать опору, закричать. Раскрывала губы, чтобы произнести звуки, но как у рыбы, только тишина вырывалась изо рта. Напрягала мысленно кулаки, стараясь поднять тело в вертикальное положение, да хотя бы спину. Но тщетно, оно ватное, желейное не реагировало на приказы мозга. Вроде разум проснулся, а остальное — нет. Странное пробуждение, как пьяное.

И через секунду мое тело резко поднялось вверх, я присела на чем-то мягком. Руки дернулись вслед за мной, а потом в обратном направлении упали под силой сжатия. Мои запястья в легкой проволоке обвиты по коже, а вторыми концами уходили вниз под кровать.

Оглядела кровать — полуторка, я сидела сейчас на покрывале темно-коричневом в странном платье. Разве я так вчера был одета? Шелк, если ощущения на теле не подводили. Легкий струящийся шелк по моим ногам вплоть до щиколоток, лиф на груди поддерживал ее, украшенный стразами в виде нашивки цветов. Что за безвкусица? Стебли цветов скреплялись брошью на бедре сзади на поясице, что я обнаружила чуть повернув тело назад. Шлейф платья каскадом спускался с кровати на черный пол. Это подвенечное платье.

Комната не моя. Совершенно неизвестная. Ну не могла я вчера напиться со Шмонтом и проснуться у кого-нибудь дома. Хотя, все может быть... В желудке неприятно завертелось

после того, как поднялась. Перепила что ли? Я была расстроена из-за Димы, Лёня догнал меня, я сказала ему не провожать, а он все равно догнал и увязался. Потом с другом сели на корабль, захотелось ему поплавать и поговорить, как в старые добрые времена.

Еще один насущный вопрос- КАК я могла поцеловать Лёню? Вот как? И зачем главное? Лёня, конечно, нормально целуется умело, но для меня это все равно что стену целовать, также «эмоционально». Ну если пол часа целоваться, а эмоций ноль. Как еще это назвать? С Димой у нас поцелуй длится пять секунд, потом приступаем к раздеванию и поиску поверхности. Это как будто ты спичка подходишь к источнику жара, моментально вспыхиваешь от него и горишь пока угольками не рассыпешься.

Итак возвращаемся к ночи.

С Лёней сели на корабль, решили поплавать, выпили еще немного и все приплыли.... теперь я здесь связанная. Мне не снится? Нет, судя по ощущениям на запястьях, проволока вшита под кожу, я двигалась и они доставляли неудобство коже.

— Вот твари! — прокомментировала громко на всю комнату. Может разозлятся и придут выяснять отношения. Здесь ни окон ни дверей, не знала какое приблизительное время. День или ночь, но по ощущениям выпалась. Светильники на стенах озаряли просторную комнату.

Сдвинуться с места не представлялось возможным, проволока не давала пошевелиться. К тому же голова, словно в тумане. Не похоже на похмелье, смахивало на какой-то наркотик. И как я могла не почувствовать запах в алкоголе? Они всегда имели примеси, на самозащите нас научили отличать основные наркотические средства в еде и напитках.

Шмонт, где он? С ним всё в порядке? Нас похитили? А если это тот «похититель» и он убил Лёню?

Повинуясь моему вопросу, через несколько минут дверь тихонько растворилась, впуская поднос с едой, кофе и следом Лёню. А его мальчишеская улыбочка а-ля дурачок порой выбеживала, и сейчас внезапно тоже напрягла.

— Доброе утро, соня! Выспалась? Я завтрак принес, — друг довольный смотрел на поднос подходя ко мне, как ни в чем не бывало.

Играть он видимо у меня научился. Я сжала пальцы в кулак, мгновенной вспышкой боли загорелись запястья. Проволока, как змея, медленно поползла под кожей, натягивая и разрывая ее постепенно. Крови почти не было, нарушался только кожный покров. Проволока продолжала передвигаться по пальцу правой руки, которым теперь было больно пошевелить. Поэтому перестала двигаться, чтобы не ухудшать себе раны. И тогда железка перестала перемещаться.

Шмонт присел на краешек кровати, поднос поставил на тумбочку рядом.

— Аккуратнее не порань тело, — заботливо Леня зажал мне пальцы рук, поглаживая. — Поменьше двигайся, эта колючка реагирует на движения тела. Она покроет все твоё тело, если будешь сопротивляться. На мозговую активность она тоже реагирует, — потыкал в лоб мне указательным пальцем. — Ты сегодня особенно прелестна!

— Что за цирк? — сквозь неприятное жжение в руках озвучила ему в лицо. Пальцем Лёня попытался сжать мне подбородок. Я резко вырвала челюсть из его пальцев, от отвращения передернувшись, и опять колючая проволока продолжила сжигать мою кожу трением... поднялась от локтя и сошлась на ключице и дальше... дальше за спиной успокоилась на мгновение. Это как заноза, которая вошла под кожу, также и проволока нарушила целостность сверху, до ужаса неприятно и от боли перед глазами белые блики

вспыхивали, но пока было терпимо. Я буду опять изуродована, правда, Если выберусь отсюда. Панику отставить! Но я всё равно в заднице!

— Если будешь активно сопротивляться единственной подвижной частью тела для тебя останется низ живота. — Шмонт подпер подбородок ладонью и улыбнулся во весь рот, натянуто не показывая зубы. Это всегда означало, что он напряжен.

— Что происходит? Скажешь или нет? — взорвалась я. — Ты меня похитил, идиот? Лень, скажи ты чокнулся? — я сама не поверила то, что озвучила Ленья меня похитил.

Мой друг меня похитил.

Мой лучший друг с детства связал.

Бред. Я усмехнулась сама над собой.

Вероятно бредила, может иллюзия? Тряхнула головой — прочь наваждение! Я спала или пьяна!

— Эй! — показывая ровный блеск идеальной улыбки модели, Шмонт неожиданно залез на кровать правым коленом, его левую руку почувствовала у себя на бедре, мало того она стала задираТЬ подол платья. — Перейдем сразу к сути дела?

Я в ужасе попыталась туловище сдвинуть с места, но руки как замерли, так не двигались с места. И только вновь передвижение металла на спине почувствовала. Железяка опять пришла в движение.

— Шмонт, хватит прикалываться! Мы вчера договорились никаких больше приставаний. Прошла любовь завяли помидоры. Сейчас пну тебя по яйцам, если не отвалишь! — пригрозила.

— Пфф, — засмеялся Шмонт и перевалился через меня. Распластался на остатке половины кровати, словно важный человек, как Председатель, наверное, объединенной Немии на боку, подпирая голову ладонью, локоть его смотрел в покрывало. — А с таким будешь?

И я не поверила... Проморгалась, прогоняя наваждение очередное. Очертания Лени сменялись, волной вибрировали, искажались, будто кто-то расстроил объектив моих глазных линз, и через несколько секунд знакомое лицо перестало быть таковым. Только темные волосы остались неизменными и примерный оттенок глаз. Передо мной Ангельский собственной персоной. Это как? Одежда на нем, как и была, рубаша и джинсы, примерно по размерам мужчины одинаковы оказались.

— Можем итак, Анечка, мне непринципиально в каком виде тебя трахать, — ответил «милый» Ангельский, при этом обратно закинул ногу через мои колени. Руку положил мне на шею, а второй очень медленно начал поднимать шелк ткани вверх. Я по возможности избегала поднятия ткани, зажимала ее пальцами, докуда доставала, но пальцы в проволоке с трудом сгибались.

— Ну ладно. Хочешь с таким? — я замерла. Руки приостановились, когда моих губ коснулись его губы... Димы. Его язык провел по моим сомкнутым губам. Рефлекторно хотелось открыть, но настырно сжала. Очнись дура. Это не Дима!

Хаски передо мной заржал не своей улыбкой. У моего появлялись ямочки-разрезы у этого какой-то странный оскал, полуулыбка одной стороной.

— Этого того стоило, Вильмонт. Увидеть такое личико у тебя. Восемь лет ждал способа поквитаться с тобой, моя хорошая! — никаких мыслей пустота на его слова. Восемь лет? — Мы давно знакомы, госпожа Вильмонт, росли вместе, по соседству, — какие-то наводящие рассказы.

Я не понимала, что происходит. Создание передо мной встало вновь на пол и в процессе того как лжеХаски поворачивался, рябью пошло опять изображение. Когда вернулся лицом ко мне, я увидела Ивана, живого, не с пробитым ртом от пистолета Хаски. Живого и здорового с этой кривой улыбкой.

Воспоминание всколыхнулось в голове.

Путешествие с Димой на яхте в шкуре Ананиной, когда Трески домогался, я на секунду увидела профиль Ивана, но списала на мираж, желание видеть этого ублюдка, за чью жизнь себя корила. Там был еще с ним Ангельский, наверное, настоящий. Причем тут восемь лет и выросли вместе? Ивана я знала полтора года от силы.

— Та-дам! — передо мной стукнули мужские ладони друг об друга.

И через секунду перед глазами не настолько красивые черты, как у предыдущих. Низкий рост, худощавый скелет, шрам, рассекавший левую сторону его лица, и глаз, косящий в одну из сторон, был слишком заметным. Правая рука согнута в районе локтя, как будто сломана и прислонена к груди. Одежда на этом человеке была одна и та же все время, но растягивалась иногда, а порой висела тряпкой.

— Помнишь меня, Аня? — его кривой глаз пытался посмотреть на меня — прямо, но все время подрагивал в глазнице, никак не мог повернуться ко мне. Левый глаз смотрел ровно. — Олег. Наверное, даже имени моего не узнала, правда? Эти шрамы я приобрел благодаря твоему папочке, Вильмонт. Хотя, на тебе тоже есть мои шрамы, давай посмотрим? Только правда не в таком облики. Меня самого тошнит от этого тела, — он вновь превратился в Ангельского Мишу.

На мое теле только один шрам не поддавался восстановлению после операции регенерации кожных покровов, давнишний шрам под грудью, когда неизвестный бастард признался мне в любви, а я... а я посмеялась над ним, сказав, чтобы он посмотрел на свою рожу и мою и сравнил. Такие, как я, ему поперек горла встанут. А он подкараулил меня возле дома и попытался изнасиловать, кастетом единственное успел продырявить мне грудь. К слову, у меня и груди почти не было.

О всевышние силы! Как это могло случиться?

— Это ты меня смс-ми забрасывал и дышал в трубку? — мужчина лишь повел снисходительно бровью. — Думаешь живым уйдешь после того, как мой папа или Дима узнают, что ты меня изнасиловал. Ты идиот? — я совсем забыла, что в таких случаях следовало поддакивать насильнику и ни в коем случае не заводить его животную натуру. Была настолько в подчинении страха, что он полностью заволок разум. Пыталась думать, но бесполезно.

— Ты пару раз едва избежала участи, чтобы я тебе не приказал. Но проблема — твой гребаный охранник за тобой присматривал, ходил по пятам, а так бы давно нагнул. Мог и приказать, но к сожалению после того, как отдаю приказы временно дезориентирован, и вместо секса блевал бы в туалете. Поэтому пришлось методом ухаживаний тебя очаровывать!

Какая гнилая у него улыбка, от нее за версту фальшью веяло. Эту улыбку хотелось кулаком стереть и размокнуть об стену.

— Это ты на вечере вместо Лёньки был? — поинтересовалась.

Я. Я не хочу, чтобы в наши отношения вмешивался какой-то Хаски, ты итак слишком много ему уделяла моего внимания. Видишь, какой я галантный, милый мальчик для тебя был, ухаживал всегда в лице Ангельского! Прекрасный принц, как любят девочки!

— Знаешь, что, — процедила сквозь зубы, бояться могла сколько угодно, но это

бесполезно сейчас. Побояться всегда будет время потом, а пока надо искать пути отступления.

— К Бастардам в зад прекрасных принцев на белом коне, которые строят из себя одуванчиков, а после свадьбы оказываются ничуть не лучше остальных. Я лучше познакомлюсь со зверем до свадьбы, так будет честнее знать друг друга в лицо!

В момент прыжок на кровати, мужские руки зажали мои плечи и повалили лопатками на кровать. Я взвизгнула, когда прутья проволоки вошли в кожу на спине, разъедавая словно ядом нежную кожу. Закусила изнутри губу, ощущая на себе вес Ангельского.

Дверь раскрылась с громким хлопком об стену.

— Твою мать, урод гребаный! — я открыла глаза на знакомый голос. Шмонт!? Он ворвался в помещение, как вихрь, мало на меня смотрел, лишь взглядом скользнул, всё внимание дарил мужчине сверху. — Уберись от нее урод! Говорил тебя, сука, еще в Белесье надо было убрать! Шизанутый на голову, хоть представляешь, что натворил!!! — Леня почти за шкуру вытолкнул с меня Ангельского и пинком под ребра добавил. Михаил откатился чуть-чуть в стену, но поднялся на коленях.

— Что они с тобой сделали, идиоты? — оглядел помещение Леня. — Отключай колючку, — махнул рукой в направлении мне за спину. Я оглянулась машинально, проверяя что там? Стена светло-бежевая и цветы в кадках, картина еще. Аккуратно мои руки стали высвобождать от колючки.

— Потерпи, родная, чуть-чуть больно будет, — и когда вынимали провода я ощущала легкое беспокойство, но это ничто по сравнению с тем, что наблюдала перед собой Шмонта. Этой мой Шмонт. Заботливый подхалим, подкаблучник, исполнявший мои приказы. Мой пес, как его называли. Или это я была его псина?

Проволока с кровавыми наконечниками полетела вниз на пол, под кровать, мое платье подернулось легкими капельками крови. Моей собственной.

А Шмонт встал рядом с кроватью и начал орать:

— Ты урод меня рассекретил! И вся наша операция столь долго вынашиваемая пошла Бастарду в зад! Мы не успели, мать твою, достроить этот гребаный центр!

На крики Бастард пожал равнодушно плечами и рассматривал пальцы на руках, потом глухо ответил:

— Да мне срать как-то на вас. Мне она нужна, — указал на меня большим пальцем. — Кольца приготовил женушке своей будущей. Нас здесь никто не найдет и ты, кстати, мне мешаешь, Шмонт?

Я потеряла запястья на руках, дырки небольшие кровоточили. Погладила раздраженную кожу, прогоняя ощущение постороннего холодного вмешательства, но то не исчезало.

— Ты его знаешь? Да, Шмонт? — смотрела на Лёню теперь, как на на грязь, на жалкое ничтожество под ногами. В эту грязь и наступить боязно, и давить его противно. Враньё! В его глазах было одно вранье.

— Аня, — Лёня как-то обреченно уселся рядом вновь, подвинулся ко мне ближе, на что я резко убралась к изголовью кровати, приподняв юбки платья и колени к себе.

— Не трожь меня, мразь! — приказала. — Ничтожество!

С трудом сдерживала желание ударить человека перед собой, а лицо было изуродовано гневом, словно ломанное, не такое, наверное, идеальное.

— Ань... — Лёня положил ладонь рядом на коричневое покрывало, но на меня больше не смотрел. Раньше я бы поверила, что он сожалеет, но не теперь. Теперь с трудом могла

лицезреть это противное лицо.

— Помнишь когда мой отец спас тебя от него, — продолжал тихо Лёня рассказывать покрывалу или моим ногам, прикрытым широким подолом платья.

— День, когда ты получила, свой шрам, мы пытались эту мразь убить, но он не убиенен практически. Невероятная регенерация всех органов. Отец решил поэкспериментировать на нем. Отличная подопытная крыса. Он полигеном: обертыш и к тому же невероятная регенерация всего тела. Года полтора назад мы совершенно случайно обнаружили, как Ик-а влияет на тела Аристократов, они становятся способны воздействовать на мозг людей. Это было поразительно, неужели мы получили ваш секрет? Но примерно тогда тебя Аня спрятал папа в Арзонте и этот выродок, — Шмонт грубо выразился, при этом обратился к Михаилу, а тот на потолок со скучавшим выражением на лице. — Исчез, сука, вместе с тобой. Я и не понял сначала с чем это связано. А потом это уродец объявился у тебя в универе и приставал к тебе. Тогда его нашел Макс у вас на парковке и тогда этот придурок опять попытался тебя похитить. Там-то мы и догадались, что он шизик, который на тебе повернут. Обнаружили это место...

Лёня окинул комнату внимательным взглядом.

— Я клянусь хотел его убить, но отец не дал. Первый звереныш был очень важен. В те же времена я и себе влил Ик-а, а потом оказалось, что пошла ответная реакция. Поэтому я и не стал настаивать на нашем сексе, помнишь? Честно говоря испугался, как Ик-а в моем теле на тебя повлияет. Вас он убивает за несколько дней. Меня вот уже год убивает. И на свадьбе поэтому не стал настаивать, вряд ли ты хотела бы стать вдовой слишком рано, — Лёня улыбнулся, но теперь не той улыбкой звезды, а доброй, руку протянул ко мне, пальцы развернул будто желал погладить по щеке. Я отрицательно покачала головой и спрятала лицо в коленях, обняв себя, как можно сильнее.

— Мы наделили этого уroda безграничной властью, но я не думал, что он будет действовать против тебя. Четыре раза пытался умыкнуть тебя, а я и не знал, что это он. Думали очередной соперник твоего папаши хотел дочь, как выкуп использовать. Аварию он тоже подстроил, узнал что ты забеременела от Хаски и нечаянно подставил Макса или специально, я так и не понял. Но в принципе это не было проблемой для нас. Макс уехал к Баллийцам и продолжил строительство медицинского центра на том конце света...

Лёня закончил рассказ и настала идеальная тишина на некоторое время.

Нас тряхнуло не сильно, как будто машина проехала неподалеку или поезд. Ангельский покачнулся, хватаясь за стену. Поднос на тумбочке зазвенел, кофе разлилось на нем черноватой лужей.

Лёня аккуратно поднялся, встав ко мне спиной.

— Прости, Ань, — сказал тихо, позволяя рассмотреть получше свою спину в легкой, кожаной куртке и темную макушку. И пошел по полу прочь от меня, тяжело ступая. А мне казалось что мужская подошва давила сильно на грудь и сердце, которое очень сильно заболело от этого воздействия. Уходил. Просто уходил...оставлял с этой мразью в одной комнате. Злые слезы. Злые слезы душили, в горле стало противно душно, а перед глазами поплыла эта яркая комната.

Вот так ты со мной...мой дорогой друг. Дверь хлопнула, отсекая мои прежние воспоминания об этом человеке. Как будто этим хлопком и своим уходом он навсегда отделил того Лёньку, моего друга детства и этого отныне мужчины.

На полу возле кровати увидела острые концы проволоки с капельками крови.

— Аняяя, — услышала рядом...почти рядом с плечом, возле уха...дыхание на коже, неприятное прикосновение его дыхания ко мне. Омерзительные мурашки по всему телу неприятно завладели телом.

Резко дернулась вниз, подхватив острие проволоки, и с разворота всадила в шею уроду сбоку от себя. Попала в яблочку, прямо в хлипкую шею. На секунду услышала болезненный хрип. Мужчина оскалится, клыки-зубы показал мне, обнажил будто готовясь к атаке.

— Плохо, Аня, — услышала обращение, прежде чем Бастард схватил за конец проволоки двумя руками и попытался явно вытащить из шеи.

Я, воспользовавшись секундной заминкой, вскочила твердо на ноги, подхватив этот чертов подол со шлейфом.

Всего пару секунд надо было. Сердце стремилось вырваться из груди, бежало быстрее чем, я сама. Мне надо было пару секунд, чтобы подключиться к потоку. Почувствовала холодок от движений, тело покрылось приятными пузырьками голубоватого цвета. Быстрее... быстрее перемещайся!

Тело сковало намертво в тяжелом обхвате. Сзади мужчина прижал к себе очень близко. От ужаса захлебывалась в дыхании, глотала его ускоренно.

— Отпусти. Отпусти! — пыталась вырваться или руки развести, которые сжали мою грудь.

Бастард ухитрился развернуть меня и швырнуть на кровать позади нас. Я перекатилась невольно по ней и ощутила, как в макушке стрельнуло от удара об стену, будто плоть раскроили. Вцепилась в волосы на затылке, прикрыв на секунду глаза.

А когда открыла стала ощущать руки на теле, ползающие как мерзкие змеи, которые причиняли только боль своим ядом. Внезапно поняла, что свет стал слишком тусклый, лицо надо мной размывалось, уплывало словно в другую реальность. Мужские ноги зажимали мои бедра, а свадебное платье быстро задиралось вверх по ногам, чтобы не мешалось. А я видела смутный улыбающийся силуэт перед лицом. Я теряла сознание. Только не это... только не тьма вновь перед глазами. Я только выбралась из этой тьмы.

Больше не хочу возвращаться туда.

Хоть чуть-чуть удивила? Спасибо всем за внимание к книге.

Прода не знаю когда. Может завтра не успею, пока следующая сцена не готова совсем. Завтра скажу поточнее.

Глава 19 "Бастард — полигеном"

Подвожу итог сказанному в прошлой главе Олегом. Он — мстительный шизик, это понятно. В бастардах — это он совершил покушение Пб-ками на нее в прологе, но ее спас папа и Аня сбежала к стрададовцам. Олег последовал за ней в виде Ивана. Там Кирилл невольно покопался в мозгу Ивана и тот, приехав в Арзонт с Аней, не мог вспомнить ее имя и внешность, только отдаленно. А потом перед Белесье Волчица невольно спалила ее и тогда Олег попытался на экстремальных горках ее опять выкрасть. ДС убил тело Ивана, поэтому тому пришлось искать другое тело, решил Ангельского, поскольку у того с Аней были небольшие шуры-муры. На яхте на одного Мишу стало меньше. Авария Анина тоже подстава Олега. В Немийцах он опять ухлестывал за ней все время, пока не узнал, что Аня встречается с Димой. Если раньше он знал, что Аня не хотела быть с Димой, поэтому не особенно злился, то теперь вспыхнул, когда она подтвердила на балконе. Поэтому развел этих двух в разные стороны. Потом Олег после приказов два часа промучался с кашлем и кровью на празднике, но успел Аню подхватить, когда она уходила с праздника. Первого Шмонта Аня послала, сказала не провожать. А этот был более настойчив.

WARNING: расчлененка и живодерство.

Один экшн, может будет скучновато.

Я очень люблю собачек, у самой есть. Но здесь представим, что это не добродушная скотинка, а вот такая.

POV ХАСКИ

Оставили Виталика и Павла сидеть на камерах, озвучивать действия Шмонта и посылать весточки, а сами рванули с Саньком в сторону, где обнаружили Шмонта. На край Арзонта, где был район Бастардов. Но беглеца там не обнаружили. Так и путешествовали, словно по чьему-то приказу я летел по ночному городу, по трассам.

На рассвете наше путешествие завершилось в самом конце некогда страны Страда.

Удивленно вышли, переглянувшись с другом. Машину припарковали, как можно дальше, теперь путешествовали пешком. Здесь было открытое поле, рядом с нами трое зверят, захватили на всяких случай. Это место...здесь пролегала граница с Гнетовцами, река Гробница. И здесь одна из школ Бастардов. Шмонт находился, согласно последним данным приблизительно здесь.

Заманивал в ловушку, ведь прекрасно знал, что ему не удрать? Зачем он привел нас сюда? И почему не попытался пересечь границу с Баллийцами, как его папаша? Сбежать? Он должен понимать, что меня не легко вывести из строя, должен был догадаться после взрыва возле моего центра?

Сергей Вильмонт занимался очисткой мира от падали в лице семейств Шмонта и Трески. Если секрет создания зверят станет достоянием гласности, это будет финиш, конец нормальному миру. Но! Вероятность, что эти двое поделились информацией о секретах ужасно мала, не совсем они умственно-отсталые, чтобы делиться "золотой" технологией. Их семьи надо убрать, стереть, как будто никогда не существовало.

По последним данным стало известным, что Шмонт старший сегодня улетел к

Баллийцам, какая прелесть, решил воссоединиться со своим дружкой?

— Два гомосека! — едва не сплюнул под ноги на землю, которую сминал кедами. На обуви поблескивала влага от снега. Здесь лежал небольшой ровный настил снега, сквозь который пробивались пожелтевшие травы.

В черном, спортивном костюме я передвигался широким шагом. Материал противно скрипел, как натянутые донельзя нервы. Бесило это состояние напряжения, я не знал его до тех, пора не познакомился с Аней. Теперь постоянно, если ее не было рядом ощущал стремление прижать ее к себе поближе и согреть «мое» тело.

— Я клянусь, если они что-нибудь с моей девочкой сделают, я им головы отрежу! Вырву ноги и руки и оставлю на съедение какой-нибудь твари! — громко произнес, на что Санек лишь повел бровью. К моей кровожадности он видать привык.

Сердце громко отработывало определенный ритм в груди, не похожий на обычный спокойный, но я пытался не терять головы. Если начал бы паниковать, стало бы только хуже. Очень надеялся, что ни одна тварь к Ане не протянула свои мерзкие руки. Иначе пришлось бы освоить новый вид пытки — снятие скальпа собственноручно.

Еще на подходе к темному бревенчатому дому нам был выпущен выстрел, задевший одного из охранников в плечо, который мы проигнорировали.

Первым делом наши трое зверят, включая моего личного охранника — Руслана, (я его выпустил из кольца), прошли внутрь здания. Мы стояли снаружи, пока служащие уничтожали кого-то внутри. Должны были справиться, они страшнее львов, змей и коней в одном виде: сильные, ядовитые, быстрые и вдобавок умеющие отдавать приказ. К примеру, могли соперникам приказать переубивать друг друга. Лучше КМЗ-ку не переходить дорогу, они подчиняются только хозяину кольца. В моем владении с недавних пор все кольца нашей семьи, т. е. при желании я мог всех собрать рядом с собой. Поскольку Вильмонт сейчас занимался грязной работой по очистке Немийской земли от двух семей- предателей, часть зверей я отдал ему. Книголюб.нет

После перестрелки в домике одно зверье потеряли — осталось двое. Прошли в дом, изучили несколько комнат, бедная обстановка, видно, что там давно никто не жил, пустой холодильник и сквозняк командовал в помещении.

— Где, Шмонтяра? — вскинулся на Санька, когда вернулись на прохладный, зимний воздух. Из рта валил пар.

— Узнаю, — он пытался пока пробить откуда маячок шел. Шмонт должен быть здесь. — Здесь, — подтвердил Санек.

— Где, здесь? — нервно вскинулся я. — В гробнице утопился!?

Показал в сторону вонючей речки.

Как же бесила беспомощность, раздраженно разглядывал этот дом и думал, что сотворить. Неподалеку стоял загон, там обычно лошадей выхаживали.

— Туда! — скомандовал я. Лишь бы не стоять на месте, а идти куда-то. Зашли в это загон, воздух гулял по нему, раздраженно завывал в ушах, напоминал о себе, как будто самый главный настырно кричал в голове, хотелось его утихомирить. Под кедами противно в добавок скрипели половицы.

— Где он!? — заорал я на весь загон, эхо надсадно вторило среди утреннего спокойствия.

После внезапного выкрика настала ужасная тишина и очередной скрип половиц под ногами. С Саньком синхронно переглянулись, а потом вниз ко мне на черные кеды и темное

старинное дерево. Дощечка, как будто отходила, не ровно лежала.

Колено прислонил к холодному полу и на ощупь попытался определить, где заканчивались дощечки. Определил. Дощечки выглядели инородно и отличались по цвету от остальных. Я аккуратно поднял несколько деревяшек и убрал в сторону. Перед нами открылся черный вход словно в преисподнюю и оттуда лесенка вела вниз.

Первым пустили охранников, а потом не спеша спустились сами. Вновь тоннель холодный, небольшой, голову пришлось наклонить чтобы поместиться, одинокая голубоватая лампочка горела в самом его конце. Немного пропетляв по коридору, вырвались в открытом чуть просторнее помещении.

И внезапно человек вынырнул из-за угла, мы с Саньком резко подорвались. Я руку оттянул, готовый к удару энергией, Санек застыл с пистолетом наготове, зверята заняли позиции перед нами.

— Шмонт? — удивленно озвучил Польски — А ну-ка руки вверх подними! — приказал.

Леонид поднял ладони, как бы сдаваясь, остановился на месте.

— Как вы долго, мне пришлось десять минут ему зубы заговаривать. Третья дверь слева! — ответил почти скороговоркой, но очень тихо, едва слышно. — Охранник есть один в четвертой.

С Саньком удивленно вновь обменялись заинтересованными взглядами, как бы решая поверить или нет. Одну зверушку оставили тут со Шмонтом, пусть караулит, а сами двинулись очень аккуратно, стараясь не привлекать внимания, в намеченную сторону дальше.

Первым делом прибыли к четвертой двери, Руслан быстро дезориентировал мужчину-охранника и смогли войти в помещение. Мы утонули почти во мраке, одна лампочка желто-лунного цвета горела на уровне стены. Но освещала она достаточно слабо. А повсюду.....

— Жесть... — Санек задрал голову вверх, и я вслед за ним. Перед глазами горели эти черные, неровные надписи, будто накарябанные пальцами, а кое-где они будто бордовые, очень похожие на кровь. Словно кто-то руками выводил любовно эти письмена. Каждый миллиметр голых стен был исписан всего тремя буквами. «Аня...Аня...Аня» одно за другим. Имя моей девочки.

А по стенам, пришпиленные гвоздем фотографии, вся стена сплошь в ее изображениях, Аня всякая: в коротких шортах к нам попой, с улыбкой во всё лицо, в солнцезащитных очках. Маленькая, должно быть совсем юная, в купальнике, голая спиной к нам под потоками воды. Всякая Аня. Повсюду тело моей Ани крупным планом.

— Это жееесть, — услышал вновь ошеломленный голос Санька.

Он прошел к стене и указал пальцем на одну из фотографий. На ней Аня улыбалась своей самой обворожительной улыбкой, обожал эту ее улыбку, ради нее застрелил бы кого угодно, лишь бы она не пропадала больше. Эта улыбка сразила наповал там в Белесье, искренняя и добрая, самому всегда хотелось ответно улыбнуться. На фотографии гвоздь был вбит Ане в левую грудь и в лоб.

И я рванул из комнаты в третью, которую говорил Шмонт и пинком ноги распахнул настежь дверь. Быстро оглядел пространство более светлой, просторной комнаты, заметил мужчину на кровати, склонившегося над кем-то. Его рожа повернулась ко мне, показав зубы, едва не как у псины, острые.

Я вобрал воздух в правую руку, закрутил как воронку и отправил вперед. С удовольствием рассмотрел, как тело ублюдка со своеобразным стуком шлепнулось о стену

сбоку. А на кровати моя...моя Аня.

Видел ее темные волосы на покрывале, которые по цвету почти что сливались с тем, а теперь спадали красиво на пол, хотелось немедленно поднять их, чтобы не пачкались об эту грязь. Аня без сознания, если он только что-то с ней сделал...

POV Вильмонт

Меня кто-то дергал за руку и подталкивал, от этого видимо и проснулась. Подскочила. Сослепу не разобрала кто, завизжала когда ко мне протянул кто-то руку, спрятала ноги к себе и отползла к изголовью кровати. Волком смотрела, готовая расцарапать рожу, если подойдет ближе.

— Не подходи! — завизжала во все осипшее горло. Зрение четче стало и рассудок вернулся, и я рассмотрела человека получше.

— Очнись, Аня! — услышала знакомый раздраженный голос, меня попытались взять за руку, но я вырвалась и попутно попыталась оцарапать подбирившиеся ко мне пальцы. Это не Дима. Не мог он быть здесь. Это Олег. Я знаю.

Мне отчаянно хотелось верить что это он со мной, но кого обманывала.

— Хватит тупить, Аня! Это я! Туда смотри! — Дима передо мной показывал куда-то в сторону. Оглядела пол и стену неподалеку, там лежал человек и его спина мелко подрагивала, приподнималась словно бы.

Олег?

— Дима? — удивленно и с надеждой спросила у стоявшего передо мной человека. Очень хотела поверить глазам.

— Свершилось! — руки раскрыл слегка в разные стороны, давая понять, что хотел бы обнять. И я с удовольствием, правда на подгибавшихся ногах, едва не упала когда вставала, прильнула к Диме в поисках, наверное, защиты. Я на кровати чуть выше моего мужчины получилась, может на сантиметр-два и очень удобно обняла его за шею, как можно сильнее прижалась, чувствуя таким образом уверенность и надежду, что справимся.

Димин запах, невольно улыбнулась этому теплему чувству между нами, оно приятно согрело даже в минуту опасности. Потом Дима оторвал меня от себя и оглядел, кажется небольшие разводы крови на платье и общее состояние здоровья.

— Он ничего не сделал? — осторожно как мне показалось спросил, руки его слегка больно держали мои локти. Он не замечал, что слишком сильно сжимал.

— Вроде нет, по ощущениям нет. И тем более я одета, — выдала смутно уверенный ответ.

В тоже время расслышали рык, настоящий рык животного.

Обернулись оба в угол, тело рычало. Куча тряпья, похожая на человека, поднималась, одежда рвалась на теле, темные волосы выростали, прорывая некогда человеческую кожу.

Волкодав медленно развернулся к нам и оскалился, его клыки угрожали расправой. Это высокое животное, оно в холке достигало сантиметров восьмидесяти, насколько помнила, значит до шеи он без проблем мог добраться и перегрызть ее при желании.

— Осторожно, не делай резких движений! — расслышала голос Димы, пока он медленно меня прятал за своей спиной, но прежде спустил на пол. — Очень спокойно направляемся влево.

Едва мы начали движение, как псина сделала прыжок к двери, блокируя выход, рычала, скалилась показывая отвратительную рожу, хвостом раздраженно била по полу.

Дверь распахнулась и я тут же расслышала звук вылетавших пуль и визг псины. Санек

входил медленно в помещение, пистолет направляя на зверя. Польски не переставал совершать выстрелы, пока животное стремилось избежать участи быть отстреленной и отходила медленно назад.

— Двадцать пуль, надеюсь хватит! А меня не ждали!?! — Санек опять с лучезарной улыбкой поднял пистолет ко рту и насмешливо будто дымок сдул. Насмотрелся боевиков, крутой мальчик.

— В прошлый раз не хватило трех пуль, — Дима взял меня за талию и прижал к боку, а я очень удобно поместилась, прижавшись грудью и телом к нему. Одной рукой он будто защищал от всего. Невероятно с ним комфортно, как за стеной.

Дима перепрыгнул стену, что я выстраивала между нами, и теперь мы словно защищены от всего мира за ней.

— Это Иван, ну тот, которого ты... — я промолчала, пусть додумывает сам. — И Миша, кажется, это он за мной таскался. А я еще удивлялась, почему меня неожиданно все возжелали. Оказывается это один — шизик. Это он мне шрам под грудью оставил!

Диме я показывала это шрам. Хотя, и показывать не надо было, он его сам нашел, ведь прекрасно знал и трогал каждую клеточку моего тела.

И точно псина медленно поднималась с громким рыком, предупреждая что будет очень зла. По полу виднелись капли слюней от зверя.

— У него регенерация невероятная, Шмонт сказал, — добавила я поспешно.

— Реген, реген, плохо, — выдал вердикт Санек, встал между нами с Димой и псиной, держа наготове оружие. — Диман, а если Руслана на него натравить?

— Не поможет. Он сейчас в зверином облики, если человеку — то прикажет. У меня идея. Так, Санек, за нее отвечаешь сам знаешь чем. Своей самой нужной частью тела и это не сердце! — Дима грозно озвучил и внезапно покинул меня, взяв мои ладони в руки. — Будь послушной девочкой и слушайся Санька, с ним ты в безопасности. А ты, сдерживай его, через пару минут буду. Идея есть!

Так и исчез, а я то и дело посматривала на дверь, пока Санек отстреливал псину и та падала, а потом вновь поднималась. Интересно, когда пули закончатся?

Через пару минут дверь открылась и я не знала, как лучше отреагировать. С трудом вырвала у себя:

— Дима! Дима! Фу! Брось! — У Димы на плечо закинут топор.

— Без паники. Санек, лови псину и попытайся обездвижить! — отдал команду мой сумасшедший парень.

— Да ладно? — фыркнул насмешливо Польски, при этом скосив удивленный, настороженный взгляд влево и забыл выдать очередную пулю. Псина резко поднялась на ноги, как будто понимала, что говорили о ней и сделала прыжок. Санек ловко перехватил ее по направлению к Диме поперек грудины, на что та яростно начала вырываться. Когтями лап она мельтешила по одежде Санька, а тот морщился от боли, но сдерживал за шею и грудь бешеное создание. А лапами псина продолжала сдирать Польски кожу на лице.

Раны я не видела были на нем или нет. Санек приподнял немалое тело псины и прислонил к ближайшей стене, пока та пыталась его разорвать клыками.

— Отлично, — прокомментировал Дима, топор снял с плеча и опустил по бедру, подошел к стене. — Держи крепче буду отпиливать бошку, уроду!

— Эй, слышь! — вдруг в ужасе Санек скосил взгляд на Диму рядом. — А мои руки! Руки, они же держат его долбаную шею!

— Отставить скулеж! Ты что псина?! — прокомментировал вновь Дима. — На счет три! Один!

Я вскинулась сзади ребят уж очень жалко было руки Санька:

— Дим, может не надо?

— Два! — услышала от него счет.

— Эй! Тормози! — заголосил Санек. — Мне руки еще нужны!

— Три!

Услышала, как завопил не своим голосом наш Капрал, я бы сравнила с визгом испуганных девиц. Дима же не отрубил ему руки? Раздался звук металлического наконечника, значит острое топора достигло бетонной стены.

Пшик, словно по взмаху пальчика, огромная псина упала на пол, но это была больше не волосатая зверюга, а маленькая, белая, пушистая крыса, с противным длинным хвостом. Она заверещала что-то и тут же черный кед прихлопнул зверушку сверху. Дима всем весом надавил.

— Фух! — Польски отошел с нервным истерическим смехом, взлохматил свои кучеряшки, пригладил! — Ха-ха! Я жив и мои ручки! — полюбовался ими довольно. — Слава всевышним!

Санек уселся на пол, согнув ноги в коленях, и глубоко дышал.

Дима продолжал стоять одной ногой на крысе, ее длинный хвост виднелся из-под обуви. Раздавил, не раздавил?

— Но! — Санек кивнул на черный кед. — Советую голову все-таки отрубить ему и закапать где-нибудь. Злодеи, сука, вечно воскресают!

— Согласен! — Дима отнял ногу, но я не пожелала внимательно рассматривать процесс казни и отвернулась, увидев как мой любимый замахнулся топор.

Дима у меня тоже без головы, только в переносном смысле.

Шли по темному коридору, кое-где пробирался свет, где-то приходилось подниматься по очень узенькой лестнице. Мне было хорошо, словно свет пролился сквозь ту тьму, в которой жила. Хотелось уткнуться Диме в шею и дышать своим любимым мужчиной.

Когда вышли на свет, от которого глаза заболели, смогла узнать место... это место. Иван и Ананина. Начало моих приключений. Интересно, а семейство Олег тоже убил и Ананину?

Звук захлопываемых дверей. Я не отпускала Диму, сидела у него на коленях и, вцепившись ему в шею крепкими объятиями, и под мерное покачивание во время поездки поплыла опять в темноте, но не такой удушающей, а в теплой, наполненной, где надо светом. Дима, как фонарик, засветил на пути, помогая преодолевать все трудности.

Спасибо всем за внимание к книге. Хороших выходных.

За перышко спасибо Светлана Сальникова.

Глава 20 "Колчак"

POV Вильмонт

Меня сразу привезли в Колчак, прям в свадебном платье Дима принес в больницу. Со стороны смотрелось, наверное, жутко романтично, если бы платье не было на половину в крови, и мы не выглядели, как два общипанных воробья, с всклокоченными волосами и грязью на лице.

Залечивала раны около трех дней, Дима вновь был не достигаем, но теперь я немножко успокоилась, знала, что мои личные заморочки сейчас не на первом месте. У них и без меня много проблем. Вкратце посвятили в курс дела — Шмонт не только стал создателем этого уroda Олега, он и папу подставил с Димой.

Я видела Лёня там в логове Олега, когда мы выходили из подвала. Лёня стоял ко мне спиной с одним из охранников, но так и не развернулся и не поднял глаз.

Стыдно, да, Лёнь, хоть немного стыдно? За наши общие воспоминания, тебе стыдно? Он смотрел на белый снег под ногами, в некоторых местах под этим прекрасным зимним покрывалом была видна грязь. Отныне Лёня и есть эта грязь, на которую противно и наступить.

А мне стыдно за тебя, Лёнь. Не думала, что из того добродушного пацаненка вырастит этакая мразь. Расчетливая, бесчувственная мразь. Мне стыдно за тебя. Всего на одну секунду ледяная иголка уколола в самое сердце, заморозила или нет. Скорее всего отныне заморожен небольшой участок, где была симпатия и дружеская любовь.

Насколько надо быть злопамятным мужчиной? Олег семь или восемь лет лелеял ненависть на руках, покачивал как безобидного младенца, ожидая когда она вырастит во что-то большое, мощное, неконтролируемое и дождался. Его ненависть выплеснулась за края, едва не потопила.

Эти три дня в заточении с врачами встречалась чаще, чем с сестрами.

— Доброе день, Аня, — поздоровался врач тот, что делал процедуру по регенерации кожного покрова в прошлый раз, да и сейчас латал мои раны.

— Доброе день, мы с вами породнились, часто слишком видимся! — пошутила я.

— Я разрешил твоим родственникам сегодня тебя навестить. После обеда, пройдешь последнюю терапию, прокапаем немного и завтра вечером вполне можем выписать под чей-нибудь строгий контроль, — мужчина улыбался, при этом не отрывал взгляда от моих видимо анализов. На меня пару раз взглянул для приличия.

— Почему вы молчали! — взвилась я в момент с кровати. — Надо в душ срочно! — из палаты вылетела быстрее врача, перехватила попутно полотенце из шкафа самое большое, белое, махровое.

Дима должен придти. Должен. Он — мой спаситель.

Не успела придти из душа, а первый посетитель нарушил покой моего заточения. Прибыли Ирина с малышкой, при них пришлось и краситься, и одеваться.

— Для кого стараемся!? — насмешливо поинтересовалась сестра, заметив, что ее присутствию здесь не особенно рады.

Рады, рады, просто накраситься надо и выглядеть на все сто, ну хотя бы на девяносто, больно я бледная.

— Я почти готова!

Сидела в позе лотоса, красила ресницы, есть смысл блеском краситься? Я целоваться хочу. Следующими пришли трое: братец и сестры.

Я им помахала тушью в знак приветствия:

— Здравия желаю!

— Вот это приветствие! — Пашок зашел последним с букетом цветов.

Я заулыбалась, распахивая объятия, и приняла буйство красок под нос, жадно вдыхая. Отложила косметику к себе на подушку и позволила брату присесть рядом справа, а Алисе — слева. Саша пристроилась на стул с Ириной напротив моей кровати.

Сестры по возрасту почти одинаковы, но проблема никогда не ладили.

Малышка пока проверила палату на предмет любопытных вещей и чтобы, где бы взять и куда бы пристроить. Потом ей видимо надоело рассматривать белую комнату и она приползла к кровати, глаза ее сфокусировались резко на моей косметичке. Снайпер взял под прицел называется. Ну кто бы сомневался, будущая женщина.

Я вывалила перед ее моськой весь чемодан косметики и позволила поиграть. Малышка сразу нашла, чем себя занять. Какая прелесть, тоже хотела бы когда-нибудь себе девочку.

Если бы не авария, у меня был уже малыш трехмесячный, а то и старше, а то и двое. Улыбнулся, разглядывая малышку, ее темные волосики и забавные клубнички-резинки, держащие два хвостика на макушке.

— Ты не выглядишь больной. Знаю, отлыниваешь от работы! — Саша закинула ногу на ногу, обозначив длину нижних прекрасных конечностей, и элегантную черную юбку. — А мне сегодня в ночь на другой конец мира. Рекламирывать трусы! — воздела она руки к потолку, словно моля о помощи. — С хвостиком очередным! Представляете! С розовым, длинным хвостиком на заднице!

Дружный смех от женщин нарушил покой, наверное, во всем больничном крыле на одиннадцатом этаже. А может и этажами ниже. Смеялись мы долго и заливисто, пока Саша в красках описывала сие творение гения — трусы с хвостом. Только малышка и Паша не могли понять причину нашего смеха.

— Вам смешно! — пыталась Саша претвориться грозной разозленной особой, но улыбка всегда напрашивалась на ее губы.

— А что это мы невозможно красивые? Макияж, украшения, сарафанчик по самое не балуйся!? — насмешливый голос брата очень раздражил, как и всех присутствующих, которые стали переглядываться и с трудом сдерживались от едкого комментария. Не сдержались: то один, то другой смеялись.

Я их запоминала, когда-нибудь тоже подколю, когда они влюбятся. А пока что начинала медленно краснеть, сильнее и сильнее ощущала всполохи огня на щеках и лбу.

— Может кого-то ждем!? — добавил еще грамм сарказма Паша, и я не выдержала — вытащила подушку с целью убить брата. Прямо во цвете лет убить его здесь при свидетелях.

Мимо!

Брат увернулся от подушки, подскочил и бросился вправо на небольшое пустое пространство. А на стене висел телевизор.

Меня позорно уличили в любви. Гады! Поднялась со всего размаху закинула подушку, Пашок со своими излюбленными улыбочками ловко пригнулся, и орудие мести скользнуло поверху над его головой. Прямо в телевизор, который сразу же покачнулся, опасно задрезжал.

Я приостановилась, пока дребезжание затихало, благо подушка мягкая, а крепление на стене оказалось прочным.

— Это ты виноват! — показала пальцем на брата.

— Естественно, — раскинул руки демонстративно тот. — Я помню, мужики во всем виноваты!

Подняла подушку, прогоняя легкое покраснение с щек. На столе забыла цветочки брата лежали, поэтому пошла их ставить в вазу.

Дверь повторно открылась или в третий раз за сегодня.

— Хе-хей! С выздоровлением неудачница! — расслышала. Санек вернул свое красноречие, но сегодня оно не раздражало, как в прежние времена, ведь оно не имело цели унижить, скорее поднять настроение. — Иди обнимать будем! — улыбаясь предложил Польски.

А чем Польски (чёрт) не шутит? Предлагал более теплые отношения, можно попробовать? К тому же, некая симпатия и благодарность заняла место прежней неприязни к парню. А Виталика, всегда уважала. Пришлось бросать цветочки Паши и позволять себя обнимать.

— Спасибо, Санек, — удалось выжать из себя. Наслышана кто вел основное расследование — Капрал разведывательной службы.

Виталик всучил очередной букет, позволив себя тоже поцеловать в щеку. Язык не поворачивался спросить, где Дима? Эти двое пришли, а его не было. Вместо этого пошла вновь ставить цветы в вазу, пока наливала воду из-под крана, наклонив немного сосуд, уловила движение сбоку. Саша вышла в коридор, может в дамскую комнату, не знаю зачем.

Ой! Я поспешила выключить воду, а то она переливалась за бортики вазы.

Где Дима!? Хотелось прокричать, но что-то настойчиво не давало это сделать? Стеснение?! Я и стеснение, где оно раньше было?

— Телефон!? — Алиса обратила внимание на себя, подняв мой беленький агрегат.

Взяла трубку и отошла к окну, с восемнадцатого этажа открывался вид на город Арзонт. Далеко-далеко виднелась корпорация Хаски, одно из самых высотных зданий. А внизу под окнами больницы виднелась парковка, я бегло осмотрела машины и дороги поблизости. Ретз сверкал с буквой X на капоте, а хозяин его где?

— Привет, — ответила на телефонный звонок в это время. Волчица была радостная, судя по голосу и малость запыханная, будто бегала только что. — Куда спешишь?

— У вас... лифт сломался, пешком ковыляем, — выдохнула резко подружка. — Подохнуть мечтаем с девочками. Я прихватила с нами Колдуна и Беатриче...

— Здорово! — искренне удивилась услышанному.

Смотрела на ретс с высоты, только при виде его машины, сердце уже наизнос работало. Совершенно точно когда-нибудь оно от любви остановится, подумает-подумает и скажет:

«Я износилось, слишком часто билось рядом с Дмитрием Сергеевичем». И мою смерть занесут в какую-нибудь книгу, как самый нелепый случай.

Как вспомню его лицо вблизи... когда наклонялся ко мне, так и хотелось ущипнуть его милую моську, потрепать за щечки с его ямочками. У него такая слюняйская морда. Как я могла повестись на эту смазливую морду!? Жизнь не справедлива!

Я очень... хочу... чтобы он обнял меня.

Услышала, как дверь скрипнула за спиной, обернулась и суть разговора уплыла в омуте, в голубом омуте его глаз. Какие же у него голубенькие-голубенькие, а реснички как у

девочки, а губы эти уточкой. Противозаконно иметь такие губы, это у девочек должны быть губы полные, мягкие.

— Ладно, Волчица, отбой, — тихо шепнула в трубку, сделав предварительно ладошку лодочкой, чтобы подруга слышала, а остальные — нет.

— Стой! — заорала та громко. — Палата какая?

— Тридцать пять. Только я занята! — шепнула и сбросила трубку, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, платье колокольчиком взвилось, пришлось его с запозданием прикрывать. Вроде невысоко задралось.

— Пойдем-ка мы прогуляемся... Я видел здесь кафетерий, предлагаю посидеть! — нашелся наш Паша с ответом.

А я никого и не видела кроме Димы, по лицу понять не могла, что он чувствовал и о чем думал.

Ирина подошла и крепко обняла:

— Мне пора, Анют, выздоравливай. Сегодня Леха обещал пораньше приехать, а у меня ужин не приготовлен!

Остальные вставали со своих мест и готовились к уходу.

— Где бы записать, у моей семьи появилось чувство такта, — в спину братцу я все-таки сказала насмешливо, он выходил последним.

Не нравились мне глаза Димы вдруг стало очевидным. Поэтому пока рассматривала его общий внешний вид: черные, спортивные штаны и футболка такая же с белыми цифрами огромными во всю грудь, на ногах — кеды белые. На шее поблескивала подвеска.

Дима не улыбался, как будто мелькнуло неудовольствие. Я очень удивилась и замерла без движения возле того же окна, когда дверь за последним Пашей закрылась.

Гость сбросил олимпийку при входе на стуле, а потом подошел ко мне, пришлось глаза поднимать на него вверх настороженно:

— Привет, — чтобы как-то прогнать ощущение неловкости разбавила тишину. Не нравился его настрой, ох, не нравился. Не удосужился ответить, а сразу начал изливать поток гневных слов:

— Для чего тебе нужно скажи мне фамильное кольцо? — встал напротив меня, руки сложив под грудью, тем самым подчеркивая ее сильнее, а я почувствовала себя очень маленькой и крайне слабой. К тому же дурой, после его слов. С позором осознала, что и сейчас на мне нет кольца.

— Для красоты? Красивый камушек? — его голос не повышался, он был просто издевательски тих и полон сарказма. Меня такой град стыда застучал по плечам и рукам, что хотелось надеть дождевик и не вылазить, пока Дмитрий Сергеевич не заткнется. Как прям от папашки своего! Вспоминались моменты, никогда не кричал, но как начинал психотерапию, хоть прыгай с восемнадцатого этажа.

Терпела и молчала, поглядывала на подоконник и на небо на уровень горизонта. Тучи небольшие, но темные начинали собираться отовсюду.

Какой же Дима нытик, причем до тошноты правильный и нудный. Придется оставшуюся жизнь его развлекать, а то без меня продолжал бы погибаться со своими бумажками и компьютером. Кажется, не только он мне карусели в жизни устроил, я ему тоже. Ладно, квиты! Дима продолжал лекцию, а я решила разбавить его речь:

— Я сама могу за себя постоять!

— Основы самозащиты повтори-ка мне? — вот умник, порой хотелось убить его, но

сейчас мне немного стыдно. Шучу, мне очень стыдно. Даже наорать не могла, разозлиться, как следовало. — Особенно по поводу охранников личных.

— Никогда и не при каких обстоятельствах не снимать кольцо, если вы не находитесь в ноль пространстве...

— Что-то я не заметил в ресторане ноль пространства. Твои проблемы, Вильмонт, — опять его Вильмонт. Мы перестали друг друга величать по фамилиям после того, как были женихом и невестой.

Плечом опирался на стекло и пытался мой взгляд поймать, а я-то на небо смотрела. Как наставник изучал глупую, маленькую девочку. Какой позор, хотелось убежать от него и спрятаться под одеяло.

— Ты слишком безответственная. Сколько раз попадала в переделки и исключительно по своей глупости. Как можно забывать кольцо!!! — раздраженно поднял голос и взяв мою левую руку поднял вверх, демонстрируя обоим отсутствие кольца.

Рывкнул, так рывкнул, едва не подпрыгнула от удивления. Что за командный тон, словно дрессировал собачонку? А он продолжал:

— Из-за твоей безалаберности страдают остальные. Крупно повезло, что мы тебя нашли вовремя, пока тебя не разделали, как бабочку. А если бы не успели!?

Всё — лимит терпения исчерпан. Я интересно не покраснела от гнева, резко отошла от подоконника и пошла к кровати, там улеглась на подушку спиной. Больше разговаривать не хотелось, а Дима не оставил меня в покое, сел рядом, плюхнувшись чуть ли не с разбегу, что кровать отпружинила.

— А если бы тебя изнасиловали, мозгом думаешь? — перегнулся через мои колени и очень позорно постучал пальцем указательным мне по лбу.

— Я поняла, — тихо перебила, убирая глаза влево на стулья.

— Ни бастарда ты не поняла, потому что опять застаю без кольца! — вдруг схватил за талию и насильно потянул к себе. Было огромное желание пнуть его или по макушке стукнуть. Бочком усадил к себе на колени, а я гневно воззрилась на него в ответ, пока он продолжал выговор:

— Ты в какой семье родилась!? Среднестатистического батрака!? Твоя жизнь — очень важный рычаг, на который можно легко надавить. Повезло что никто не пострадал. Понимаешь!? Могло очень плохо закончиться!? — взял за плечи и слегка встряхнул, на что я попыталась вырваться.

— Да поняла я! — обиженно буркнула себе под нос. С трудом вырвала плечи, для этого пришлось резко подняться с кровати. Но Дима вовремя поймал за руку, заставив приблизиться его коленям, я об них машинально ударилась.

Дима тянул меня в свою сторону, ближе и ближе за обе теперь ладони. Подчиняясь его желанию пришлось усесться на него сверху: колени раздвинула и поставила по бокам от его ног. Оседлала одним словом, лица напротив друг друга, а на бедрах сцепил свои руки в замок и поддерживал, чтобы не свалилась. Платье скромно поправила, чтобы не рассмотрел ничего лишнего. Смотрела ему за плечо в сторону того же окна. Окно интереснее, чем Дмитрий Сергеевич. А этот невозможный решил привлечь мое внимание, носом слегка потерся об трепещущую жилу и поцеловал едва-едва в ямочку за ухом. Сразу стало и щекотно, и немножко тепло.

— Я хочу чтобы ты запомнила, — чуть спокойнее добавил Дима, а это противозаконно после нагоняя сразу лезть ко мне. Его дыхание продолжало будоражить теплые волны по

телу. — Со мной намного опаснее находиться.

Мое сердце запрыгало, как ненормальное, умалишенное, отзываясь на его слова. Он имел ввиду то, что я подумала. А потом весь настрой опять сбил холодными злыми словами:

— Даже если ты наплевательски относишься к своей жизни, это не значит, что остальным также наплевать... — он бы еще долго бубнил, если бы в тот момент дверь не распахнулась сзади меня, позволив поспешно спрыгнуть с Димы.

— Ребят, — Саша остановилась возле двери. — Извините, помешала. Где все?

— Они на восьмом этаже в кафе, мы сейчас тоже спустимся, — ответила я. Александра процокала каблучками к стулу, где сидела. Я подвинулась, пропуская ее, а она не отрывала любопытного взгляда и ясно давала понять, как шокирована.

— До сих пор поверить не могу, — наклонившись к стулу она щупала слепо сумочку, сама не отрывалась от меня и Димы. — Вы двое — это что-то! — нащупав сумку, разогнулась. Я только фыркнула и не удержалась от укола:

— Я чем хуже тебя?

— Не в том смысле, — пожала сестра плечами. — Просто... — пальцами одной руки обхватила пальцы другой и резко развела их в разные стороны, намекая на взрыв. — Вы же ядерная субстанция. С твоим характером сестренция... да и с его... мне интересно как долго вы провстречаетесь... — медленно трусливо сестра пробиралась к выходу задом.

— Завидуй молча, — сказала в ответ.

— Завидую, уже завидую, — насмешливо Саша прикрыла дверь, а мне оставалось переваривать информацию и пытаться гостя своего игнорировать.

Дима, взяв меня за ладонь, заставил повторить опять ту позу, в которой застала Саша, верхом на нем.

— Что? — спросила после его пристального изучения моих глаз и лица.

— Я хочу, чтобы ты запомнила то, о чем я говорил, — голос по крайней мере стал тише. Пришлось кивнуть покорно. — Не злись! — ну как можно было долго злиться, глядя в его глаза и находясь опасно близко рядом с ним, ведь знала, что могла получить очень много ласки от него, если прекратила бы демонстрировать обиду.

— Для пущего эффекта натравлю на тебя Санька — он хоть и дурачок, но обязанности исполняет очень ответственно. Пройдешь курс самообороны лично от него. Поверь, после этого ты нигде не снимешь кольцо, и будешь ходить озираться по сторонам в поисках похитителей.

— Настолько ужасно? — мои губы чуть дрогнули в улыбке.

— Когда речь идет о его работе — Санек страшный человек, — Дима опять погладил меня большим пальцем по подбородку, захотелось замурчать от удовольствия и прикрыть глаза от эйфории. Его руку поднялась и обвила мою спину, крепко-крепко привязывая к мужскому телу на прочные кандалы.

— А скажи, как ты оказался там, вроде бы кто-то уехал знакомиться со своими новыми родственниками? — спросила у плеча Диме.

— Если бы кто-то, — выделил он насмешливо. — Не позволял при мне себя целовать, я бы не уехал.

— Неужели поверил, что Лёня заставил?

— Да. Видел в действии его силу, — руки подставил сзади от себя, опираясь на кровать, а я сидела на нем и мы пытались разговаривать. Видимо пришел час разговоров.

— Мм можно узнать? — неуверенно выдала я. Дима кивнул, словно соглашаясь

ответить на вопрос. — Насколько нас с тобой связывают сильные чувства? — я себя какой-то первоклассницей почувствовала. Кажется покраснела, глаза сразу захотелось где-нибудь спрятать. Детский сад на выгуле. А Дима не сдержал улыбки.

— Хочешь мне в любви признаться? — чуть наклонив голову в бок, взирал на меня словно повелитель на грешного раба.

— А ты не хочешь? — в миг насупилась я.

— Можешь начинать... — как отбрил. Сейчас бы его тапком отбрить.

— Знаешь, твоя прямолинейность порой играет против тебя. Ну что тебе стоит, как нормальному парню, навешать мне лапши на уши какая прекрасная и что ты меня больше жизни любишь?

— Я похож на сопливого мальчишка?

— Нет. Ты похож на дурака, — вырвалось у меня раздраженно. Дима проглотил мои слова. — Ты вроде предприниматель. В совершенстве владеешь техникой переговоров и составлением договоров. Так что тебе мешает со мной договориться по-человечески. Я твой партнер, — хмыкнул на мои изречения. — Что тебе нужно от меня?

А потом увидела странное выражение лица, вроде улыбка, малость раздумья и всё....

— Ясно. Здесь можешь не придумывать, — обреченно вздохнула я. — Секс?

Кивнул, ничуть не смущаясь, зато улыбка поистине, как у дурачка.

— И больше совсем ничего не надо? — затихла я. — Совсем? Ради секса ты меня спасал? Ради секса свою невесточку бросил? Двух? — уточнила я. — И всё?

Сейчас было стойкое ощущение будто ступала по очень тоненькому стволу дерева, находясь в кратере вулкана. Оступлюсь — и сорвусь в кипящую лаву, стгорая и стгорая бесконечно.

— Что от меня хочешь услышать? — Дима вздохнул обреченно, будто я его достала со своими закидонами и стало обидно осознавать, что кажется переоценила его силу эмоций.

— Ничего не хочу! Чтобы сексом заниматься мне нужно элементарно понимать, что я дорога кому-то. Что только меня желают одну. Да ужас! — руками вздернула нервно в разные стороны.

Дима приподнял корпус вверх и подтолкнул меня с намеком, чтобы слезла с колен. Пожалуйста. Гневно встала и ожидала, когда взорвусь на кусочки маленьких Анечек Вильмонт, которые будут визжать и ругаться. Дима встал, направляясь видимо на выход. Пока-пока!

Я отвернулась. Завалилась на кровать, подушку поправила удобно укладываясь. Телефон взяла в руки, подсматривала за гостем и делала вид, что проверяла звонки и смс. А он копошился в толстовке, рыскал что-то.

Вали, пока не разоралась, а я слюни распустила дура Вильмонтовская!

— Это сойдет, как доказательство уровня моих чувств? — рядом со мной присел ты и что-то положил, в серебряной упаковочке. Если мне память не изменяла в таких обычно. Я посмотрела сначала на Диму, потом на коробочку итак несколько раз. С ума сошел? А может там не кольцо, что это я испугалась? Взяла коробочку, раскрыла. Оп-ля! Кольцо, два кольца. Взяла одно побольше, по размеру явно мужское и на нем россыпь драгоценных камней в виде четырех букв по ободку — Анна.

— Я не имела ввиду это, — показала я на коробочку пальцем. А может и это имела ввиду. Это кольцо вернула обратно и взяла другое поменьше. А там, как и предполагалось, имя Дима, чтобы не забывала имя будущего мужа? Показала к себе на безымянный палец. —

Это сюда?

— Туда, разве это не говорит о степени моих чувств, — с сарказмом спросил Дима, а потом вывернул две руки, показывая два соединенных запястья. — А вот так?

По венам каждой шли курсивом новые тату, подобных не видела прежде. Его руки сплошь в одних татуировках, поэтому видимо не заметила появление очередных двух. На левой руке Ан на второй — На.

Я подлезла к Диме и поцеловала примирительно, как любимую игрушку в детстве, губы сомкнув на его, невинно по-детски.

— Я тебя люблю! — посмотрела ему в глаза, ничуть не таясь. Даже не стыдно это признавать. Наоборот горда что открыто могла сказать это. Я заслужила эту любовь, мы ее выстрадали.

— Мне тоже следует это сказать? — неуверенно спросил. — Каждый день это говорить?

Я засмеялась над его искренним, недоумевающим морщинкам на лбу. Как будто перед ним действительно задача невозможной степени сложности.

— Желательно по несколько раз на дню, чтобы побыстрее поверила, — ответила, при этом снова уселась к нему передом, на его коленях попой.

Дима, собравшись с духом четко выговорил, как заученную речь:

— Я люблю тебя!

— Если бы тебя не знала, подумала, что стесняешь говорить о своих чувствах.

— Ты не представляешь как сложно, — выдохнул внезапно сгустки кислорода и как выдал вновь. — Ощущение, что мне раскаленными клещами язык прижигают в момент произнесения этих слов. Может я лучше себе всё тело татуировками с твоим именем прижгу?

— Не-а, — локоть поставила ему на плечо и захихикала на глупой попыткой слинять.

— Зато смотри сколько плюсов, — приобнял за бедра, сцепив в замок ладони мне сзади и подтянул к себе. — Ни одна женщина на меня не взглянет, если у меня везде будет Аня написано.

— Не-а, хочу слова.

Слова Димины закончились, но после небольшой паузы уже более серьезно он опять спросил:

— Хочешь дадим им имена?

Я только после этих слов перестала улыбаться, когда поняла о чем или о ком он говорил. Заморгала, как назло это не помогало и кусание губ, чтобы отвлечься на легкую боль, ничто не помогало.

— На плечах могу набить их имена, — сказал Дима и показал примерное место на футболке. — А для будущих детей еще есть много мест на моем теле, — я обняла его за шею крепче, прижимаясь к источнику небывалого тепла, а Дима ответно притянул за макушку, слегка поглаживал волосы, плечи и спину. А я дышала ароматом его кожи и легким запахом духов, привычным, он часто и на моем теле ощущался этот его запах. Очень въедливый и дурманящий голову.

Сердце успокоилось, и мы с Димой закутались в теплом коконе наших общих эмоций, высвобождая их на свет. Не пряча, не тая, как мелкие воришки, держа в узде и боясь, что кто-то из нас поймет истинный смысл былых фраз. Теперь касаться, гладить можно было где угодно. Купаться было очень тепло в наших общих эмоциях, они в кое-то веке вырывались из

нас.

С комфортом принимала поглаживания где угодно, и даже когда руки нагтели, а то, что они нагтели привыкла, я не напрягалась. Расправляла грудь, позволяя бесстыдно гладить ее, сколько угодно пусть трогает.

Прижиматься к Диме было очень приятно и гладить мои любимые плечи сквозь футболку, ощущая как перекачивались напряженные мышцы, было невероятно жарко.

Когда стало совсем невмоготу нашим телам пришлось кому-то возвращать мозги в спокойное состояние и утихомиривать заведенного мною же мужчину.

— Дим, — оторвалась от его. — Немного не место. Доктор будет очень шокирован, если застанет нас... Потерпи немножко... Я тоже очень тебя хочу!

Покрепче обняла его, и он в ответ. Спина хрустнула от его объятия, я ойкнула от неожиданности, а потом рассмеялась счастливо. Сила есть ума не надо.

Тогда Дима предложил погулять пока вечер не наступил, видите ли надо было проветриться. Не в таком же состоянии появляться перед друзьями и продемонстрировал штаны и...и... он пока не успокоился. На что я кивнула и попросила подождать в коридоре своего прихода.

— Что я там не видел, — буркнул напоследок.

Дверь за Димой закрылась, а мне показалось, что это не со мной происходило, а с кем-то другим, иным человеком. Да не бывало, чтобы мне настолько сильно везло. Я сейчас лопну, как надутый гелием воздушный шарик, и буду также смешно орать от счастья на весь медицинский коридор.

Переделалась в спортивный костюм, что поделать, если это единственная вещь которую привезли, не считая сарафана и ночнушки с халатом. Едва застегнула олимпийку новый врач зашел. Едва-едва голый не застал. Я смутилась, ведь без стука зашел. Процедуры, уколы делали разные всегда люди, всех не упомнишь.

— Гости где? — как будто расстроено перебил мои мысли.

— В кафе, — ответила просто.

— Это хорошо, — улыбнулся врач. — Давай последний укольчик сделаем, присядь. И уже сегодня можем тебя отпустить. — Попросил мужчину в белом халате.

Прошла к кровати присела, закатала рукав по локоть. Мужчина достал ампулу с лекарством и шприц, пока распечатывал одно, откупоривал упаковку я подняла телефон, решив проглядеть список мало ли кому я нужна. Много кому. И Беатриче, и отец с мамой. Мужчина слишком старался открыть ампулу и в результате оцарапал сам себе палец, на что я сожалением заметила небольшие капельки крови.

— Все хорошо? — спросила я.

— Бывает, — улыбнулся врач, об халат вытер выступившие капельки крови, показал мне на руку, чтобы я задернула вверх. Сам начал из ампулы набирать шприц.

Стало темнеть за окном, но на высоте восемнадцатого этажа многие здания были видны. И я внезапно рассмотрела дым, возможно пепел поднимался огромной волной или туманом. Словно буря приближался сюда вперед, медленно летел в нашу сторону. А затем за плотной бело-серой бурей различила здание корпорации Хаски. Оно по периметру одного из этажей стало складываться, рушиться на глазах. Камни, песок посыпались сверху-вниз на людей, на дороги.

Я резко спрыгнула с кровати, задев врача, набиравшего шприц. Ампула вылилась на пол.

— Что такое Аня? — очень громко и как-то укоризненно возрился он на меня.

— Простите... я испугалась...вон там... — хотела показать на корпорацию Хаски, но на полу увидела небольшую лужица под нашими ногами от разлитой ампулы. Прозрачная может с легким оттенком серого. По комнате распространился запах он был насыщенный, богатый на самые разные оттенки, очень резкий запах перебивала полынь.

С врачом смотрели друг на друга очень внимательно. Мужчина не отрывал от меня взгляда с занесенным шприцом.

— Протяни руку, Аня, — я медленно подняла ее к нему навстречу.

Все основные медицинские препараты состояли из химии, никаких трав. Где еще чаще всего встречались травы? В ядах, транквилизаторах, снотворные и подобные вещества, запрещенные для использования.

— Что здесь и для каких целей? — руку убрала чуть к себе.

— Не волнуйся, — улыбнулся врач. — Немного трав для эластичности кожи, твоя спина будет лучше заживать и шрамов не останется...

— Спасибо, не хочу, — мягко, но настороженно улыбнулась.

Врач повторил мою улыбку:

— Семьи Вильмонт, Хаски и их соратники должны быть устранены!

Взмах мужской руки, не знала, что за энергия, но это и не важно. Повторила ладонью движение, тем самым поставив блок — рикошет, голубоватая энергия врезалась с искрами об меня и резко вернулась, туда где и была. В руку мужчины. Мгновение и врач остановился, плечо и половина туловища заледенело, покрылось маленькой корочкой льда. Мужчина очень тяжело вбирал в себя воздух, с отчаянием, грудная клетка была частично скована энергией и не могла поглощать воздух.

Я не виновата! Пока он плечами передергивал, словно пытался снять оледенение с тела, выбежала в коридор.

прода от 14.09

Стремительно закрыла за собой палату и привалилась затылком к белой поверхности позади себя. Глубоко и не ровно дышала, пока рассматривала людей. Полный коридор незнакомцев: в белых халатах, и вероятно посетители. Кто друг, кто враг?

И где Дима? Вон. В углу возле подоконника ко мне спиной, ладонью правой руки опирался на холодное стекло окна, левой придерживал телефон и разговаривал. Я направилась к нему. Он знает о корпорации или нет? В эти окна открывался вид на маленький парк внизу и с верхних этажей на другую часть Арзонта. Не на корпорацию.

— Дим? — шепнула, чуть приблизившись взяла его за локоть. А он что-то говорил четким, выверенным тоном, как будто приказы отдавал. Кому куда сесть, что-то закрыть. Плохо понимала о чем он говорил, но пока помалкивала, а Дима обнял одной рукой и вновь прислонил к своему боку в объятии, как будто защищал от всего мира. Похоже это наша любимая поза становится.

— Эй...эй! — услышала вдруг от него, телефон отнял от уха и посмотрел на экран. — Зае... — промолчал на плохом слове и убрал средство связи в спортивные штаны.

— Дима...у нас...проблема, — очень тихонечко поведала его локтю, сама ненароком оглянулась по сторонам. Привлекали внимание или нет? Дверь из палаты пока не открывалась, есть вероятность, что врач задохнется, потому что его грудная клетка почти полностью скована льдом. Он не мог сделать вдох легкими и если объем энергии, посланный в мою сторону был велик, то не успеет выбраться и умрет.

— Врач меня...того...хотел...на тот свет отправить, — люди по коридору не обращали пока на нас внимания, поэтому я отвернулась вновь к окну. Заметила, как Дима поднял часы на уровень груди и получилось перед моим лицом, циферблат горел кроваво-красным цветом. Это что? Пальцами не заметно мой мужчина провел, набирая какое-то, наверное, сообщение.

— Мы его сейчас сами на тот свет отправим.

— Я уже...вероятнее всего, — неуверенно ответила. Пальцы на телефоне перестали стучать, а взгляд сверху вниз нереально было не прочувствовать. Я приподняла подбородок выше, чтобы ответить твердо в глаза. — Я похожа на безобидный одуванчик?

Дима странно передернулся, как будто его пронзило молнией и, ничего не сказав, вернулся к табло часов.

Интересно Дима понял, что я полигеном? Он знает, что малыши были с вирусным барьером и что от него. Параллель не сложно провести, значит я — полигеном.

Или Дима думает, что я забеременела там в пианино в тот наш месяц, а когда вернулась домой вирусный барьер поставила, когда узнала о беременности?

И теперь думает, что я врала ему два месяца о детях?!

Неожиданная догадка заставила удивленно воззриться на Диму, но он предпочитал не замечать внимания, а начал четко говорить:

— Слушаемся меня, не глумим, делаем, как скажу и невинных котиков, попавших в затруднительную ситуацию не спасаем! — особенно четко выговорил последнюю фразу и, взяв за руку, повел по коридору, не спеша, словно мы шли на прогулку, а не с дико взбесившимся сердцем на пару боялись помереть.

— Кольца в палате! — невольно выкрикнула и успела развернуться. Но меня за руку дернули, удаляя от палаты все дальше и дальше.

— В кармане, глупая! Я тебе только что сказал не совершаем необдуманных поступков. Ваш центр взорван, Колчак вероятно тоже собираются. Как и предполагалось две общеизвестные личности решили не отсиживаться у Баллийцев, а пересекли сегодня границу. Нас решили убрать, сменить власть в стране! Какой далеко идущий чудак нам попался! — бубнил Дима, а я молча наматывала на ус.

Шаг постепенно ускоряли, а Дима тихонько отдавал приказ или размышлял просто вслух, делаясь со мной мнением:

— Идем по лестнице, на лифте опасно, ниже спустимся...попробуешь переместить нас. Не получится, переместишься одна, а я по лестнице сбегу, — с этими словами Дима резко раскрыл дверь, ведущую на лестницу и рванул в нее, утаскивая и меня за собой за руку. — А теперь бегом! — скомандовал и перешел собственно на очень быстрый бег по ступенькам. Здесь длина ног значения не имела, поэтому я успевала вполне за ним. Пока никого не встретили, тишина относительная, изредка где-то слышны были открывания дверей на одном из этажей.

Шаги где-то близко...голоса услышала мужские. Сердце забилось неистово, словно вот сейчас последний раз бьется и скоро затихнет насовсем. Мы в пролете между этажами. Сбоку что-то быстрое врезалось в стену и резко отскочило вниз. Энергия свалилась к нам под ноги небольшой голубой лужей. Невольно вскрикнула, на что Дима обратил внимания и обернулся назад.

Там был мужчина в белом халате, а рядом без сомнения военный. Мы одновременно оценили друг друга.

— Эй! — слышала призыв врача.

Потом уловила взмах руки от мужчины в форме, энергия вновь выстрелила в нас непонятной струей будто воды, нет, немного потверже по составу. А сзади меня прихватил за талию Дима и заставлял отступать.

Где стояла до этого, образовалась вновь небольшая, голубоватая лужа-жижа.

Мы медленно спускались по ступенькам задом. Дима сзади закрывал спину своим телом, спереди обнял, защищая большими руками. Ладонь положил мне на лоб, пальцы растопырил по возможности, пытаясь дотянуться и закрыть виски. Кисть защищала мне нос и рот. Другой рукой Дима сжал меня на уровне груди, тем самым блокировал удары в легкие и сердце.

Передвигались очень аккуратно, бесшумно, а бесформенная лужа внезапно приподнялась над полом. Стала расти, преобразовываться, сверкать и приобретать очертания. Энергия двигалась по полу, кралась змеей в нашем направлении, стекая по ступенькам.

Последнюю ступеньку мы преодолели и поравнялись с дверью, которая вела на один из этажей. Ее надо открыть и успеть зайти.

В это же время ледяная змея раскрыла свою пасть, звонко цокнула зубами-иголками. Мать моя, Алла! Чуть не вскрикнула от испуга, боялась я ползучих тварей всегда. Прикрыла глаза, знала, что нельзя так делать, но вновь не послушалась устава.

Внезапно потеряли равновесие вместе с Димой.

Позади дверь распахнулась, и мы вдвоем провалились на пол в коридоре. Мое падение пришлось на грудь Диме, он же принял на спину и бедра, держа меня в коконе рук.

— Спасибо, — прошептала еле слышно ему, приоткрыв один глаз.

А где змея-то? Двери распахнуты на лестницу, а перед нами ну такого не ожидала даже в самых кошмарных снах. Польски, с завязанными волосами на затылке, в одной футболке черной, в спортивных штанах и полностью в боевой стойке.

— Не за что Вильмонт! — Вертушка в исполнении Польски смотрелась поистине идеально. Ноги с руками вертел словно вокруг оси позвоночника, выбивая дурь из этой ползучей змеи-энергии. Мне до такого мастерства, как пешком до Герберта.

— Мало одного было, теперь двоих защищать! — произнес или скорее пробурчал Санек.

По лестнице спустились те двое: врач и военный.

— Бегом. Бегом. Встаем! — Польски захлопнул дверь перед ними, а нам протянул две руки и поднял можно сказать обоих одним рывком. Никогда не подумала бы что он такой сильный.

Наш побег по белому коридору почти не нарушали ничьи голоса, повсюду звучала напряженная тишина. Не очень похоже на больничный легкий гомон, словно здесь никого нет, возможно суббота — выходной день и многих пациентов отпустили домой и лаборатории на нижних этажах сегодня не работали. Слишком тихо.

Долгий, пронзительный звук, похожий на гудок автомобиля, едва не заставил нас зажмурить глаза, мы только на секунду приостановили стремительный бег.

Внимание! Внимание! Просьба покинуть помещение больницы. Сработала охранная система. Здание заминировано. Повторяю — покинуть помещение!

Переглянулись резко между собой, а потом слышали шум открываемой двери, Обернулись назад по коридору, туда где оставили ту двойку и первым делом обнаружили двух волкодавов. Они рыкнули на своем собачьем языке и угрожающе завыли в наши

сторону. Без лишних слов их спустили с цепи. Последовал массивный рывок от животных, телом они напоминали пантер, такие же гибкие и юркие, да и мощные челюсти способны разорвать горло любому человеку.

Услышала голос Димы:

— Аня, бегом на восьмой этаж, всего один этаж остался вниз. Мам в кафе должны быть наши, держись поближе к Виталику.

Что, простите!?! А эти двое не собираются убежать?

Посмотрела на одного, потом на другого. Оба в напряженной позе.

— Я конечно понимаю, что вы герои!

Звери стремительно приближались. Дима оттянул правую руку назад, затем левую сформировав два энергетических заряда в обеих руках и сделал выпад в сторону собак. Мощный вихрь закрутил воздух и собак вместе с ним. Одну завертел, а вторая лишь вскользь коснулась боком стены, потом подорвалась на лапы и рванула с еще большим стремлением. Вторая чуть сзади повторила движение.

— Бегом! — отдал приказ громко и раздраженно. — Внизу встретимся! — он повторил свои движения.

Приказы я к сожалению умела выполнять. Очень похоже на то, когда отец что-то решал и спорить с ним бесполезно. Скользнула рукой по Диминому плечу.

— Помирать не смей, — тихонько шепнула.

И побежала на выход к лестнице. Вот теперь сразу видно, что основная масса людей покинула больницу, остались только нужные. Но нужные для чего?

Сзади слышала рев или скулеж волкодавов. Если им больно, значим мои двое в безопасности. Для чего нас здесь могли оставить? Дима сказал Гербертовский Медицинский центр взорвали и этот собираются. А нас намеренно оставляют чтобы...чтобы здесь тоже похоронить? Наши семья хотят убрать целиком...

Вибрация прошла по полу, я обратила на это внимание. Под ногами, бухало, ходило ходуном, стены дрожали. Не успела обернуться, как потеряла опору под ногами и весь мир слился в непонятное пятно. В голове зазвенело, а потом боль превратилась в тихую, спокойную волну, и я по ней поплыла.

Глава 21 "Друзья"

В этой главе раскрываем последний секрет Хаски
POV Вильмонт

Я помнила лишь сильный шум в ушах и мое тело, которое плыло, словно по воздуху. А потом завертело, закружило, голову крутило из стороны в сторону, боялась ее свернет или замкнет от удара. Внезапно свет померк перед глазами, стало горячо и непривычно в районе затылка. Темное покрывало перед глазами, ничего не видела за ним, а потом и звук в ушах пропал, выключился.

А следующий осознанный отрывок воспоминаний — передвигалась по обломкам некогда предметов мебели. Коридоры испорчены хламом перевернутых досок, все люстры, цветы с подоконников, вещи превратились в груды мусора, по которой я осторожно ступала кедами.

Мой вид не лучше, на запястьях и пальцах царапины, одежда грязно-белая в побелке. А по воздуху сплошной туман из снежинок краски летал и оседал на лицо и в ноздри, от чего дышать становилось тяжелее и тяжелее, будто кто-то препятствовал этому. Вновь услышала сирену на всю больницу, но продолжала идти вперед. Различила звук выстрелов.

Очень похоже на серию коротких глухих выстрелов попадающих во что-то твердое и звонкое, похоже на стену.

Я о чем-то забыла. Только о чем?

Пробиралась осторожно, чтобы не поранить ноги. Обувь очень тонкая, а повсюду осколки и острые обломки от некогда мебели из палат.

Прямо по центру сдвоенная дверь и оттуда доносились шорохи и голоса. Распахнула двери не задумываясь, почему не осторожничала, не понимала?

Одна из стен в помещении полностью отсутствовала, благодаря чему здесь относительно светло, день хоть и заканчивался, но было видно происходящее перед глазами почти и без дополнительного освещения.

Оглядела полный зал народа среди перевернутых столов и стульев. Это кафе. С правой стороны стены на полу обнаружила мою Алису и Пашу рядом с ней, который что-то шептал заботливо нашей сестре.

Если сейчас был взрыв, то вероятно кольца спасли их от удара. Лицом в пол лежал рядом с ними Виталик Дорадо, видимо без сознания потому что не реагировал на изменения в окружающей среде. Мое появление не заметил.

А еще здесь же были...

— Здравствуй, любимая! — я обернулась на голос говорившего и с удивлением обнаружила моего лучшего друга с пушкой в правой руке, почесывающего оружием подбородок.

Располагался он на одном из столов и гремел осколками стекол. Брал их и горсткой сыпал обратно на поверхность и наблюдал за этим зрелищем.

— Вот так бывает, думаешь оно уже твое...в твоих руках...особо не напрягаешься, а тут подходит урод и отбирает у тебя из-под носа, — Шмонт поднял взгляд и посмотрел будто через меня.

Леонид сейчас выглядел плоховато, обычно позволял себе небольшую небритость на

щеках и подбородке, сейчас же почти вся шея заросла щетиной.

Рядом с ним несколько вооруженных мужчин. Леонид должен быть в тюрьме насколько известно. Как он здесь оказался?

— Ручки вверх, дорогая! — эта его каверзная улыбка, полная очень плохих мыслей и пожеланий сопернику, только раньше соперником я не была прежде. А сейчас чувствовала в свой адрес угрозу. Друг пушкой сделал несколько взмахов верх, намекая чтобы подняла ладони мирно. Я поспешила выполнить.

— Ага. Штаны вниз! — кто-то прокомментировал рядом.

Здесь собралось много людей: слева Леонид со своими друзьями, человек пятнадцать навскидку, справа шесть или семь.

Друг внезапно спустился со стола и пошел ко мне, я по-прежнему стояла с руками, занесенными над плечами. Леонид обошел меня и неожиданно обнял крепко со спины. Потом направил нас в ту сторону, которая нужна была ему.

Мы шли, словно приклеенные, сиамские близнецы, в углу помещения, чуть в затемнении обнаружила стул. Вот, что я забыла. Склоненная голова Димы на этом стуле показывала, что он без сознания, со связанными за спинкой руками.

Услышала внезапно голос Санька, а потом его болезненный хрип, будто бы ему треснули по груди, не давая дышать.

— Постой здесь! — велел Леонид, а сам прошел к стулу и ударил пистолетом в кадык Диме, тот дернулся от боли, зажмурился, но очнулся. Заморгал усиленно. Неимоверная боль, наверное, его разбудила, поэтому Дима закинул голову назад почти на спинку стула, прогоняя разряды этих ужасных волн. Чуть позже открыл глаза пристально посмотрел на нас. Внимание фокусировалось на мне секунда за секундой.

— Аня... — произнес удивленно.

— Не твоя забота, — оборвал Леонид и схватил сзади за шею, чуть надавив пальцами. — Хаски, своим появлением в жизни моей любимой все карты попутал. Аня всегда моя была и должна была быть моей и дальше! А ты ей мозг запудрил!

— Ты прям, Шмонт, кладезь приколов! — начала я насмешливо. — Не узнаю тебя в гриме. По-моему это раньше я была весельчаком, а ты так... — насмешливо пальчиками повертела, намекая, что он ни так и ни сяк. Среднячок, как бы не хуже. — Ты на вторых ролях, смирись! — резко закончила мысль, чуть развернув голову в его сторону.

Друг сильнее сжал мне шею, давя на болезненные точки, при этом заговорил очень тихо и будто прошипел:

— Девочка моя, я тебя очень люблю, но давай без твоего тупого юмора! — вновь обнял со спины перед глазами Димы, крепко пережал на груди руками, не давая тем самым сдвинуться с места.

В руки вложил пистолет, закрепляя ладони на нем.

— Держи крепко, — попросил на ухо почти интимно, будто милые слова говорил.

Мои руки автоматически на вису держали пистолет, направленный в грудь парня напротив — моего парня. Шмонт оставил в покое и отошел временно.

— Слушай, — неожиданно пришло на ум. — А между нами что-нибудь по взаимному согласию было? — повернула голову к Шмонту, пока он направлялся к своим друзьям.

Вместо ответа Леонид засмеялся:

— Я два года к тебе подкатывал — ноль эмоций. Пришлось натравить на тебя знакомых старшекласников и спасти в самый ответственный момент, когда тебя пытались

изнасиловать. Я герой, а ты обратила на меня внимания. Девочки такие предсказуемые. Любят принцев! — Леонид встал возле одного из столов, оперся об него бедром. Улыбки полны были желчи и ненависти. Неужели он всегда был отвратительный? А я спала всё это время?

— А потом? — я по-прежнему держала пистолет на вытянутых руках дулом к Диме. Мы не отрываясь глядели друг на друга, на остальных не реагировали. Только на движения ресниц или мимику друг друга.

— Наши желания, себе ИК-а я залил прошлой осенью, когда ты с ним любовь крутила. Первое условие создания зверят мы узнали давно, причем сами без ваших подсказок. Олегу было все равно на второе условие, он постоянно, ублюдок, регенерировал. Я на радостях тоже залил в себя, а только оказалось, что нужно второе условие. И его мы узнали, когда Дмитрий Сергеевич продал три процента Колчака Макс, кстати, из-за тебя сделал эту глупейшую ошибку. Макс ржал, как конь, после той продажи.

Я отняла взгляд от Димы.

— Не знала, что ты настолько урод, Леонид! — не нашла более точного определения. Моего друга Лёни больше не существовало. Теперь был Леонид. Последний вопрос. Глазами вернулась к Диме. — Ты был единственный кто знал про мою беременность и от кого самое главное. Авария — твоих рук дело? Баттлу не нужен был наследник Хаски и Вильмонт, правильно?

Пистолет, как он приказывал до этого, держала крепко, но теперь перевела оружие в сторону Шмонта.

Мне в голову и сердце мгновенно направились винтовки с лазерным прицелом. Я это ощущала и через олимпийку, каждой ниточкой материала.

— Чтобы ты пострадала, я не хотел, это клянусь дело рук Олега. Он заревновал, — ответил Леонид. — А теперь направь-ка это оружие в своих руках в сторону Хаски. Подойди к нему поближе...видишь как парень обескуражен, его любимая сейчас пустит ему пулю в лоб. Согласись, не самая худшая смерть? — моя рука автоматически вернула дуло пистолета к Диме, а тело само пошло ближе и ближе.

— Дуло ко лбу!

Моя рука подняла ствол и, не медля прислонила его ко лбу Димы, точно по середине, заставив голову того откинуться чуть назад. Палец сжал курок, пружина сработала скрипуче-страшно.

— Нет. Лучше пистолет к сердцу! — последовал приказ.

Мои руки задрожали, но переместились к груди Димы. На его некогда черной футболке грязные разводы, а оружие целилось ему в левую грудь.

Я подняла глаза на Диму, боясь прочитать страх, неуверенность или ненависть ко мне. Но он абсолютно чист, спокоен и не боялся. В тот момент была очень горда им и уверена в его, да и благодаря ему — в своих силах. Дима невероятен, в такой ситуации не бояться. Я потрясена.

— Стреляй Хаски в грудь!

Очень точно Леонид отдал приказ. Его не обмануть. Указал специально кому должна придти пуля в сердце. Не смогу нарушить приказ. Гениально, правда?

Резкий поворот руки вправо, перпендикулярно тому, как она была до этого. Цель мною была сразу найдена. Уже слыша дробные очереди и чувствуя, как тело вспыхивало болью от разрывающих пуль, нажала на курок. Только жаль мне попали в руку и прицел сбился, и как

результат промахнулась. Угодила в плечо Шмонту, заставив того болезненно вздрогнуть и заорать не своим голосом.

— Мать твою, Сашкин клон!

Увидела за секунду удивленное лицо Димы, ошарашенное, взволнованное, потерявшее контроль над ситуацией. Теперь он боялся, глядя на меня, неужели предпочел, чтобы я выстрелила?

Успокойся, это не я. Улыбнулась доверчиво и расплылась в воздухе беловатой дымкой.

Проснулась уже на холодном, кафельном полу, начала чихать от запаха. Здесь что-то горело, было очень жарко и ярко пылало.

— Аня, — меня трясли за плечи чьи-то руки. — Анюта, живо просыпайся, мне здесь страшно.

Прокряхтела пока присаживалась на пол, потому что в голове каша, будто там кочергой водили по пустым стенкам и вот теперь головная боль не замедлила о себе дать знать.

— Ура, — зашептал знакомый голос.

Кто у нас спец по клонам? Саша показала внезапно палец возле губ, прося о молчании. Я так и сделала, завалилась обратно на пол лицом вниз.

Расслышала шаги неподалеку от себя, хруст по дереву и осколкам. Саша забилась в угол, где была перевернута кровать на бок. Сестра нашла там местечко в темноте, подобрала колени к груди.

Шаги приближались, играя по моим натянутым нервам, как инструмент по струнам, очень звонко и завораживающе. Боялась даже лишней раз вздохнуть без надобности и уж тем более не смела открыть полностью глаза, скорее подсматривала.

— Смотри, кто-то валяется... — мужской голос один.

— Пни мертвая или нет? — второй голос, больше шагов вроде нет. Два человека. Спецы или нет?

Почувствовала или скорее предсказала движение рядом с собой. Взяла резко за руку того, кто ко мне наклонился, и дернула вес его тела через себя. Эффектный приемчик даже для девушки.

Пока мужчина рядом на полу страдал от удивления и потери дыхания, я ему выбила очередной поток воздуха локтем по груди. Выхватила пистолет и выставила на второго.

Друзей быть не могло, больница оккупирована противниками.

— Будешь пушечным мясом! — приказала ему.

Саша облегченно поднялась из своего закутка. Парень чуть старше меня, ровесник, наверное, сестры.

Бояться? Без смысла. Побояться успею потом, если выживу. А выжить я должна, чтобы... а что я буду делать пока история умалчивала.

— Вперед, мистер, как тебя там! — ткнула парня дулом в плечо, второй валялся пока под ногами без особого движения.

И мы пошли сквозь разваленные медицинские приборы, кое-где перешагивали, иногда передвигались свободно, это был кабинет. Потом вышли в коридор, где почувствовали стойкий запах гари. Всё это забивало легкие и кружило голову.

Я направляла парня перед собой, Саша шла за мной, ей я и сказала:

— Видишь, как хорошо быть маленькой, — шепнула сестре за спину, той приходилось идти на полусогнутых ногах. Может отвлечется, я чувствовала ее дрожащие руки на плечах.

Папа, спасибо за курс самообороны, благодаря этому не сильно страшилась экстренных ситуаций.

— На каком мы этаже? И что происходит ты в курсе? — вопрос адресовала парню спереди

— Девятый этаж, а происходит переворот. Власть сменяется, — хмыкнул чужак передо мной. — Вскоре твой папашка и Хаски останутся с голой задницей...

— И как же это произойдет, умник? Даже если стадо идиотов решили помериться силами... — начала я распалаться.

— Вильмонт, ты слишком невежественна в этих вопросах, нет смысла объяснять тебе... ай, — я со всей силы вжала пушку ему в шею.

— Слышь, умный ты наш! — и я жарко зашептала ему на ухо. — Сейчас пулечку выпущу тебе в затылок и скажу таким нашла и ваш «круто» переворот не увидишь. Как твою мать, Шмонт выбрался из тюрьмы? — повысила голос, а потом пожалела. В коридоре было слишком тихо, наши шаги звучали громко, скрипели и порой под нами раздавался хруст.

Нас могли услышать, если кто-то находился в кабинетах или палатах. Мы сейчас открыты, как на ладони в коридоре. Шли почти на ощупь некоторые лампы светодиодные были видны на потолке, значит взрыв был не так уж и силен. Или это не взрыв, а энергия к примеру чья-то? Здание ведь пока цело.

— Ты спрашиваешь, как он вышел из собственной тюрьмы!? — заржал придурок передо мной.

— Голос потише, — зашептала. — А то нервы мои не железные, какого Бастарда тюрьма его?

— Раскол, девочка, — насмешливо продолжил он. — Охранники его, слежка его. Вильмонт слишком поздно понял, что его подсадили, часть народа на стороне Шмонта. Он более сговорчивый мужик.

Не могла поверить, вот таким легким способом, взяли и перестали подчиняться моему отцу и Хаски. Вздор!

— Какой вам толк от смены власти, так и останетесь на побегушках... — поинтересовалась ненавязчиво.

— Земли, деточка, земли, огромные пространства полезных ископаемых, за добычу которых мы платим огромные деньги вашим папашам. Вся землю распродало вам дебилное государство Немии. А теперь если вы объединитесь, это же почти вся Немийская территория станет в вашей власти! Поэтому надо убрать всех, включая знатных детишек!

Когда-нибудь я пушу ему пулю в лоб и притворюсь, что так и было!!!

Пока переваривала информацию потеряла бдительность. Мужчина передо мной резко развернулся, заблокировал пушку в руках и коленом выбил весь воздух из моих легких. С грохотом я свалилась вниз.

Распластанная по полу, думала когда вырубят, потом услышала выкрик Саши. На нее резко шел мужик, а может не на нее?

Между ними стояла тоже я и смотрела сейчас на себя. Мы обе удивленно рассматривали друг друга. Видно перед тем как мужчина выбил воздух из меня, Саша успела прикосновением руки создать клона опять.

Враг в смятении, увесистый удар с правой от клона, потом она же подняла выпавший пистолет и подставила к горлу соперника.

Выстрел и тело врага спало к голове настоящей меня. Мужчина оказался весь в крови, я

резко поднялась на ноги, не имея особого желания рассматривать дыру в горле трупа.

Внезапный глухой стук, будто что-то свалилось и мы с Сашей одновременно обернулись в сторону глухого стука. Общим не могло послышаться. Резко спрятались по обе стороны от двери, именно оттуда был слышен звук. Если там парочка дядей с винтовками — мы трупы, значит необходимо по одному выманивать. Дверь открывалась в мою сторону.

Коротко постучала и замерла с оружием возле груди. И почему меня в Военку не взяли?

Прислушалась — тишина, словно там ничего нет. Подозрительно. Самой наведаться? Не вечно ждать.

Здесь я понимала, что поступала опрометчиво. Совершенно глупо и не по уставу. С ноги открыла дверь: отметила тишину в помещении и коробки с наваленной одеждой. За этими коробками вполне мог оказаться враг и интуиция об этом кричала. Зашла в помещение и...

POV Шмонт

— Очень плохо. Так хотелось обвинить в смерти Хаски Вильмонт перед народом, к сожалению придется всю вину столкнуть на угарный газ, — пожал я плечами, выходя вновь на середину площадки, туда где была раннее Вильмонт.

— Зачем? — спросил Хаски, наблюдая как я ему в лоб направил дуло пистолета.

Не ссышь, засранец!? А советую, начать молиться всевышним силам, но даже они сегодня не помогут. Сегодня я за эту силу!

— Чтоб без всяких революций. Народ вас все-таки за что-то любит. Чуть не забыл, — протянул руку к кольцу с голубым сапфиром. — Обойдемся без охранников. Сидит поджидает лучшего момента?

— Вроде того, Леонид, — кивнул белобрысой головой. Слышал ли он, как курок срабатывал на пистолете, наверное, да, потому что сглатывал нервно. Смотреть смерти в глаза от Вильмонт приятней?

Палец отпустил пружину. Пушка с глушителем, поэтому лишь легкая дрожь прошла резвой волной по руке и вышла пуля точно по середине лба, ударяясь об плоть Хаски.

Мой триумф! Я замер в ожидании предсмертных хрипов, с предвкушением его смерти, с нескрываемой улыбкой на лице, и с пистолетом возле плеча, поднятого дулом кверху, чтобы естественно себя не поранить. Но потом понял, что пуля упала на колени Хаски, скатилась и приземлилась со звоном на пол, оглушая всех присутствующих звуком. Глаза Хаски не закрылись в предсмертных муках, кровь не оросила его лицо и ужасная гримаса не изуродовала мерзкое лицо.

Да что за!!! Я поднял пушку, повторив серию из четырех коротких выстрелов в Хаски. Выстрелы не смертельны, но в сумме могли быть и убийственны.

Ни одной гребаной эмоции! Хаски опустил голову вниз и одна из пуль должна была пробить его черепушку. Гребаную черепушку, раскроить его череп по середине лба, проложить рваную дыру к его мозгу!

Слева донесся голос подозрительно разозленный, что заставил обернуться в ту сторону:

— Да какого бастарда?! — это был голос Польски.

Он вроде должен был быть без сил, после того как его испинали спецы. А Польски поднялся с колен и в одной майке, пропитанной кровью и потом, перевернул стол перед собой на стоящих рядом людей. Незамедлительно со всех сторон последовали выстрелы в его сторону за проявленную агрессию.

Пули не делали ему урона, но не заметно от силы отдачи Польски отходил назад. Павел увидевший, что спецы обратили внимание на Санька, воспользовался моментом и выпустил

энергию из рук.

Один из Бастардов друзей Ани обнял двумя руками череп одного из моих людей, воспользовавшись заминкой, и разможил ему череп выбросом энергии.

Повсюду в помещении полыхали последствия применения сил.

— Вот этого! — Польски показал к себе на лоб, где можно было разглядеть несколько точек — покраснений. — Я тебе не прощу, Шмонт позорный. Вот это было больно!

Пес Хаски разгневанно маршировал в моем направлении.

— Ты невероятно наивный, Шмонт! — расслышал перед собой голос. Этот раздражавший долбанный голос. Хаски поднял голову, смотрел снизу вверх на меня, но откровенно пренебрежительно, что на время я усомнился кто сейчас сверху, а кто снизу. На его щеках эти презренные снисходительные разрезы, пока он улыбался глядя на меня.

Звук вертолетов, подлета отвлек вновь людей и ветер завибрировал в помещении, перемещая по пространству предметы мебели, цветы, горшки, землю. Приходилось закрывать глаза, чтобы не попала пыль.

Хорошо известный мне человек уверенно приземлился через разбитую стену на грязный пол перевернутого кафе. За спиной его чернели распахнутые густые, но металлические крылья, красивый как ангел отмщения. На нем белый костюм, обтягивающий тело, и черные уродливые крылья, как у ястреба, готовые убить любого соперника. Мужчина поднял взгляд, всегда уверенный в себе и желавший одного — быть выше всего мира и этих жалких людишек.

— Долго, Шмонт, очень долго, — начал говорить Макс, попутно медленно осматривал людей в открытом помещении. — Плохо справляешься без меня, говнюк! Добрый вечер, господа Немийцы, — Трески чуть наклонил корпус, руку прислонив к груди, и сделал низкий поклон перед людьми.

Крылья красиво очерчивали нереальное создание и его возвышенность над простыми людьми, не умевшими летать. Как знак господства над миром.

Перед тем как завершу Немийцев, Бастардов буду перезаливать. Завтра скорее всего, я там маленько исправила, а то совсем запозорили с ошибками))) Поэтому вам буду сыпаться уведомления, крепитесь.

Спасибо за внимание к книге, за лайки, репосты и сообщения.

За награду спасибо Irina Kiryanova и Наталья Александровна.

За перышки спасибо Екатерина Волкова

Глава 22 "Друзья 2.0"

POV Вильмонт

Я говорила, что нельзя входить в помещение напролом, не удостоверившись в безопасности? Я не соблюла это правило, поэтому лежала на полу и пялилась на одинокую лампочку над головой, ее свет раздраженно резал глаза. В голове что-то начало пульсировать. Не иначе как демон рвал руками или когтями мой мозг. Схватила за голову сзади. Мой затылок. Сжалась от боли, принимая сидячее положение, очень осторожно стараясь не тревожить голову.

— Аня, ты жива? — услышала знакомый голос... нет не Саша... Маша? — Всё хорошо, не волнуйся, сотрясения быть не должно. Удар был вскользь.

— Удар? — поинтересовалась для необходимости. Что происходило не понимала совершенно.

— Волчица перепугалась, — поведала подруга.

И только тогда я позволила глазам раскрыться получше и обвести обстановку помещения по периметру. Мы в подсобке. Я заходила, предчувствуя подвох с пушкой в руке.

Волчица пожала плечами, стоя неподалеку возле коробок с неизвестным грузом.

— Извини, Ань, не хотела, — несколько заторможено ответила. Саша сидела, поджав колени к груди, и словно маятник качалась назад-вперед, убаюкивая себя. Защитный человеческий рефлекс, как успокоение действовал.

— Пустяки, — отмахнулась.

Голову потрогала, вроде раны нет очевидной, но шишка уже сейчас чувствовалась.

— Где мы находимся? И нам надо на восьмой этаж спасти Диму. Шмонт хочет его убрать и если, Волчица, из-за тебя я не успею его спасти — умрешь терзаясь! — пригрозила.

Стало спокойно рядом с близкими девочками, уверенно что ли. Эти люди для меня, словно плоть, неотделимы и очень болезненны, если к ним притронуться.

Резко вскочила на ноги, потеряв равновесие. Кристина вовремя подхватила под локоть, и я не упала обратно на пол.

— Спасибо, — кивнула подруге. — Девочки, мне нужна помощь в спасении моего будущего мужа, — сейчас было бы уместно поднять руку и продемонстрировать кольцо, но кое-кто не одел мне его на палец!

Куда ты без нас, — громко фыркнула Волчица, а девочкам оставалось шикнуть на нее, чтобы потише. А я улыбалась, как влюбленная дурочка. Сначала выйду замуж, а потом умру от счастья и надеюсь в объятиях Димы. Там не против умереть.

А я-то думала, буду кстати, но судя по перестрелке поздно. Вот они двери из памяти клона двойные и там шум. Я думала это будет операция по спасению и надо действовать без шумно. Но ошиблась.

— Девочки, план меняется, штурмом берем. Саша, давай меня, я первая!

Сестра пробубнила, что столько энергии у нее нет, но просьбу выполнила. А я-клон распахнула двери и зашла внутрь. Пару секунд и раздался женский возглас:

— Ай!

Какой меткий человек. Мое собственное сердце в этот момент от страха стало прыгать

неистово, бежать оттуда подальше. Минус один клон.

— Клон номер два! — раскрыла двери клон номер два. — Да убейте снай... — не успела она договорить и исчезла.

Мне больно в конце концов! И страшно! Ощущение бедто ледяной иглой в сердце колют — Волчица, пошли со мной, а то мужика снайпера убрать не могут! — шепнула я подруге возле дверей. Ее тело покрылось рябью, сливаясь со стеной бело- грязной. На третью попытку зашел мой, привлекая к себе внимание, в ожидании очередной пули. Но смерти не было и холода в сердце тоже.

— Неужели кто-то убрал снайпера! — насмешливо заметила теперь уже я настоящая, входя в помещение.

— Это я молодец! — Польски подал голос из левого угла. — Я тут трупы собираю!

Кое-где замечала резкие взмахи руками или ногами. Пригляделась к обстановке. Здесь обнаружили: Колдун, Беатриче, Дима, тот как раз отвлекся в этот момент на руку с часами и что-то набирал, потеряв бдительность. Хотя нет, судя по мгновенно выброшенному кулаку в челюсть подобравшегося соперника, любимый и сзади видит.

Дима обратил на меня внимание со стороны одной из стен, ближайшей к дыре в открытое небо. Одновременно говорил по часам.

— Шмонт где? — подала я голос, пока наступило затишье в помещении.

Виталик уселся на пол, задирая штанину на ноге, морщился словно ему больно. Маша пришла в движение и Кристина пошла с нею же за компанию.

— Упустила. Начал кровью плевать внезапно! — Санек молча оглядывал помещение на предмет опасности, поднимал вещи, которые могли служить средством спасения. — Только что в окно к Трески выпрыгнул прямо в вертолет. Вот это такси у них, может они гомосексуалисты? — предположил Санек, разряжая атмосферу в помещении небольшой шуткой.

— Ну что гомосеки — это однозначно, — услышала своего брата, он на столе, который прежде занимал Леонид с друзьями. Ранен? К нему сразу отправилась, изредка посматривала на Диму. Он вдруг закончил разговаривать и обернулся с хитрой улыбкой:

— Я вновь покорен. Так доходчиво объяснить кого из нас ты выбираешь — можешь только ты... — сердце екнуло в груди сильно, думала застрянет в горле.

Ответила похоже:

— Взаимно. Один ты можешь с деревянным лицом смотреть на пушку, не зная, что я никогда в тебя не выстрелю!

Давайте влюбляться будем позже, — вдруг громко воскликнул Санек, привлекая наше внимание. — Всем лежать! — не было времени разбираться. Успела только брякнуться на пол возле брата, и зажмурить глаза, и закрыть уши.

Звуки выстрелов раздавались по всему помещению, вздрагивали предметы, получая новые ранения. Отскакивали опилки дерева от стульев. Мы прятались за одним из столов с братом. Паша придерживал мою голову вниз, чтобы я не высунулась. Еще бы... гораздо больше интересовало жив ли Дима, что я и пыталась разузнать, он ближе всего к дыре, откуда летели пули.

— Как дела у отца? Не знаешь? — прошептала брату.

— Примерно, как у нас! В приличной заднице! — он как будто не понимал серьезности обстановки, подмигнул и выплянул из-за стола. Тут же дробная очередь пробила краешек нашего стола и Паша убрал любопытный нос.

— Народ, у нас проблемы. Они идут сюда! — заметил кто-то, по голосу похож на Польски.

— Кто они? — не одна я видимо заинтересовалась.

— Судя по крыльям птички, — с сарказмом ответил тот. — Залетные продажные ястребы пришел кровавый пир устраивать, — ухитрялся перекрикивать выстрелы.

— Что ты? Что делаешь? — не своим голосом закричал раздраженно Польски.

Я выглянула за стол, опять едва не словив пулю в носу и третью ноздрю для пущего счастья. Дима покинул свое укрытие и встал напротив открытого пространства через которое прилетали пули. Выстрел, раз... два. Дима чуть дрогнул, убирая плечо назад. Видимо попало в него. Я встала из-за стола, наблюдая как пули пытались достать тело Димы, но он не реагировал, будто назойливые насекомые в него врезались и отскакивали. Это очень странно...

— У нас только один шанс. Буду к вам по очереди их сюда затаскивать, — резкий взмах рукой, второй. Выбрасываемая энергия полыхала по воздуху в направлении летающих точек поблизости. Я удивленно смотрела, как первая жертва попала под эту энергию и ее, словно торнадо засосало в эпицентр и выкинуло у меня под ногами. — Крылья отбирайте у них! — словно приказ отдал.

— И откуда у тебя проснулось идиотское самопожертвование! Причем за мой счет! — Польски стоял рядом и ни секунды не уходил.

А жертва под ногами очнулась, со ориентировалась и меня за ногу схватила и дернула вверх. Я с криком позорно шлепнулась на пол, благо брат пришел на помощь и пнул его в сторону Димы. А тот отвлекся на меня с таким пробирающим укором в глазах, как за кольцо. Я невинно пожала плечами, ну не всегда я просчитываю все моменты.

— А вот он и я опять! — ветер завыл в пространстве, и я расслышала знакомый голос. — Аня, здорова с тобой еще не виделись!

Порыв воздуха разметал одежду и волосы, от знакомого голоса привычно вздрогнула. Макс приземлился почти в центр помещения, будто не боялся, позади за спиной оставил Диму и Санька, наблюдал в упор за мной, а я достаточно далеко на противоположной стороне возле перевернутых столов.

— Максимка, ты ничего не забыл? — спросил Дима, телом словно прикрывал возможность Трески покинуть помещение опять же через воздух.

Эта мерзкая улыбочка появилась на лице Максима, предвкушающая шоу или долгожданный приз. Потом он развернулся к Диме:

— Как пожелаешь, глава Хаски. Ты теперь не реально крут! — смеялся он. — Пух!

Сделал губы кружком и словно выпустил энергию изо рта. Мощные электрические разряды окружили ближайшее пространство и несколько молний разом ударили по Диме. В грудь, в плечо. Невольно собственное сердце замерло в момент удара и бросилось вскачь, как на горках перед мертвой петлей предчувствуя угрозу. Но нет, расслабилась, Дима живой, но вот удары заставили его отойти назад. Еще чуть назад по направлению к темной бездне неба. В открытое пространство.

— Эй, Макс! — выскочила я из того места, где стояла. — Ты же пришел ко мне, не правда!? Давай решим наши вопросы! А? — прозрачно намекнул на нерешенный вопрос в Рае.

Макс медленно развернулся, опять полуулыбка на одну сторону лица:

— Я всегда за. Неужели наконец-то решила испробовать настоящий секс?

Он бодро шагал в мою сторону. Я заметила как за ним Дима формировал в руке огненный столп энергии. От этого казалось даже его глаза становились кроваво-красными. Я чуть заметно улыбалась Максу и покачала головой отрицательно, намекая Диме, чтобы не торопился. А тот очень напряженно рассматривал вид Трески сзади и меня.

Макс явно ожидал от него ошибки и Дима крупно подставится, если опять пойдет на поводу у эмоций.

— Настоящий секс? — переспросила у него. — Это когда ты, трое мужиков и одна я? А один ты не способен уже доставить удовольствие девушке? Прискорбно, Макс? Я была о тебе лучшего мнения, — хмуро надула губки.

Он ответил мне такой же наигранной улыбкой, как и у меня. Дима делал осторожные шаги в направлении Макса, и почему-то казалось, что зря. Сейчас Макс обернется.

— Я буду главным не волнуйся, остальные буду держать тебя, пока буду иметь тебя во все дыры!

Твою мать! Дима резко выбросил порыв огня тому в спину, на что Макс резко убрался в сторону и развернулся, ответно пуляя разрядами в Диму.

Я резко переместилась под этот обстрел, примерно рассчитав, где должен был пройти разряд. Если не успею меня долбанет. Едва переместилась выставила руку, честно не надеясь что осуществится эта многоходовка. Сработало! Разряд отрикошетил от руки и ударил Максу в плечо. Одновременно ему в лицо попал столп огня. Макса протащило в воздухе и ударило об перевернутый стол головой.

Я обернулась туда, откуда огонь прилетел. Мы оба с Димой смотрели друг на друга и молчали. Получается он знал, что Макс его специально провоцировал опять и приготовился тоже уйти от ответного удара молнией? А почему Дима с удивлением сейчас смотрел на меня?

О! Всевышние силы, я воспользовалась рикошетом впервые перед ним. Он действительно не знал?

— Сюрприз! — с этими словами подарила ему свою самую лучшую, милую улыбку. Ну должен был немного оттаять, хоть чуточку. Придется придумывать новый способ замаливания вины перед Димой. Все известные прежде способы не срабатывали.

— В пианино поговорим! — грозно выдал, а потом подошел к Максу, посмотрел на того и пнул под ребра, не сильно, но перекатывая на спину.

— Эй, Максимка! — по щекам отхлестал Трески, присаживаясь на корточки. — А я предупреждал не пересекать границу!

Рукой взял того за шею.

Спрятала глаза на грязном полу. На всю жизнь насмотрелась, как он убивал Захара, как заставлял кипеть кровь в венах, достаточно с меня. Подняла глаза, когда Дима отпустил Максима и тот не сильно головой стукнулся от пол.

— Нам чуть-чуть продержаться надо... — предупредил.

А потом что, хотелось спросить? Всё!?

Шум в ушах стал нарастать, как будто звук крыльев. "Птиц" становилось гораздо больше с каждой секундой, небо утыкано этими точками. Я застыла в одном положении, забыв на секунду, что продолжался бой.

Крыльев стало действительно больше, но только выстрелов тоже и не в нашу сторону. Внезапно обнаружила, что некоторые птицы отличались по форме. Военные. Только чьи и на нашей стороне или против всех?

Мы, наконец, все в помещении замолчали и принялись изучать столкновение в открытом пространстве над городом.

— Это что? Баллийцы решили помочь? — с сомнением Польски положил локоть на поврежденную стену рядом с дырой и наблюдал очень внимательно за действиями в небе.

— Как видишь, — пожал плечами Дима. Как раз в этот момент к нам направлялись несколько черных точек, друзья или враги?

— Опять твои махинации! — услышала насмешливый голос Санька, он хлопнул рукой по плечу Димы.

— Я им раньше, чем Шмонт предложил выгодный контракт!

На площадку приземлились три человека, среди одного из них и рассмотрела Барса младшего. Брюнет, с длинным хвостом, очень необычная внешность для Аристократов, но он и не Аристократ. Он глава одной из ведущих семей Баллийцев, как например Дима у нас или мой Паша в будущем.

— Ты сам явился? — Дима радостно улыбался и от души пожал руку партнера еще на подлете. — Не представляешь, как я тебе рад!

— Почему же, представляю! — усмехнулся тот. — А ты должно быть Польски, — пожал руку и тому. — Обожаю летать, к тому же надо засветиться, какой я Баллийский герой! Ребят, кидайте сюда костюмы! — обращался к своим прилетевшим напарникам. — Надеюсь, вы летать умеете на наших снаряжениях? Здание сыпется на глазах. Советую убираться!

И после столь плачевных новостей, Барс с улыбкой распахнул руки:

— Дамы, кто желает со мной полетать?

Везде одни ловеласы с ужасом поняла, а Волчица едва не бегом. Я даже глаза закатила, у нее мужик есть.

— Я хочу, как можно быстрее, — ковыляла она к нему в объятия.

— А еще кто-нибудь хочет. Может вы!? — я ткнула в себя пальцем. Меня!? Барс кивнул. — Ой. Стоп. Кого-то вы мне напоминаете. Ааа, точно. Это твоя? — неожиданно для меня, да и для всех Барс указал на Диму.

(p.s. Вспоминаем Бастардов глава «его собственность» когда Дима сидел в кафе с барсом, а Глен ему прислал видео, где Аня с Иваном целовалась, Дима ему тогда телефон показал со словами «моя баба лижется с каким-то уродом»)

— Давай лети быстрее, сам говорил время, — Дима подтолкнул его в грудь. Так и началось наше бегство. На всех снаряжения естественно не хватало, некоторым приходилось по двое.

— Саш, возьми Сашку, — попросила я у Польски. — Она отказывается лететь.

Тот кивнул на мою просьбу, вполне доброжелательно к ней отнесся. Подхватил сестру за талию, распахивая крылья, как черный, кучерявый ангел. Впечатляюще.

— Ну что полетаем, Вильмонт? — с улыбкой маньяка-извращенца предложил Польски.

— Что? Куда? — в жизни не видела такого животного страха у Саши. Она брыкалась, отрывала руки Польски от себя. — Поставь немедленно. Я не хочу! Я лучше тут сдохну! — даже когтями вцепилась ему в лицо, а это очень больно, у нее длинные ногти.

— Она боится высоты! — поведала я. — Я слегка побаиваюсь, а она в ужасе от высоты. Понимаешь...мы в детстве застряли на горках в парке развлечений вниз головой...

— Мо. ггглаа и ппппорранышше сказать, — буркнул Польски насколько мог четко сквозь закрытую челюсть, которую ему заблокировала Саша своими культиями.

— Аня. Бегом! — скомандовал Дима. Я и забыла, что надо будет лететь с восьмого

этажа, посмотрела на этот настил темный под ногами и открытое пространство. Ветер завывал серенаду над ухом, противно скрипел.

Один шаг и головой рухнем вниз. Здание будто назло покачнулась под ногами, словно готовилось упасть и разбиться по кирпичику.

Дима вмиг сделал рывок и приобнял меня за туловище. На его спине не было черных, огромных крыльев, видно он с усовершенствованной моделью, которая представляла собой обычный, маленький чип. Так было гораздо удобнее делать маневры в воздухе, ничего сзади не мешало. Сейчас мы парили на краешке остаточного пола, не касаясь ногами. Встала Диме сверху на ноги и крепче вцепилась в его талию.

— Ну что полетаем, Вильмонт!? — повторил точь-в-точь насмешливо фразу Польски.

— Дима я согласна летать с тобой по-другому хоть сколько. Но лучше не так!

Ветер еще сильнее взвыл в ушах, волосы полезли в глаза и закрыли обзор вниз. Мы выпорхнули из помещения, а потом не сразу поняла, что случилось. Может шок, но показалось меня оторвало от Димы, я больше не чувствовала теплых, знакомых объятий. Сразу стало холодно, непривычно, будто что-то родное отделили.

На талии почувствовала чужие пальцы, они не такие большие твердые, и они причинили боль коже живота и груди своей хваткой.

Я вновь в помещении, попыталась отодрать руки со своего живота, сзади мужское тело прижимало к себе:

— Аня останется со мной! — услышала голос моего бывшего друга. — А ты убирайся! Улетай Хаски! — простой приказ.

POV Хаски.

Мышцы выворачивало, словно их кто-то перетягивал, выкручивал из сустава. Ноги сами двинулись назад обратно к пропасти. Старался сдержать порывы тела, но мозг отдавал приказ, который ему выдали чужие энергетические потоки. Ублюдох.

И я улетел, а моя Аня осталась там по-прежнему. Приземлился в общую кучу людей, первым делом нужна была Саша и мой клон. Оставалось уповать на всевышние силы, чтобы хватило времени и Шмонт не осуществил задуманное.

POV Вильмонт

Шмонт вышел из кафе в коридор, и опрокинул меня вниз на пол.

— Не двигайся! — приказал хрипло дыша. Здесь было темнее, чем в прорванном помещении, но диодный свет с потолка кое-где освещал стены. Леонид прислонил к носу пальцы, протер кожу и посмотрел на руку. Похоже от приказов у него кровь пошла из носа.

Тело один сплошной комок нервов, болели, гудели от перенапряжения мышцы. Не зря ненавидела больницы. Мое тело какое-то тяжелое и не подчинялось голосу разума, только приказу Леонида — не двигаться!

Друг тяжело рухнул рядом со мной, привалившись к стенке. Дышал хрипло, потом Леня зажал мою правую руку, в крепком и теплом пожатии.

— Не думал, что так закончится. Мне жаль, — произнес еле слышно.

И я действительно чувствовала в нем это сожаление, оно в наших соединенных руках, в нашем общем прошлом. Здесь оно стояло между нами твердой, не разрушаемой стеной. Я чувствовала ее холод и шершавость.

Услышала шорох на одежде, шелкали заклепки-кнопки на кофте Леонида. Потом друг распахнул концы одежды и меня озарило яркое, зеленоватое свечение на экране

программного продукта. «2:45». Увидела... и секунды побежали одна за другой. Будто ускорили ход, а мое сердце замедлилось, отдаляя последние мгновения, продлевая остаток времени.

— И мне жаль, Леня, и мне очень Леня, — пожала руку бывшего друга. Даже улыбка чуть изуродовала мое лицо. Бастард раздери, а умирать-то не хотелось.

Пока сдерживала рыдания в груди, продолжала кусать до крови губы. И казалось жизнь стала баловать, а теперь вновь орбита пришла в движение, выбрасывая в открытый космос. Но по крайней мере не в одиночестве погибать, а с тем человеком, который был половину жизни рядом.

55 секунд. Я последний раз посмотрела в глаза Леониду рядом, но не увидела их. Не позволил, скрыл их позорно от меня на своей груди.

Это галлюцинация должно быть от переживаний. Когда слезы не сдерживала, когда счет времени перестала вести и обреченно терпела боль в шеи от лежания в одном положении, тогда увидела Диму, открывшего сдвоенные двери. Остановившись возле нас, он окинул взглядом цифры, вырвал меня из руки Шмонта, но тот и не держал и не сопротивлялся. Он молчал и не приказывал. И больше не смотрел на меня, только на свои ноги перед собой.

Когда за нами закрылись сдвоенные двери, раздался взрыв, который оглушил на миг. Уничтожающая волна ударила в спину Диме. Взрыв был сильный, в какой-то момент показалось, что меня передали опять в чьи-то руки, но повернувшись, убедилась, что мы парили в воздухе кафе с Димой. Отовсюду видела лижущие огненные языки, все горело перед нами: пол, потолок, стены, мебель.

Как и мечтала. Умереть в объятиях Димы. Перед глазами плыло всё. Димины руки, только по ощущениям понимала, что это его ласковые мои любимые руки, а в остальном не видно ничего, кроме огня.

Хотела сказать, но вышел хрип. Стало неожиданно горячо и тепло. Димины руки крепко обхватили вокруг талии, сжали на животе.

Глазам стало со временем светло и ярко. И я видела. Видела перед глазами яркий огонь. Он полыхал, лизал стены и пол, как родной и любимый словно не знал, что может убить одним прикосновением.

И к нам подбирался. Медленно... шаг за шагом. Горел воздух, изрыгая искры, и взрывались стекла на бокалах и бутылках из кафе. Потрескивал пластиковый стул с жалобным стоном.

Живой огонь целовал наши ноги. Мои и Димы. Мое тело... он ласкал, стремился сжечь дотла... но я не чувствовала боли. Видела как ноги, ткань спортивного костюма, кожа рук горела оранжевым подозрительным светом. Приподняла пальцы поближе к лицу. Кожа разделилась на бесконечные корявые полосы, будто разрезанные.

Я горела!

— Не двигайся, — прошептал Дима, повернула голову чуть вправо и назад. Его лицо повернуто ко мне и испещрено такими же полосками и кожей, будто разорванной на клетки. Его глаза изуродованы красными капиллярами и руки дрожали, наверное, от перенапряжения на моем животе.

Огнем горело помещение, а мы в эпицентре. Рушился перед глазами пол и исходил мелкими, разрозненными дорожками, стремясь добраться до нас. Отчего руки Димы сильнее

сжались на моей талии. Неплохо умереть в объятиях любимого.

Спиной ощущала мужскую, крепкую грудь, пол перед нами исчез почти.

Закрыла глаза. Восьмой этаж. Крепче схватилась за надежные пальцы на талии. Не самая худшая смерть.

Волны перед глазами стали прозрачными невидимыми, оранжевый, огненный свет пропал, появился голубоватый.

И вдруг под ногами вновь почувствовала опору. Мы больше не летели и не было страшного огня на теле, предупреждающего о неизбежной кончине.

Я на парковке возле больницы. Отвлек от мыслей громыхавший камень об землю. Грохот, взрыв и голос огня сжирающего здания. Руки за собой больше не чувствовала. Где Дима? Со страхом обернулась, боясь что переместилась одна.

Слава всевышним силам! Дима лежал на земле, его тело бледно — голубое по цвету, будто у него всю кровь выкачали из организма. Хотела наклониться, но опять услышала приказ:

— Руки вверх!

На меня направлено оружие от мужчины в военной форме. Подняла послушно, уже в который раз за сегодня, как белый флаг, но глаз не сводила с Димы. Дышал, судя по грудной клетке.

Мужчина-военный окинул взглядом меня, потом Диму.

— Врача! — скомандовал в микрофон на шее. А потом оглядел повнимательнее меня застывшую с руками, занесенными ладонями вперед. — Анна Сергеевна, вы ранены!

В этот же момент Дима видно стал приходить в себя, локти поставил на асфальт и слегка приподнял тело. У него очень страшные почти полностью белые глаза, а голубой зрачок превратился в маленькую точку. Должно быть шок!

Дима смотрел в мои страшные глаза, а потом ниже куда-то на мое тело. Я тоже опустила послушно глаза на себя вниз и под ребром обнаружила красное, кровавое пятно.

— А пустяки! — махнула с улыбкой рукой. Адреналин не дал почувствовать ранение прежде, а теперь накрывало. И земля куда-то делась, а нет, вру, моя голова соприкоснулась с ней. Неплохая смерть и мы ее избежали с Димой.

Глава 23 " Красавчик"

POV Вильмонт

Я лежала два дня в больнице — сорок восемь долгих, нудных часов, как труп в гробу, пялилась в потолок и мне было запрещено вставать, видите ли швы разойдутся. Слава всевышним поход в туалет был разрешен, но только под руководством сиделки, а за сиделку у нас выступала или мама, или Саша, или Алиса.

— Да бастард вас всех вздерни! Сколько я буду лежать! — не глядя на удивленную Алису, что почитывала роман и сидела рядом на стульчике, я заголосила на всю палату. Очень внимательно сестра посмотрела за моим кряхтением вовремя подъема, как я одевала тапочки, накидывала халат на пижаму. А потом скучающе опустила глаза к книжке, видимо поняла, что со мной спорить себе дороже.

— Сотрясение, — пропыхла себе под нос. — Это у них сотрясение мозгов, сколько меня здесь будут держать! — Вышла в коридор и поковыляла не спеша. Я знала, что у Димы палат номер тридцать. У меня семь, куда идти не представляла.

Атмосфера больницы порядком достала: дяньки в белых халатах, запах лекарств и разговоры семьи, словно с маленькой девочкой.

Я к Диме и пусть попробуют остановить.

— Анна Сергеевна! Анна Сергеевна! — ну что за невезение.

Пришлось прибавлять шаг, если вырвет, я убью врача. От сотрясения иногда мутило, даже когда в бок поворачивалась в кровати, а сейчас я ускорила шаг. По коридору завернула налево и на полном ходу врзалась видимо в пациента. Глаза подняла и... моя улыбка впервые искреннее засверкала за все время заточения в больнице.

— Привет, красавчик, что здесь забыл? — этот мой красавчик приостановился со смешинками на моих любимых ямочках. В шортах и футболке обыкновенных.

— Звучит как издевательство, Аня. Можно капельку уважения, благодаря этому мы спасены, — я очень хотела к нему в объятия, поэтому не устояла и не совсем поняла, почему он этого не сделал сразу.

Голос надоедливового врача послышался сзади с просьбой вернуться в палату.

— Я никуда не пойду, — обернулась назад. — Пока с ним не поговорю! — ткнула пальчиком в своего Диму, носом уткнувшись ему чуть ниже груди и обхватывая за спиной его ладонями.

И меня наконец приняли в объятия, тяжелыми руками обхватили и мягко погладили волосы.

— А мне, кстати, теперь навсегда привыкать к твоему новому виду? — мягко прощупала я почву, отодвигаясь от Димы подальше и оглядела "своеобразный" облик мужчины.

У него всё тело и лицо необычного серо-голубого оттенка, а кожа при ближайшем рассмотрении выглядела сгорбившейся, стянутой, будто Дима не вылезал из воды долгое время.

К моему удивлению любимый улыбнулся:

— Через пару дней приду в форму. Впервые понижал температуру тела не только себе, но и кому-то еще, поэтому себя переморозил. Боишься больше не буду красавчиком? — насмешливо скользнул пальцем мне по носу, в теплой ласке. Захотелось эти самые пальцы

поймать губами и не сильно куснуть.

— Поверь, нет ничего страшнее твоего характера, а это так, — я повела пальцами возле его лица, очерчивая воображаемые контуры. — Недоразумение...

Продолжили разговор у Димы в палате, когда оба кое-как улеглись на одной маленькой кровати. Как оказалось он впервые очнулся только час назад, полностью выкачал поток энергии и ухитрился себя почти заморозить. Отогревался два дня в бессознательном состоянии. Шел ко мне, а я к нему. У дураков мысли сходятся, всегда так думала.

Дима действительно выглядел уставшим. Прикрыл глаза, но со мной разговаривал, лапу свою повалил мне на грудь, тяжеленная придавила к кровати, но я не ворчала, слишком было хорошо от его близости. А Дима подобным образом как бы держал рядом с собой и носом ухитрялся пощекотать за ухом, это абсолютный максимум его движений.

И вдруг возник вопрос. От чего Дима не получал урона ни от пуль, ни от молний? Любимый рассказал, что это Санек самостоятельно провернул за его спиной, когда Дима в отключке был после операции- восстановления рук. Польски соединил их тела. Поскольку у Санька непробиваемая кожа, то теперь и у Димы почти не пробиваемая броня.

И вот тут я поняла, что я дура! И меня вновь обвели вокруг пальца, как маленькую девочку, но сил чтобы орать не было, поэтому я ворчала ему в шею злобно:

— Значит, вот почему ты с такой легкостью сиганул в Белесье? Потому что тебе бы ничего не было? — я шипела очень тихо, как обычно гадюки шипели, прежде чем вцепиться и брызнуть ядом в жертву.

— Аня, я без ума от тебя, но я не дебил! — коротко сказали мне в шею, чувствовала как улыбался, вода губами еле заметно по шее, как становилось сразу «чувствительно» всему телу от его будоражащих прикосновений.

— Ах, значит это я дебил! — еще тише прошипела я, пытаюсь игнорировать едва заметные теплые поцелуи за ухом. Здесь будто прозвучала барабанную дробь и теперь надо было перейти на ультразвук от злости, но раздался звонок или звук смс.

Дима не охотно перевернулся на другой бок, схватил телефон и прочитал сообщение:

— Выгляни в окно.

Так написано в смс? Я прошла к окну, задернула шторы. Как хорошо третий этаж, боюсь не скоро смогу подняться выше, чем на третий.

— Посмотри, — я улыбнулась, приглашая Диму. Он покряхтел но поднялся, слегка приобняв меня за плечо.

Моя Алиса с букетом цветов, Саша, рядом с ней Польски, вальяжно положив руку на ее талию что — то шептал и посмеивался. Моя старшая сестра делала вид, что ей безразличны словоизлияния парня. Следом Польски обернулся в другую сторону и скорее всего попросил закурить у Беатриче. Тот дал сигарету и помог прикурить, а затем передал сигарету Колдуну. Я надеюсь, это обычные сигареты, а не наркотики!? Рядом с ним Маша, потом Кристина и Волчица. Между последними девушками стоял, в жизни бы не подумала. Младший Барс и что-то обоим девочкам шептал. Кристина подпустила к себе представителя мужского пола? А замыкал строй Виталик, который в этот момент увидел нас в окно и приветливо помахал.

— Где увидишь подобное разнообразие Бастардов и Аристократов? — повернулась я к Диме.

— Да, — согласился Дима. — А еще в наших рядах Баллиец!

— Точно.

Мы смотрели в окошко, пока ребята начали суетиться и что-то делать на асфальте. День

был солнечный, от того очень приятный и заставлял ребят улыбаться. Сейчас Маша присела на корточки и, взяв в руки похоже мелок, принялась изображать из себя художника. Остальные посматривали на нее и что-то говорили будто диктовали.

— Ну и чем всё закончилось? — спросила я у Димы, пока наблюдала за изобразительным искусством теперь в исполнении Кристины.

— Медицинские центры уничтожены, корпорации уничтожены, почти все зверята уничтожены, город полуразрушен, много жертв, НО! Шмонт и Трески мертвы. А мне восстанавливать это дерьмо...

— И кто победил? — вопрос на засыпку.

Вместо ответа Дима улыбнулся глядя вниз через окно, мягко развернул меня туда и указал на рисунок:

Те, кому принадлежит народная любовь, — пояснил Дима, а я рассмотрела крупный рисунок, изображенный на асфальте. Розовое сердце, внутри него слева — голубая буква X, справа — бордовое W. Раньше между нашими буквами всегда ставили знак vs, означавший прямое сопротивление. Теперь между буквами мы различили знак +.

Врач не смог прогнать меня из палаты Димы, и мы всё время разговаривали, поскольку ничем приятным не могли заняться, когда у нас подобная минутка свободная появится поговорить? Выздоровеем и начнется, а в тот день много разговаривали, иногда на повышенных тонах, иногда осторожно, трепетно, боясь обидеть другого.

Споры возникали на пустом месте, к примеру какую фамилию взять после свадьбы. Я хотела Вильмонт оставить, мне сразу по шеям надавали, и сказали тогда уж брать тройную фамилию. Ананина-Вильмонт-Хаски. А потом Дима заявил, что Ананина его первая любовь, а на мне он женится исключительно ради денег.

В тот же день Дима надел мне кольцом с именем Дима, а я ему с Аней.

Вспоминая историю нашей любви, честно говоря вздрагиваю местами от некоторых событий, но стараюсь стереть их из памяти. Нет, больше не злюсь на Диму. Он не только делал больно, но и много раз спасал. Я со счета сбилась сколько раз спасал с того света. Я уверена, в дальнейшем он не позволит себе ничего лишнего. И не заметно я как-то прониклась к нему доверием, даже не поняла в какой именно момент это произошло. Когда наши жизни висели на волоске пару дней назад или раньше, когда я нашла в себе силы простить его в Белесье? Главное я его не боюсь, и полностью доверяю, даже если иногда не согласна с его мыслями.

А еще мы договорились, что историю нашей любви никому и никогда не будем рассказывать. Кто какие подробности знает, пусть останется при этих знаниях. Но всех подробностей не расскажем никому, тем более нашим детям.

Пусть для всех мы останемся парочкой, которая решила скрепить миллионы семей, спит в разных комнатах и живет отдельной жизнью друг от друга. А всё остальное будем знать только мы.

Но когда мы покидали здание больницы с Димой внезапно впали в детство, и я нарисовала на асфальте новый рисунок, пусть весь мир узнает о нашей любви "Аня + Дима = любовь"

Благодарю за внимание всех-всех. На сообщения отвечу всем.

Спасибо за награды Irina Kiryanova, Инга Макарова(2 раза)

Спасибо за перышки Natalia Granici, Инга Макарова (3 раза)

Кого устроил предыдущий конец, не советую этот читать.

Warning: жесткая ваниль, карамель и ягодный микс. Аж зубы свело.

Не, ну конечно, еще немного ругательств и эротики.

POV Хаски

Сегодня отвратительно жарко, это новая аномалия в Арзонте? Подошел к огромным окнам во всю стену и открыл верхнее, впуская ледяной порыв воздуха. Блаженно прикрыл веки.

Кабинет я оставил точно таким, который и был, мебель разве что сменил. Потребовалось четыре года, чтобы восстановить корпорацию Хаски по кирпичику, нет, точнее по стеклышку, здания наши состояли в основном из стекол.

Пять лет, чтобы в песочнице Арзонта создать заново прекрасные дома. Деньги, деньги, одни деньги. Никого особенно не волновало откуда можно было взять столько денег. Из воздуха взяли, представляете, я обладаю магией высасывания денег из облаков. Они вовремя дождя сыпятся мне на голову и я на них выстраиваю город заново.

А ваших налогов хватит максимум на дорогу из одного конца города в другой. Если бы не мое прекрасное настроение вы бы двадцать лет восстанавливали полуразвалившийся город.

А мой отец с недавних пор занял пост Председателя объединенной Немии, чего не ожидал никто, в том числе и я. Это также неожиданно, как ураган в Немии.

Телефон отвлек от дум, пришлось брать трубку. Пододвинул кресло поближе к прохладе из окна и развалился.

Я замотался... сдохнуть кто-нибудь даст спокойно?

— Привет, — ответил я неунывающему человеку, пока тот не успел поздороваться. И почему вокруг столько позитивно настроенных людей и все стремятся поднять настроение? Я похож на человека, который обожает смеяться?

— Слушай, я же тебя просил, Дмитрий Сергеевич? — на этот раз Барс говорил не звонким, залиvistым голосом, а очень тихим и даже похожим на мужской. — Доп партию вашего высокопрочного металла? Просил?

— Ну? — спросил вместо ответа. — И чем тебя не устроил?

— А тем, что ты не дал мне его вывести вовремя? — ого! Барс начал визжать, как последняя баба. — Я на границе как дебил стоял! Из-за этого целый день просрал и на пени покупателю влетел! Вот чего! Ты специально, Дмитрий Сергеевич, я знаю! У тебя с ним шуры-муры с этим покупателем, да? И ты специально, нагреть меня хотел!?

Я не выдержал, пытался сдержаться, пока этот недоносок на меня голос повышал, но теперь всё:

— Ты как баба беременная, что за сопли? Какой к бастардам в зад покупатель!?! — я сейчас сам, как Аня на последних месяцах орать буду. Хотя я тоже тогда был жутко нервный, особенно с первым. Ее два месяца держали в больнице на сохранении, чуть не поседел, хотя, слава всевышним, я итак светлый, иначе бы уже седым стал.

— А ну гони триста тысяч! — заорал Барс мне на ухо.

— Я тебе сейчас, сука, пригоню триста тысяч! — подорвался с кресла, словно увидел

неподалеку Барса и готовился ему шею вывихнуть. Снял пиджак с рукавом три четверти и шибанул об кресло, остался в одной белой, короткой рубашке. Высунул лицо в открытое окно. — Пригоню бабло, не одна бабка не отшепчет, понял меня! Люди правильно работали, проверяли, что ты вывозишь из нашей страны, а ты умственно отсталый не удосужился пару дней лишних забить между покупкой и реализацией товара, вот и вытаскивай из собственного кармана бабло! Понял!?

— Понял!? — в моей же манере ответил раздраженный мелкий голос. Он мне сейчас поорет.

— Ты на кого рот раззявил? Баллийский бизнесмен, мать твою!? А теперь подавись, хрен разрешу площадки для ваших летательных аппаратов на нашей территории!

— Ты не посмеешь? — Барс даже взвизгнул, мне показалось голос стал подозрительно женским, как у юной, тупой курицы. — Не...не...не посмеешь!

Минут десять я орал в открытое окно, а из телефона на меня в ответ пытались орать, потом вроде дела все обсудили на повышенных тонах, и я уселся удовлетворенно в кресло за рабочий стол. Пока позевал, включая компьютер. Не спал в самолете, два дня опять не был дома.

Мое рабочее место расположено спиной к двери. Протер лоб и морщины, Аня вечно их стирала, не нравилось ей, что я морщился.

— Как Анька поживает? Как с романтикой? — услышал от Барса.

Теперь мы перешли, собственно, к обычному разговору. Орать перестали, дела закончились, можно и нормально поговорить, если не выбесит.

— С Аней? — уточнил я. Услышал как сбоку дверь громыхнула, предварительно по ней постучали, как бы спрашивая можно войти или нет. Молчание с моей стороны — означало согласие.

— Как тебе сказать... — неуверенно начал я. — Бывало и лучше. Не женись мой тебе совет!

Слышал, как секретарша сбоку гремела посудой, наверное, наливала кофе, знала прекрасно мои предпочтения.

— Поздно, уже женюсь, — донесся ответ Барса. — Кристина отказывается переезжать ко мне по-другому!

— Беги! Со всех ног. Вот сколько у тебя секса? — Барс промолчал на мой вопрос и правильно. — Сейчас у тебя сто процентов секса, а потом начнется: у меня голова болит, у меня экзамены, у меня токсикоз, врач запретил, потом роды, потом я устала, а потом только дорвешься и на радостях на, сука...

Я от досады хлопнул одной ладонью по другой. Секретарша прошла к моему столу. Я сбоку наблюдал за ее пластичными телодвижениями, видел край ее белоснежной кофты и черной юбки, обтягивающей бедра. Пока она поставила поднос на стол, я успел увидеть как женская грудь еще больше вывалилась из разреза рубашки при наклоне тела вниз. Секретарша расставляла кофе, медленно клала две ложки сахара. Медленнее...медленнее в голове просил. Изящные пальцы очень эротично держали ложку с сахаром и медленно пересыпали. Как наяву представил ее пальцы, которые медленно будут также играть с членом. А еще лучше, если она сейчас задерет эту строгую юбку и поласкает себя передо мной.

Всё. У меня крыша поехала.

— И что на радостях? — уточнил Барс.

Точно. Я же разговаривал до секретарши с Баллийцем о том, что у жены болит голова и как только после родов я дорвался до неё — на тебе...

Вслух ответил:

— А на радостях опять заделал малыша и заново: у нее кружится голова, врач запретил, роды, устала... — обреченно закончил я. Секретарша убрала поднос, перегнулась через стол и я увлеченно засмотрелся. Она нагнулась вперед, ко мне спиной, черная юбка обтягивала...

— Какая зад...! — с трудом сдержался, чтобы не сказать целое слова Барсу.

— Что? — переспросил тот.

Я в момент наострил окуляры глаз на округлую задницы, разрез на юбке очень высокий, и там теперь виднелись черные чулки. Протянул руку между ногами секретарши, погладил жесткими пальцами резинку ажурного материала, где закачивался чулок. Поласкал нежную кожу девушки, совсем чуть-чуть, и, наконец, притронулся к нижнему белью.

— Говорю зачем нужны жены, когда есть такие секретарши? — последние слова говорил сам себе, потому что трубку давно отключил. Ладонью заставил женские ноги максимально раздвинуться, хотелось там членом провести жестче. Правой рукой надавил на поясницу, заставляя девушку опереться локтями едва не в кофе.

— Раздвинь ножки, девочка.

Умная девочка прогнулась в спине, отпячивая округлую попку. Юбка ужасно раздражала нервные клетки, и надо было срочно ее убрать. Двумя руками помассировал нежную женскую кожу, попутно собирая ткань вверх. Передо мной кружевные красные стринги, это мое воздаяние за дни воздержания в командировке!

Какие жены, какие дети, когда такая девушка рядом ходит!

Вскочил, словно углей на кресло навалили и задница загорелась, но это не так. Горело другое место. Был, наверное, «слегка» резок, когда прижал свою добычу к себе максимально близко, чтобы чувствовать ее голые бедра, прижал к ширинке, провел напрягшимся членом, показывая, что хотел сейчас. Жестко, на столе, снять с нее это развратное белье, раздвинуть ягодицу и до основания вспороть ее.

Она научилась не стесняться оргазмов и иногда вскрикивать. Эти сладкие ее звуки-стоны, с ума сводили. Поднял свое любимое тело со стола, прижимая ее спину к животу и поймав за шею, мягко развернул. И, наконец, поцеловал, как же я соскучился по ее телу, в этой долбаной командировке одиноко, там холодно в кровати без Ани.

— Хочу тебя, — прошептал ей в губы, чуть отрываясь.

POV Вильмонт

— За жену ответишь по всем статьям! — его губы манили, чтобы я его поцеловала. Сзади очень твердо упирался член между ягодицами. — Чувствую, что скучал, — рукой провела по его брюкам, нашла то, что требовало наибольшего внимания и обхватила. Как будто ответно дернулся в моей руке, призывая дальше гладить, что я с огромным желанием и сделала. По всей длине погладила, чуть сжимая и чувствуя, как одновременно мои губы вновь были пленены.

— Камеры, — прошептала, чуть вырываясь из сумасшедшего плена его губ.

Дима сделал какой-то жест пальцами, будто стер невидимую пылинку в воздухе. Смею предположить отвернул камеру в кабинете. А дальше развернул меня вокруг оси, словно просматривал весь облик.

— Сойдет? — насмешливо спросила, улыбаясь,

Не заметно мы переместились на рабочее кресло главы корпорации. Сам глава удобно развалился на кресле, утоп в нем, а меня посадил сверху к себе передом. Получилось я будто бы по диагонали: спиной-лопатками лежала на столе под поясницей — пустота, но коленями обхватила ноги Димы. Почти удобно, но вес приходилось удерживать, напрягая мышцы ног.

А потом я коленями залезла на подлокотники кресла, они довольно широкие, обитые черной кожей. Локтями уперлась в стол, если Дима нечаянно отъедет на стуле, будет не очень, я упаду.

Муж, кажется, понял мою аферу, крепко поддерживал одной ладонью снизу за бедра, чтобы не упала, а сверху поглаживал красные, ажурные трусы или ниточки, как он из называл. Сжал спереди материал белья гармошкой. Ниточка вклинились между ног и Дима чуть сжал ее, подняв вверх. Создал этим движением давление-ласку на самую чувствительную точку. Я простонала, как последняя падшая женщина, которая изголодалась по мужской, точнее по Диминой ласке.

Чуть прохладные пальцы нырнули под белье и очень мягко погладили по теплым, мокрым складкам. Даже глаза прикрыла от солнечного света и от этого сладкого трепета, который обласкал мое тело с ног до головы.

— Дима? — попросила сквозь этот стон. Муж сразу понял, что я мечтала ощутить его в себе.

Как хорошо, что сюда пришла... это лучшее утро за последние несколько дней.

Шарах по стене... не сразу поняла, что это дверь, но Дима подорвался с кресла, и я едва не упала. Вовремя муж подхватил завизжавшую меня за бедра и прислонил мое оголенное тело к себе, будто скрывая свои руками.

— Я ничего не вижу, я ослеп! — услышала сбоку от нас в проходе.

Пока прятала лицо в Диминой шее и от стыда скрывалась там, но потом трусливо приоткрыла глаза, чтобы посмотреть, на этого плохого человека, нарушившего наше уединение. Польски демонстративно шел, ладонью закрывал при этом «типа» вид на нас.

— Я знал, что вы здесь непотребством занимаетесь, поэтому не смотрел. И не ругайтесь на тетушку Грету. Она сказала, что у вас занято, но Дмитрий Сергеевич... у нас через пятнадцать минут собрание, а вы здесь...

Всевышние силы! У него собрание шестерки сегодня, а я дура забыла. Гадал почему муж на работу бегом, а не ко мне после командировки в кровать на пару часов. Какой позор! Глаза прикрыла пальцами одной руки, наверное, скрывала от Димы свое покраснение.

— Я тебя сука... - а дальше пока я одевалась, сидя на Диме сверху и попутно застегивая пуговицы на белой рубашке мой муж материл Польски. И самое безобидное было «сука». — Не поворачивайся гнида, я тебе тоже когда-нибудь устрою сюрприз! Отомщу по полной. Я не злой! Я просто все хорошо помню! — орал мне Дима на ухо. А я тут причем?

Кое-как опустила обтягивающую, узкую юбку. Только потом развернулась и присела поскромнее к Диме на колени, свесив ножки на пол. Чинно положила ладошки на колени и постаралась восстановить нормальный цвет лица, а не малиновый. Будто это не я сейчас молила мужа меня полизать полу голую и на столе.

— Итак, Дмитрий Сергеевич! — Польски встал напротив Диминого рабочего стола и выхаживал назад-вперед, словно тут господин по меньшей мере. — Я теперь знаю, что такое издержки, представляешь? Я уже настолько научился тебя прикрывать, что выучил это слово.

Бу-бу-бу. Я локоть поставила на стол, раздраженно и громко выдохнула воздух. Потом мы с Димой переглянулись. Я приобняла мужа за шею, и поудобнее уселась. Съехала к напрягшемуся члену поближе. Я честно не специально. Но Дима посмотрел на меня неодобрительно, как будто я Бастардов продала Баллийцам в рабство. А вообще цвет его лица и прищуренные глаза напоминали вид дикого быка, перед которым махали красной тряпкой. Его пальцы легко барабанили мне по юбке, по бедру, ощущение что начнет сейчас ногой вспарывать пол, готовясь к старту. Не люблю, когда он злится.

Взяла большую теплую ладонь Димы, на что он с сомнением посмотрел, но промолчал. Я поставила его руку ребром на стол, сцепила его нижние четыре пальца, большой палец оттопырила вверх. Дима странно посматривал за моими махинациями, пока Польски продолжал бубнить что-то себе под нос. Мы мало его слушали.

— На старт. — Прошептала Диме на ушко, подняла его ладонь именно в том виде (напоминающем пистолет) и прищурила один глаз.

— Внимание! — чуть громче озвучила, Польски не обращал внимания, как будто мы с Димой фон.

— Пли! — громко выдала, направляя Димину ладонь туда, куда хотела, а именно вперед — в голову Польски!

Из четырех пальцев Димы вырвалось небольшое длинное пламя, которое резко вспыхнуло и пропало. Огонь должен был подпалить одежду Саньку, но тот в последний момент резко сделал шаг назад и избежал огненного потока.

Ну наконец-то... Я развернулась на смех Димы. Наконец-то, он заулыбался моими любимыми ямочками, видно гнев его чуть отпустил. Не люблю, когда он злится, люблю, когда смеется. И мне хотелось сразу в ответ улыбаться.

Поудобнее устроилась на груди мужа, подтянула ноги повыше, а Дима приподнял за бедра, чтобы не свалилась с кресла и теперь спокойнее поцеловал, пока Польски бубнил.

— Эй вы! — заорал он. Пришлось обрывать наш «милый» неспешный поцелуй, такой мы позволяли себе в выходной день, когда с детьми кто-нибудь сидит, а мы предоставлены целый день друг другу.

— Анна Сергеевна, вы мешаете Дмитрию Сергеевичу! У нас осталось пять минут до собрания!

Да. Да. Да. Конечно, я раздраженно покивала головой, а сама пока Польски отвернулся и продолжил доклад, сперла Димин телефон:

— Ничего...ничего, — бурчала себе под нос. — На каждого Капрала найдется свой Капрал!

Тихонечко хихикала про себя, набирая смс. Это обещало быть веселым.

Мой дорогая сестра была невероятно оперативна.

Польски посмотрел на телефон (видно Саша успела набрать сообщение), потом на меня, сидящую с довольной ухмылкой на коленях мужа, и одновременно махающую ему ладошкой.

Съел!? Очень хотелось злорадно посмеяться.

Польски с разбегу упал на колени перед рабочим столом Димы, пальцы в замок скрепил и локти на стол поставил. Клоунада Польски в действии, после таких выкрутасов его вечно прощали люди.

— Миленькая, добренькая, — начал Санек, при этом скривил мордочку, сделав по истине ангельское лицо. Словно невинный агнец во плоти стоял передо мной на коленях.

— Пожалуйста, Анечка, любименькая! — продолжал наш личный клоун, потом скосил

взгляд на Диму. — ЕГО в смысле любименькая, — пальцем указал на мужа. — Ну пожалуйста, Анечка, СПАСИ МЕНЯ! Я ЗАТРАХАЛСЯ!

А потом Польски начал тараторить без умолку, а мы с Димой смотрели с удовольствием, наблюдая за моральным уничтожением «врага».

— Сделай что-нибудь со своей сестрой. Я так больше не могу. Сколько можно сексом заниматься? У Сашки по-моему этот... кризис тридцатки, она занимается сексом каждый раз, как в последний раз. При этом говорит: Мне осталось лет десять, а потом я стану фригидна.» Не... я не против!

Санек встал с колен, видимо, решил, что достаточно унижений с него и принялся ходить вновь по кабинету, при этом размахивал руками, взмахивая и взмахивая, как опахалом.

— Я не жалею! Всё отлично! Всё качественно и вообще улёт, но Бастард раздери, я устал! Мне нужна передышка — это, как длительный марафон без остановки. И этой остановки пока не вижу. Я прихожу с работы, у меня выпотрошенный труп перед глазами...

— Фууу, Польски, — скривилась я, представив картину. Спасибо, навечно запомнила Колчак, взрыв, руки в крови...

— Извини за подробности, — продолжил Польски. — Так вот прихожу домой хочу пожрать, ладно хоть готовит неплохо, хочу развалиться напротив домашнего кинотеатра, покурить сигару, выпить расслабляющий тонизирующий напиток...ладно тут тоже без придинок. Сашка это всё позволяет и даже не кряхтит, что я лентяй не помыл посуду, она даже со мной порой смотрит баскетбол. Я ее к баскетболу приучил. Но ее эта шизофрения с сексом уже на грани. У меня после кровавого трупика руки дрожат...какой секс? Я боюсь посмотреть на Сашу и увидеть бледного мертвеца с распоротым брюхом! Ей надо к психологу, может Имину на нее натравить? Анечка, посоветуй что-нибудь. Спаси меня! — Польски опять с жалобным лицом развернулся в мою сторону и перестал на ковре ботинками протаптывать плешивую дорожку.

— Эх, мне бы твои проблемы... — услышала сбоку от мужа. Это я сейчас что-то не поняла. Молча изучила любимого, как-то мне показалось прозвучал укор в мой адрес. Шпилька в мой адрес, нет, это не шпилька, это прямо-таки разрывная граната. Ладно, потом обсудим.

— Хорошо! — улыбнулась я довольно. — За это, когда бы я не пришла, в любой момент, хоть на собрание шестерки, ты будешь нас прикрывать. Хоть с транспарантом стой возле дверей, что у нас занято или мы на свидании. Понял?

— Конечно, конечно, — уверил Санек. — Только если способ по-настоящему действенный.

— Рассказываю — берешь и даришь ей, — подняла правую руку ладонью к себе, а Польски демонстрировала обручальное кольцо с надписью «Дима» на нем. — Понятен намек?

— Ооо, — прокомментировал опять мой муж, при этом подозрительно весело. — Гарантирую — полгода без секса!

Я не поняла? Я действительно не поняла? Это сарказм из уст моего благоверного? И когда вдруг научился? Пусть не врет, всё нормально у нас сексом было. Естественно, пока разгребали оба завалы, он сам на работе пропадал, пока Юленька никак не сваливала из его квартиры. Как же так, ей некуда деться, ждали пока уедет из города. Когда Юля покинула его квартиру, тогда я успокоилась.

А потом они город отстраивали, потом подготовка к свадьбе, учеба, параллельно продолжила работать в управленческом центре, Дима, конечно, злился. Предлагал местечко у себя в качестве секретарши. А мне не хотелось от него зависеть. С одной стороны — мы бы смогли больше времени проводить вместе в течение дня, но с другой стороны — мне там развиваться негде. До конца жизни ему кофе носить?

К тому же, несомненный плюс. В конце рабочего дня мы созванивались и начинали отсчет, кто первый придет домой, тот рассказывает Денису сказку на ночь или моет посуду, или делает ночью эротический. Когда на кону стоял последний вопрос, мы оба приезжали гораздо позже обычного.

Со всеми остальными Дима держал панцирь-защиту, чтобы его ранили, а у нас дома в пианино раскрывался и позволял нам четверым видеть его другим. Нашему старшему два года и три месяца Денис — в честь деда Димы, кстати по фотографиям муж копия своего родственника. Младшему — полгода и зовут его Демид.

Мама Димы пищит от восторга при виде малышек. Я не узнала эту женщину, отношения с ней поначалу не складывались, было немного неудобно. Но потом, когда родился Денис, свекровь с огромным энтузиазмом начала помогать с мальчиками. И сейчас постоянно няньчилась с ребятами. Меня иногда посещала глупая мысль, если бы я не кормила грудью Демиду, меня бы уже давно отправили куда-нибудь подальше, чтобы не мешала.

Ладно, это у меня материнская ревность срабатывала порой, а Дима и рад был вниманию мамы. Наверное, счастлив, что его мать «оживла» и с непередаваемой любовью занялась внуками. Поэтому свою ревность я заталкивала пинком глубоко в себя и улыбалась тому, что муж рад.

Я невольно вздрогнула, когда в кабинет постучались и тетюшка секретарша с улыбкой побеспокоила нас. Начиналось время собрания большой шестерки. Я напоследок поцеловала Диму и встала с его колен. Напомнила об ужине вечером, сегодня пять лет, как стала Анной Хаски. Сначала было ужасно жаль расставаться с фамилией Вильмонт, но потом подумав пришла к выводу, что буду каким-то отростком, если оставлю двойную фамилию. Дети будут Хаски, муж — Хаски, а я — Вильмонт — Хаски, как не дочлен семьи.

Надела очки, скрываясь от яркости солнца в девять утра, В такое время птицы пролетали и чирикали над головой, парк возле корпорации восстановили. Здесь вновь гуляли мамочки с колясками и бегали маленькие сорванцы. Но на фоне природных звуков, таких как шелест деревьев и пение птиц, на весь город раздавался громкий стук молотков. Арзонт только на половину отстроили, остальную часть по-прежнему ремонтировали. Десятилетие восстановительных работ. Наверное эти года и войдут в историю, как десятилетие возрождения Немийцев.

Насколько знаю, медицинские центры не стали восстанавливать. Удивлялась, спрашивала почему? Колец мы больше не носили. Дима отвечала коротко и насмешливо — принуждение это зло, и решать кому и что делать не вправе никто другой. А зверята именно этим и занимались — приказывали другим. А потом после громких, пафосных фразочек Дима начинал смеяться и утверждал, что если кое-с кем он не был настойчив, то мы бы никогда не были вместе.

Мама Ангельского вмиг изменилась после случившихся событий, точнее после известий о смерти сына, осунулась, стала спокойнее, больше не кричала на сотрудников. Незаметно нашли общий язык и она со временем меня повысила. Я заняла место Миши. Отвечала за сбор налогов по всему Арзонту и, если происходили какие-то проблемные ситуации

приходилось разгребать мне. Взяла себе все организации Димы и пинала его. Это весело... хочешь не хочешь, а ему приходилось со мной считаться и точно в срок уплачивать. Никаких поблажек, мне кажется, я с ним еще строже и вреднее была. А ему ничего не поделаешь, на женщину не наорешь, мог конечно, дома побубнить немного, а потом всё равно утаскивал к себе на колени, как осьминог, ни рукой ни ногой не пошевелишь, и тискал, как плюшевого мишку. Мне надо определенно родить ему дочь, чтобы тискал ее.

С мальчиками Дима — серьезный папочка, приходил с работы и у них обязательно следовало десять минут разговоров по душам. Первый раз, когда меня пнули из комнаты, даже думала обидеться, а потом тихонечко посмеивалась над их «мужскими разговорами». Что-то им рассказывал Дима тихо по ночам, а они его слушали замороженно. Я втайне надеялась, он им не кровавую историю рассказывал?

Дима с серьезным лицом пытался Денису что-то рассказать, тот коверкал слова, но понять можно, о чем говорил. А Демид замороженно слушал папу и сосал соску, того и гляди выронит ее, забывал порой о ней.

О чем они болтали, Дима не рассказывал, молчал, как партизан.

Так и представляю Димин голос: Мальчики, если вам сломали вашу игрушку в песочнице, обидчиков надо сразу наказывать, чтобы неповадно было впредь вас обижать! Берете лопату и хрясь по голове обидчика. Гарантировано — больше не подойдут. И не волнуйтесь, папа и бабушки вас отмажут.»

Я после их мужских бесед очень долгое время ходила по дому и хихикала сама с собой.

Малышам нравился папин голос, признаюсь, мне тоже жутко нравился. Особенно, когда на ушко шептались всякие извращенные мыслишки, аж колени подгибались и норовили упасть на горизонтальную поверхность и раздвинуться. Уххх... Польски...гад, помешал.

А сейчас я направлялась в поместье Хаски, отныне там на постоянной основе проживала мама Димы. Специально переехала в тот дом, чтобы, как она выразилась, мальчики дышали свежим воздухом. У них же поместье окружено со всех сторон почти лесом, ну посадкой можно сказать и это считается свежим воздухом?! И сегодня пока я сбежала к Диме повидаться, она с мальчиками гуляла на пруду.

Вечером собралось двойное семейство для празднования пяти лет нашей свадьбы. Кто смог, тот и прибыл, конечно, не всем огромным составом наших семей, но уже что-то.

Я стояла с Демидом возле обеденного стола. Малыш жутко любил сидеть у меня на руках и надо было обязательно ходить с ним и укачивать, а он как обезьянка передо мной повис, я его под попкой поддерживала. Ножками болтал, и меня в упор разглядывал, как какой-то экспонат, его голубенькие, внимательные глазки всегда, как лазеры, прожигали насквозь. Демид не упускал случая подержать меня за грудь или за нос пощупать, или за кудряшки подергать. Ну просто копия папы!

Он даже, когда валялся в кроватке, игрался пару минут с игрушками, вроде только увлекся, отойдешь на кухню и тут шарах. Погремушка поскакала по полу. Я влетала в комнату и чувствовала укорительный, надутый взгляд, мол почему меня, негодная мамка, оставила. Я же говорю копия Димы! Только муж обычно орал с дивана, как я посмела его величество оставить, у него выходной день или там что-то еще, а я еще не щеголяла голышом перед ним. Мужики мои...

Денисочка один меня понимал, такой смышленный малыш — два и три, а уже болтал, что-то мило рассказывал и не услышишь от него писка или визга, такой спокойный. Даже сейчас сидел на коврик и играл с машинками рядом со мной. Аж глаза заслезались, не знаю

что со мной, жалко Дениса стало.

— Дима, возьми Демида! — громко сказала.

К моему удивлению подошел мой папа и взял к себе Демида, очень аккуратно прижал его светлую головку к своей рубашке и что-то начал сюсюкать. Мой отец и сюсюкать! Я давно заметила странное поведение отца к Демиду, еще когда на восьмом месяце ходила. Отец был очень рад, что я активно занялась воспроизведением потомства, и какая я умница отхватила себе выгодную партию и вообще я умница, а не дочь. Я тогда была очень польщена, конечно, но всё это было сказано, в укор Саше, которая падшая дочь несколько лет жила в качестве любовницы с каким-то...оболтусом... капралом, видите ли. Безответственному сыну, который хоть и закончил административное право, отказывался идти по стопам отцам, вместо этого сейчас взял на себя управление Баттлами. Когда прежних хозяев «убрали», закопали в могилу скажем открытым текстом, нужен был управляющий человек, знающий данную сферу. Паша изъявил желание, он естественно всё знал о развлекательных центрах и теперь являлся одним из управляющих баттлами. И это также было сказано в укор Алисе, та закончила медицинский университет, успела несколько месяцев провстречаться с Виталиком, который Хаски, но похоже у них не вышло.

И моя сестра не давно стала петь. Я когда-то упоминала, что Алиса у меня поет хорошо, так вот моя сестренка теперь пела в ЖИЖЕ. У отца едва инфаркт не хватил после этого закидона. Она — среди десяти металлистов, вся такая красивенькая, рыженькая, хрупкая. Цветочек среди группы Бастардов. Отличный ход, за счет одной Аристократки группа буквально взлетела по популярности. Женский голос отлично разбавил мужские басы.

Папа начал очень активно проявлять дедовскую заботу. И мальчиков туда надо отдать и в три годика обязательно надо на курсы какие-то отдать. Короче, закралась у меня одна мысль. Особенно учесть, что отец внезапно, по словам Павлика опять же, перестал его донимать с наследничьими обязанностями. Уж не собирается ли папа на Демида перевалить свои обязанности, когда тот слегка повзрослеет? Денис же наследует богатство Хаски.

И сейчас папа гордо взял Демида, и они пошли на улицу за бабочками наблюдать. О, как!

А я пока присела к молчаливому Денису, по внешности он взял, пожалуй, самые милые черты и от меня, и от Димы. Волосы у него темные мои волнистые, глазки голубые большие, губки, как у Димы уточкой, и ямочки, овал лица помягче, не такой резкий, как у отца, и подбородок — мой помягче не этот квадратный, упертый. Если Дениса не одеть в мужскую одежду его иногда с девочкой путали, он тихий, мирный, и очень любил, когда его обнимали и целовали. Сам тоже всегда целовался в ответ. Так и сейчас присела в позе лотоса на ковер и подтянула Дениса к себе на ноги, обняла его. А он и рад, чуть улыбнулся и начал что-то про кубики лепетать.

Муж у меня бывал и таким, как Денис, тихий и довольный, когда счастлив. Дима, словно два характера, поделил между сыновьями. Пока мы валялись на ковре под ногами у гостей, ладно они привыкли, одним ухом слушала новости. Дело в том, что сегодня решался вопрос по поводу Бастардов. И у Димы как раз по этой причине было собрание шестерки. Встал вопрос, как поступать с Бастардами после рождения, скажем так сдвиг наметился, но пока оставлять на воле новорожденных детей не решались. Они в детстве постоянно болели и Аристократов это пугало. Но сегодня на собрании решили позволить малышу-Бастарду оставить связь с матерью и отцом, если те пожелают. И те раз в неделю могли навещать малыша в интернате. Все равно житье, как в тюрьме, но лучше, чем прежде. Бастарды таким

образом не будут изгоями, останутся привязаны к семье. Надеюсь, со временем Аристократы привыкнут к Бастардам.

Теперь почти все университеты принимали определенное количество Бастардов, наш год был первооткрывателем в этом плане. Я похоже приняла на себя всю мощь ненависти Аристократов. Ох...было...убийственно.

Волчица вышла давно замуж за того мистера с ее прежнего места работы, успешно снималась в рекламах, пару раз благодаря моей Саше на подиуме засветилась. Рожать пока не собиралась, фигуру блюла.

Кристина, к моему глубочайшему удивлению, нашла язык с Барсом младший, это было очень удивительно. Он ей предложение сделал недавно.

Ну а Маша пока семьи не имела, зато успешно контактировала с группой ЖИЖА благодаря Алисе. Я рассказывала, что она любит стишки писать, вот теперь и писала для ЖИЖИ, про кровь и трупы. И Маша по секрету поведала, что молчунья Алиса спелась солистом ЖИЖИ — это такой мальчик — Бастард с волосами — иголками на башке и с черными тенями вокруг глазам, как у маньяков, а еще красные зрачки и губы, нарисованные белой помадой. Если папа узнает, что Алиса променяла Виталика Хаски на «этого» человека по кличке «Ртуть», папа ее на костре живьем сожжет и наследства, наверное, лишит.

Я резко встрепенулась, когда во входную дверь буквально влетел мой папа с визжащим Демидом. Папа перепугался, наверное, быстренько ко мне намылился и передал в руки. Я приняла малыша к себе на ноги, а маленький сразу ручками начал бултыхать в воздухе, пальчиками вцепился мне в открытый вырез, где виднелась грудь, там и оставил. Потом опять устремил лазеры глаз на меня и лицо потянул вперед. Открыв ротик, прижался к моей щеке и завис. Хотел поцеловать, а не понимал, как это сделать, поэтому просто всегда так зависал с открытым ротиком и слюнявил меня. Ну точно, у папочки пытался перенять! И сразу весь крик у молодого человека прошел. Довольный сидел у меня на руках, Дениска рядом с любопытством смотрел на этот комок в моих руках и тыкал ему в щеку.

Дети — это что-то...

Тем же вечером пошла укладывать ребят пока одного, пока второго успело стемнеть, гости понемногу разбредались, а мы с Димой планировали сбежать ночью и предаться похоти в одном романтичном местечке. На острове сняла номер в подводном отеле. А можно и на берегу океана пошалить, как пойдет. А Дима знаю, что подарит. Всегда одно и то же — трусы кружевные, лифчики, пенюары и чулки ему подавай, можно голой, но в чулках. Не знаю, когда я последний раз себе сама белье покупала.

Только уложила малышкой, вышла в темный коридор и вздрогнула, когда во тьме сверкнула белая рубашка! Знакомые руки подхватили, а я уже приготовилась кричать «помогите».

— Дурак! — буркнула ему в шею, которую покрепче обхватила, чтобы не свалиться. Дима нас в соседнюю отнес и мы уселись ласкаться и обниматься, пока свободная минутка. Но скоро надо валить на остров, подальше от гостей, но как-то не получилось встать с кровати.

И вот уже Дима без рубашки на покрывале, я в одних трусах спиной к двери, вполне готовая ко всем свершениям, крайне возбужденная на мужских бедрах. А Дима в брюках и снимать не собирался. Развалился, как повелитель, руки закинув за голову, и с улыбкой поглядывал:

— Давай...садись...

Я говорила, что от этого голоса подгибались ноги и раздвигались колени в разные стороны, и сейчас не удержалась, поэтому потерлась бедрами. Стало сильно жестко и больно от этого трения.

А потом расстегнула ширинку, взяла твердый член, отодвинула мешающую ткань своего белья и аккуратно села позволяя, себя раздвигать изнутри, до упора растягивать нежную кожу. Я вся мокрая...

Стук в дверь заставил испуганно подняться с Димы. Мы дверь не закрыли, но слава всевышним, догадались не открывать. Невольно опять вжалась в Диму грудью.

— Эй! Вы там! Гости уходить собрались, прощаться будете? — мой тупой братец любил всегда мешать.

— Да твою мать... — пробубнил Дима мне в грудь еле слышно, дышал хрипло, да я и не лучше.

Какое прощаться, пусть катятся. Созвонимся позже!

Дима озвучил мои тайные мысли:

— Почему весь мир не может взять и испариться!? — чуть громче спросил у двери и рукой повел, замок закрывая. — Не мешай людям любить друга друга!

А потом почувствовала, как между ногами поправили вновь ткань белья, освобождая влажное и пылающее от жара влажное местечко. Дима всегда стремился согреться этим теплом внутри меня.

— Правильно я сказал? — чуть с придыханием спросил, с перерывом после каждого слова, целуя меня. Членом водил мне между ногами, словно дразнил, поглаживал, чтобы я сильнее раззадорилась.

— Д..да, — невольно сорвалось, а потом меня насадили, раздвинули максимально, окунаясь в мое тепло.

К бастардам весь этот мир! И пусть хоть революция будет в Арзонте я не слезу с Димы сейчас. А он не отпустит меня, будь хоть землетрясение в доме, ухитрится завершить как-нибудь дело.

— Вот такие мы эгоисты да, любимый? — спросила.

Пальцами водила по мягким волосам мужа. А Дима пытался губами закусить грудь, которая то поднималась, то опускалась перед его глазами, пока я руководила процессом нашего очень яркого и неспешного слияния тел.

Прекрасные мы половинки...

Больше книг на сайте - Knigolub.net